

Московский Патриархат
Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

на правах рукописи

Иерей
Михаил Викторович Самков

**СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ БИБЛЕЙСКОГО ПЕРЕВОДА:
ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ, ГЕРМЕНЕВТИКА, МЕТОДОЛОГИЯ**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата богословия

Научный руководитель – Десницкий А.С.,
доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник института Востоковедения РАН

Москва
2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	13
1.1. Теория перевода от зарождения до XX в.	14
1.2. Теория перевода от нач. XX в. до нач. XXI в.	25
ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛИСТСКОГО ПОДХОДА (ТЕОРИИ СКОПОСА) К ПЕРЕВОДУ	64
2.1. Введение в функционалистский подход к переводу	64
2.2. Природа перевода в функционализме	66
2.3. Критика теории скопоса	109
2.4. Перспективы использования функционалистского подхода К. Норд в области библейского перевода	114
ГЛАВА 3. ПРОЕКТ «НОВАЯ БЕЛАРУСКАЯ БІБЛІЯ». НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ПЕРЕВОДА И ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА КНИГИ ИОНЫ. 125	
3.1. Формулировка переводческого задания	125
3.2. Анализ коммуникативной ситуации перевода	129
3.3. Переводческий анализ оригинального текста	150
ГЛАВА 4. ПЕРЕВОД КНИГИ ИОНЫ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК: РЕШЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	181
4.1. Концепция литературного перевода	181
4.2. Концепция отчуждающего перевода	189
4.3. Определение макростратегии перевода	194
4.4. Определение практических инструкций	197
4.5. Решение переводческих проблем	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	269
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	278
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	279
ПРИЛОЖЕНИЕ А	295
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	297
ПРИЛОЖЕНИЕ В	299

ВВЕДЕНИЕ

Библейское повествование о строительстве Вавилонской башни (Быт. 11) говорит о множественности языков как о средстве, которое Бог использовал для того, чтобы расстроить горделивые замыслы людей и лишить их возможности общения и понимания. Однако в день Пятидесятницы множественность языков становится даром Божиим, благодаря которому спасительная весть о Воскресшем Иисусе становится доступной всем людям (Деян. 2). С этого момента перевод Благой Вести на языки народов мира стал неотъемлемой частью миссионерского служения и литургической жизни Церкви. События Пятидесятницы и вся последующая история Церкви свидетельствуют не только о возможности перевода, но и о его необходимости, поскольку именно благодаря проповеди и переводу евангельской вести в разных концах мира создавались Церкви Божьи и к стаду Христову присоединялось множество новых учеников. Церковная традиция видит в переводе Библии продолжение апостольского служения: так, создатели первого славянского перевода Библии и богослужебных текстов святые братья Кирилл и Мефодий именуются равноапостольными.

Перевод Библии есть дело не только прошлого, но и настоящего: до сих пор эта книга является самой переводимой книгой в мире. В некоторых случаях необходимость переводов библейских текстов вызвана их отсутствием на языке того или иного народа. В других случаях язык древних переводов устаревает и затрудняет понимание Слова Божьего. Меняются и наши представления о природе языка и человеческой коммуникации, появляются новые открытия в области библеистики, что также должно учитываться современными переводчиками Библии. Кроме того, развитие современной науки о переводе требуют серьезного размышления над его природой и принципами осуществления.

Данная диссертация посвящена изучению современной теории библейского перевода и ее отношению к общей теории перевода. В центре

внимания настоящего исследования – функционалистский подход к переводу (теория скопоса), который подчеркивает взаимосвязь между коммуникативной функцией (скопосом, целью) переводного текста, герменевтическими предпосылками аудитории и методологией создания перевода. На примере создания нового перевода древнееврейской книги Ионы на белорусский язык мы хотим показать перспективы использования функционалистского подхода для создания новых переводов Библии.

Актуальность исследования объясняется тем, что в последние годы в Русской Православной Церкви активно обсуждается вопрос о создании новых церковных переводов Библии на языки народов, проживающих на канонической территории Московского Патриархата. В проекте документа «Отношение Церкви к переводам библейских книг на языки русского и других народов, окормляемых Русской Православной Церковью» была высказана идея о необходимости создания нового общецерковного перевода Библии и на русский язык: «Опыт христианской церкви в других странах показывает, что переводы Писания на современный литературный язык – неотъемлемая часть диалога традиции и современности... На заседаниях Библейской группы Библейско-богословской комиссии <...> было признано своевременным начать работу над созданием нового общецерковного перевода Библии на русский язык...»¹. В этом же документе было сказано и о необходимости новых переводов на языки других народов, населяющих каноническую территорию РПЦ: «<...> в паству Русской Православной Церкви входят носители украинского, белорусского и многих иных языков, среди которых и языки народов Российской Федерации. До сих пор Священное Писание было переведено далеко не на все эти языки, и основные усилия по подготовке переводов предпринимали до сих пор независимые организации, прежде всего, Институт перевода Библии; участие православных переводчиков и библеистов в этой работе остается в основном их личным делом. В целом можно только приветствовать создание таких переводов». Так, в настоящее время Библейская

¹ Полный текст документа см. по ссылке: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1406492.html>.

комиссия Белорусской Православной Церкви завершает перевод на белорусский язык Нового Завета и в скором времени приступит к работе над переводом Ветхого Завета. Именно поэтому необходимо учитывать как опыт уже проделанной работы, так и новые достижения в различных областях знания, связанных с библейским переводом.

На международной конференции РПЦ по библеистике (26-28 ноября 2013 г., Москва) митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев) в своем программном докладе среди прочих критериев, которым должны отвечать новые переводы, указывал необходимость ориентации на современную теорию перевода². К сожалению, до сих пор этому аспекту не уделялось должного внимания. Обладание языковой компетенцией и наличие специальных знаний в области библеистики не являются достаточными условиями для осуществления переводческой деятельности. От переводчиков Библии требуется также переводческая компетенция, которая предполагает знание теории и методологии перевода. Потребность в создании новых переводов Библии заставляет нас обратиться к современным теориям перевода в поисках надежного теоретического основания переводческой работы.

Из сказанного становится понятно, что назрела необходимость как в осмыслении и рецепции, так и в практической реализации теоретических принципов, существующих в современном переводоведении. К сожалению, в русскоязычной среде до сих пор не было дано должной оценки достижений современного переводоведения в целом и функционалистского подхода в частности и перспективам его использования в области библейского перевода.

Объектом данного исследования является функционалистский подход к переводу в контексте современной теории библейского перевода.

²*Иларион (Алфеев), митр.* Переводы Библии: история и современность / митр. Иларион (Алфеев) // Доклад на международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Современная библеистика и Предание Церкви» (Москва, 26-28 ноября 2013). - Режим доступа: http://theolcom.ru/images/pdf/bible_papers/02_mitr.Hilarion.pdf. - Дата доступа: 18.03.2014.

Предметом исследования является отмеченная теоретиками функционалистского подхода к переводу взаимосвязь между целеполаганием, герменевтикой и методологией перевода.

Цель исследования – изучить влияние функции перевода и герменевтических предпосылок аудитории на методологию создания переводного текста, а также показать перспективы использования функционалистского подхода в области библейского перевода.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**, которые можно разделить на две основных группы: теоретические и практические. Решение теоретических задач предполагает анализ основных положений теории скопоса и оценку перспектив ее использования в области перевода Библии. Решение практических задач предполагает применение принципов функционализма при реализации конкретного переводческого проекта. Таким образом, можно выделить следующие задачи:

теоретические задачи:

- кратко охарактеризовать основные этапы развития теории библейского перевода в контексте общей теории перевода, указав основные направления и идеи;
- проанализировать теорию динамического/функционалистского Юджина Найды и дать ей оценку с точки зрения современной теории перевода;
- раскрыть сущность «культурного поворота», который произошел в переводоведении в 1980-е гг.;
- провести анализ тех изменений, которые произошли в теории перевода после «культурного поворота» 1980-х гг.;
- проанализировать основные аспекты функционалистского подхода к переводу (теория скопоса) и определить степень ее релевантности для библейского перевода;
- раскрыть связь между целеполаганием, герменевтическими предпосылками аудитории перевода и методологией его создания;

практические задачи:

- провести анализ коммуникативной ситуации нового перевода Библии на белорусский язык «Новая беларуская Біблія»;
- провести переводоведческий анализ древнееврейского текста книги Ионы;
- разработать концепцию нового перевода Библии на белорусский язык на основании анализа коммуникативной ситуации;
- сформулировать переводческие инструкции для переводчиков «Новай беларускай Бібліі»;
- определить переводческие проблемы и показать способы их решения на основании анализа коммуникативной ситуации и концепции перевода;
- осуществить новый перевод книги Ионы на белорусский язык, основываясь на теории скопоса.

Теоретической базой исследования послужили труды зарубежных и ряда русскоязычных специалистов по теории перевода: А.С. Десницкого, Н.К. Гарбовского, В.В. Сдобникова, Ю. Найды, К. Норд, М. Снелл-Хорнби, Л. Вентути, С. Доти, Дж. Мандэй, Дж. Нодэ, С. Басснет, Д. Чеморион, А. Чеюнга, , Г. Фермеера, Л. де Врис, Н. Эсалы, Э. Гутта, Б. Хатим, Г. Хёниг, К. Джобс, К. Райсс, К. Смита, Г. Тури, Э. Уэндленда, Дж. Фиске, Д. Спербера, Д. Уилсона. Кроме того, были использованы работы специалистов в области ветхозаветной библеистики: Е. Бен Цви, Т. Болина, А. Купера, Ф. Гийома, Л. Хэгди, П. Йенсона, Дж. Магонэ, Р. Никсона, Дж. Ногальски, У. Симон, Дж. Сэссона, Ф. Трайбл, У. Такера, Т. Уилта, Д. Кристенсен, Я. Эйделькинда.

В основу диссертации положено несколько методов, которые отражают специфику переводоведческого исследования. В первой части исследования предстояло провести анализ исторического развития теории перевода Библии в контексте истории общей теории перевода. Эта задача обусловила использование комплексного подхода и таких методов как историческо-

генетический метод, метод сопоставительного анализа, метод контекстуального анализа.

На втором этапе работы необходимо было оценить перспективы практического использования функционалистского подхода для создания нового перевода Библии. Для решения поставленной задачи был использован метод моделирования. Кроме того, на данном этапе была использована особая переводоведческая методология, которая позволяет переводчику: 1) провести анализ коммуникативной ситуации переводного текста, определить его функцию и тип; 2) провести анализ оригинального текста, позволяющий выявить переводческие проблемы и определить способы их решения (микростратегии).

Недостаточная разработанность вопросов библейского перевода в целом и перспектив использования теории скопоса при создании новых переводов определяет **новизну нашего исследования**. В русскоязычной библеистике и теории библейского перевода были сделаны лишь первые шаги в описании современной теории перевода стремление понять, каковы перспективы ее взаимодействия с общей теорией перевода. Кроме упомянутых работ А.С. Десницкого можно также отметить использование теории скопоса в Институте перевода Библии (Москва, Россия). К сожалению, в переводческих проектах, реализуемых на канонических территориях РПЦ, идеи современного переводоведения используются достаточно редко.

В работе мы пытаемся показать, что при создании новых переводов библейских текстов необходимо обращаться к современной теории перевода и использовать все ее достижения. Также мы показываем, что использование функционалистского подхода открывает новые перспективы для переводчиков Библии и именно этот подход может стать теоретической основой для деятельности переводческих команд. Ключевое место в методе в функционалистском подходе занимает понятие цели или коммуникативной функции перевода. Именно она определяет все этапы создания нового переводного текста. То, как будет функционировать текст в конкретной

коммуникативной ситуации - зависит от ожиданий аудитории и действующих в данной аудитории герменевтических предпосылок, которые формируют существующие в данной общине переводческие нормы, регулирующие создание и рецепцию переводных текстов. Это означает, что создавая новый перевод и разрабатывая методологию его создания, переводчик обязан учитывать сказанное. Указанная взаимосвязь не всегда четко артикулировалась сторонниками функционалистского подхода, хотя и является важнейшей для создания новых переводов. Поэтому одна из наших задач – прояснить эту взаимосвязь. Кроме того, любые теоретические положения должны проверяться на практике, что мы и попытаемся сделать, используя теорию скопоса при создании нового перевода книги Иона в рамках переводческого проекта «Новая Беларуская Біблія».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. При создании новых библейских переводов следует учитывать достижения современной теории перевода. От переводчика Библии требуется не только лингвистическая компетенция, знания в области библеистики и умение создавать тексты на языке перевода. Он также должен иметь знания теории перевода, навыки анализа коммуникативной ситуации, определения функциональных элементов и владение методологией передачи этих элементов в новой коммуникативной ситуации. Кроме того, от переводчика требуется межкультурная компетенция, предполагающая глубокие знания о культуре оригинального и переводного текстов. Таким образом, функционалистский подход расширяет понятие о переводческой компетенции.
2. Функционалистский подход, ориентированный на переводческую практику, открывает новые перспективы для переводчиков Библии и именно он должен стать теоретической основой деятельности библейских переводческих групп.

3. Функционалистский подход позволяет переводчикам принимать решения, обоснованные не их личными предпочтениями, а на основании систематического и цельного подхода к переводу, учитывая объективные требования коммуникативной ситуации. Именно поэтому при создании новых переводов Библии необходимо проводить тщательный анализ всех факторов коммуникативной ситуации, самым главным из которых является аудитория перевода и ее ожидания, сформированные совокупностью герменевтических предпосылок и особенностями прагматической ситуации. Такой анализ помогает в разработке переводческой методологии, выборе соответствующих макро- и микростратегий и создании адекватного переводного текста, что позволяет создавать переводы, максимально функциональные в данной конкретной ситуации. Подобный системный подход делает перевод научным занятием. При этом перевод остается искусством, где всегда есть место для творчества и интуитивных прозрений.
4. Функционалистский подход открывает возможности для существования самого широкого спектра библейских переводов, в зависимости от требований коммуникативной ситуации. Не существует универсальной стратегии перевода библейских текстов. Поскольку при переводе древних религиозных текстов оригинал имеет большое значение, переводчики часто выбирают документальный перевод. Однако в некоторых коммуникативных ситуациях может потребоваться инструментальный перевод, который будет соответствовать ожиданиям аудитории. Ни один из указанных типов перевода не является универсальным, поскольку даже внутри одной общины может быть необходимость в существовании разных переводов для различных коммуникативных целей. Все это означает, что выбор типа перевода должен быть основан на предполагаемой функции перевода, указанной в переводческом задании.
5. Теория скопоса позволяет более эффективно и обоснованно, чем господствовавшие прежде лингвистические подходы, подойти к оценке

существующего многообразия переводов. При прочтении и анализе переводного текста следует учитывать цели перевода и особенности его коммуникативной ситуации. Не существует универсальных коммуникативных ситуаций, а потому не может существовать универсальных критериев оценки перевода. Качество перевода должно оцениваться в зависимости от того, насколько выбранные стратегии перевода помогают достичь поставленной цели и позволяют переводу полноценно функционировать в определенном контексте. Такой подход позволяет избежать неоправданной критики переводчиков и их переводов, причиной чего являются разные герменевтические предпосылки автора перевода и его критика. Функционалистский подход предлагает надежное теоретическое основание для анализа всего спектра переводов и возможность оценивать каждый перевод по подходящим ему критериям.

6. Эффективность использования функционалистского подхода в области библейского перевода показана на примере нового перевода древнееврейской книги Ионы на белорусский язык, выполненного в рамках работы переводческого проекта «Новая Беларуская Біблія».

Практическая значимость результатов исследования

Результаты исследования могут быть использованы:

- при проведении дальнейших научных исследований в области современной теории библейского перевода;
- при проведении тренингов по подготовке переводчиков;
- в работе переводческих комиссий и групп, занимающихся переводом библейских текстов, патристических текстов и других текстов;
- при создании новых переводов Библии на белорусский язык;
- при составлении комментариев на книгу Ионы.

Апробация результатов исследования

Результаты проведенных исследований были представлены в виде выступлений на 8 конференциях и были использованы при проведении учебных занятий в Институте теологии БГУ и Минской духовной академии по дисциплинам: «Экзегетический разбор книги Ионы» (40 аудиторных часов, дисциплина читалась в 2013-2014 и 2014-2015 учебных годах), «Древнееврейский язык» (66 аудиторных часа, дисциплина читалась в 2012-2013, 2013-2014, 2014-2015 учебных годах), «Современная теория библейского перевода: принципы и методология» (30 аудиторных часов, дисциплина читалась в 2014-2015 учебном году). Кроме того, результаты исследования взяты за основу работы переводческой группы, реализующий проект «Новая беларуская Біблія».

Публикация результатов исследования

Результаты и основные положения исследования представлены в 9 публикациях автора по теме диссертации, из них: 6 - в изданиях, рекомендованных Общецерковной аспирантурой и докторантурой, 1 – в издании, рекомендованном ВАК Украины для публикации результатов научных исследований, 2 - в сборниках материалов научных конференций.

Структура и объем диссертации

Диссертация включает: введение, четыре главы, заключение, библиография, три приложения. Полный объем диссертации составляет 300 страниц, из них 26 страниц занимают список сокращений, библиография и три приложения. Библиографический список насчитывает 162 позиции.

ГЛАВА 1. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В Главе 1 будет кратко рассмотрена история теории библейского перевода в контексте развития общей теории перевода, начиная от первых римских теоретиков перевода вплоть до настоящего момента. В задачи данного исследования не входит создание подробной истории теории перевода, поэтому мы ограничимся обзором основных периодов и ключевых личностей. В центре нашего внимания будет находиться не столько *практика* перевода или *продукты* переводческой деятельности, сколько развитие переводческой *теории*. Кроме того, мы ограничимся историческим обзором западной теории перевода, поскольку именно в этом контексте появился функционализм (теория скопоса), который и является основным объектом нашего исследования.

Мы оставляем в стороне непростой вопрос периодизации, ответ на который потребовал бы отдельного исследования. Были предложены самые разные решения и, в зависимости от целей работы, исследователь может выбрать любую хронологическую структуру, учитывая при этом условность какой-либо схемы³. Культура является динамичной системой, поэтому попытки поместить этапы культурного развития в жесткие временные рамки всегда спорны. Тем не менее, существуют определенные концепты, идеи, которые преобладают в одну эпоху и менее популярны в другую. Ради практического удобства мы разделяем всю историю теории перевода на два больших периода:

- 1) от появления первых размышлений над природой и принципами перевода (а также от появления первых переводов Библии) до XXв.
- 2) от началаXXв. и до начала XXIв.

Границей двух периодов можно считать появление работ Юджина Найды и зарождение переводоведения как самостоятельной научной дисциплины. Безусловно, в каждом из указанных периодов можно выделить более краткие

³См. Steiner, G. *After Babel. Aspects of Language and Translation*. London, 1975. - 507 p.; Munday, J. *Introducing Translation Studies*. London, 2001; Bassnet, S. *Translation Studies*. London & New York, 2002. - 222p.; Snell-Hornby, M. *The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints*. Amsterdam & Philadelphia, 2006. - 205 p.

этапы, подробное изучение которых невозможно в рамках нашей работы. Первый период мы рассмотрим предельно кратко, указав лишь основные тенденции. Второй период будет рассмотрен подробнее, что позволит нам лучше понять суть произошедших в последние два десятилетия перемен как в переводе в целом, так и в теории библейского перевода в частности.

1.1. Теория перевода от зарождения до XX в.

Говорить о теории перевода как отдельной научной дисциплине вплоть до 1950-х гг. не приходится. Однако отсутствие систематического изучения природы и принципов перевода не означает, что не существовало каких-либо представлений и размышлений о том, что такое перевод и как его следует осуществлять. Сам феномен перевода известен с глубокой древности, но лишь в древнеримской культуре мы обнаруживаем первые письменные размышления о данном предмете. Поэтому всякая история перевода в западной цивилизации обычно начинается с римского периода.

1.1.1. Теория перевода в трудах Цицерона и Горация

Основополагающими для всей последующей европейской традиции перевода стали высказывания двух латинских авторов – Цицерона (106-43 гг. до н.э.) и Горация (65-8 гг. до н.э.). Представления этих людей оказали огромное влияние на последующие поколения переводчиков: именно к ним восходит первое эксплицитное различие между *буквальным* и *вольным* переводами. Это различие, установленное в римской литературной традиции, стало основой для всех последующих работ о теории перевода вплоть до недавнего времени.

Первые теоретические размышления о проблемах перевода мы обнаруживаем в трактатах древнеримского оратора Цицерона. По словам Н. К. Гарбовского, именно этот человек «был одним из первых, кто, поняв сложность, противоречивость и многообразие этого вида творческой

деятельности, заложил основы теории перевода, противопоставив ее первичные категории»⁴. Основная работа Цицерона о переводе – это предисловие к его собственным переводам речей Демосфена и Эсхина «О лучшем роде ораторов». Именно в этом тексте впервые проводится различие между буквальным и вольным переводом. Говоря о своем переводе древнегреческих классиков, Цицерон утверждает, что делал его как «оратор», а не как «переводчик», видимо указывая тем самым на то, что последние придерживались как раз буквального подхода. В римскую эпоху буквальный перевод означал замену каждого отдельного слова языка оригинала ближайшим грамматическим эквивалентом в языке перевода⁵. Поэтому в своем собственном переводе он «не считал необходимым передавать слово словом, но <...> сохранил смысл и силу слов»⁶.

Древнеримский поэт Гораций в своем «Искусстве поэтики» в целом следует линии, намеченной его предшественником, рекомендуя не переводить греческую классическую поэзию дословно, как это делалось при переводах нелитературных произведений.

Важно отметить, что теория перевода в ту эпоху была лишь одним из аспектов более широкой дискуссии о взаимоотношении грамматики и риторики, которая происходила в римских интеллектуальных кругах⁷. Задача грамматики состояла в описании формальных компонентов речи (морфологических, синтаксических, тропологических), а также в комментировании текстов. В риторике язык воспринимался не как форма, но как действие, в котором лингвистическая форма является лишь одним из составляющих акта коммуникации. Таким образом, риторика имел дело с функцией речи, а не с ее структурой. Важное место в обеих дисциплинах занимали вопросы перевода. Но

⁴ Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: МГУ, 2004. С. 67.

⁵ Впрочем, следует отметить, что не совсем корректно утверждение, будто бы Цицерон в принципе отдавал предпочтение смысловому переводу; нужно учитывать контекст высказывания и то, что римский оратор говорил, прежде всего, о переводе художественных произведений.

⁶ Цит. по Гарбовский, Н.К. Теория перевода. С. 69.

⁷ Подробнее о теории перевода в античном Риме и ее интеллектуальном контексте см. Copeland, R. Rhetoric, Hermeneutics, and Translation in the Middle Ages. Academic Traditions and Vernacular Texts. Cambridge, 1995. – 295 p.

важно помнить, что теория перевода существовала в римскую эпоху не столько для описания и регулирования самой по себе практики перевода, сколько для определения взаимоотношений между двумя дисциплинами. В рамках грамматического перевода внимание обращали на формальное соответствие между двумя текстами, в то время как в риторике перевод воспринимался как новый акт коммуникации на основе оригинального документа. В рамках риторики цель перевода состояла в создании нового текста, обладающего своей собственной силой и выразительностью и приспособленного к определенным историческим обстоятельствам его рецепции. Такой перевод должен был служить средством обогащения латинского языка и латинской литературы и именно поэтому в рамках подобного подхода особый акцент делался на эстетических критериях переводного текста, а не на «верности» оригиналу⁸. Оценка способностей переводчика основывалась на его умении творчески перерабатывать оригинальный текст⁹.

1.1.2. Теория перевода в трудах блаж. Иеронима Стридонского

Хотя блаж. Иероним (342-420) и не был первым переводчиком Библии, тем не менее, именно его размышления о теории перевода оказали большое влияние на последующие поколения. В его подходе можно увидеть определенную теоретическую напряженность между буквальным и идиоматическим подходом. В целом, Иероним находился в русле римской переводческой традиции, он часто ссылался на различных латинских авторов, в особенности на Цицерона и Горация¹⁰. Свои собственные принципы он сформулировал в письме к сенатору Паммахию «О наилучшем способе

⁸*Bassnet, S. Translation Studies. P. 51.*

⁹*Ibid. P. 52.*

¹⁰ Впрочем, Рита Копеланд указывает на более сложные отношения Иеронима с предшествующей римской традицией, которые не ограничиваются простым заимствованием идей Цицерона и других теоретиков. Однако в рамках нашего исследования мы не можем останавливаться на столь сложных вопросах, вновь отсылая к работе упомянутой американской исследовательницы: *Copeland, R. Rhetoric, Hermeneutics, and Translation in the Middle Ages. P. 37-62.*

перевода»¹¹. По мнению Н.К. Гарбовского, «анализ разнообразных случаев переводческой практики, проведенный автором, сделанные им сопоставления аналогичных фрагментов Священного Писания по разным текстам, а также попытка вывести некоторые закономерности перевода, опираясь на авторитет античных авторов и на собственный переводческий опыт, позволяют считать этот документ серьезной вехой в истории переводческой мысли»¹².

Сам блаж. Иероним писал: «я не только признаю, но открыто заявляю, что в переводах с греческого (кроме Священного Писания, где сам порядок слов – тайна) я передаю не слово словом, но мысль мыслью»¹³. Т.е. переводчик должен стремиться передать смысл, а не букву оригинала. Также отметим, что Иероним подчеркивал необходимость проводить различие между текстами (как бы мы сейчас сказали - учитывать их жанровую и функциональную специфику) и в соответствии с этим выбирать способы перевода. По мнению Иеронима, светская литература должна переводиться по смыслу и переводчик достаточно свободен в своих действиях. В то же время при переводе библейских текстов следует стремиться к буквальному переводу, что объясняется особой природой Библии и необходимостью сохранить догматическую точность. Впрочем, сам Иероним не был последовательным в реализации этого принципа и часто переводил идиоматически.

Важное значение имеет также переписка блаж. Иеронима и блаж. Августина (354-430), в рамках которой неоднократно поднимались вопросы, важные с точки зрения теории перевода¹⁴. Иероним был вынужден защищать свой подход к переводу Библии, в то время как Августин в рамках этой дискуссии сформулировал очень важные идеи в области семиотики и интерпретации Библии. Важное место в данной переписке занимала и

¹¹ *Иероним*. Письмо LVIII к Паммахию о наилучшем способе перевода / Пер. Н. Холмогоровой под ред. М. Касьян и Т. Миллер // Патристика. Новые переводы, статьи. – Нижний Новгород: Издательство братства во имя св. кн. Александра Невского, 2001. - С. 98-112.

¹² *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода. С. 72.

¹³ *Иероним*, блаж. Письмо LVII к Паммахию. С. 102.

¹⁴ Краткий обзор данной переписки на русском языке см. *Сидоренко А., прот.* Вопросы перевода и интерпретации Священного Писания в переписке Блаженного Августина с Блаженным Иеронимом / А. Сидоренко // XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. - 2009. - Т. 1. - С. 176–188.

текстологическая проблема: допустимо ли делать перевод Ветхого Завета с еврейского текста, в чем значение и какова роль еврейской Библии в христианской Церкви и т.п. В последующие столетия различные христианские традиции неоднократно возвращались к этим вопросам. Из недавнего времени можно вспомнить известную дискуссию о текстологической основе русского перевода Библии, которая велась в Российской Православной Церкви в девятнадцатом столетии.

Распространение христианства по всей Римской империи и за ее пределами повлекло за собой появление многочисленных переводов библейских книг. Были предприняты переводы Библии на языки различных народов, которых достигла христианская проповедь. В их число входит и созданный святыми братьями Кириллом и Мефодием перевод библейских текстов на старославянский язык. Впрочем, от этого времени до нас не дошло сколь-нибудь ценных размышлений о природе перевода. Отметим только, что в средневековый период мы видим дальнейшую рецепцию римских идей о переводе (что не всегда означало простое их заимствование, но часто отталкивание от них, творческую дискуссию с ними или дальнейшее развитие в новом контексте)¹⁵.

1.1.3. Переводы античной классики в XV-XVI вв.

С появлением в XV в. техники книгопечатания перевод становится определяющим фактором в формировании новой интеллектуальной элиты. Переводчик воспринимался как преобразователь, творец, а не раб автора и его текста. Одна из принципиальных характеристик этого периода (которая проявилась и в библейском переводе) – стремление к тому, чтобы текст звучал естественно, что достигалось посредством использования современных идиом и литературного стиля¹⁶. В этот же период предпринимаются первые серьезные попытки формулирования теории перевода. Важное место в концепции ранних

¹⁵ Bassnet, S. Translation Studies. P. 59.

¹⁶ Ibid. P. 62.

теоретиков занимала идея вдохновения: переводчик должен был передать «дух», «тональность» оригинала посредством воссоздания его в другом культурном контексте¹⁷.

Одним из первых теоретиков перевода был француз Этьен Доле (1509-1546), который среди прочего перевел Новый Завет и Псалмы. Его основная теоретическая работа называлась «Наилучший способ перевода с одного языка на другой», в которой он формулирует базовые принципы переводческой работы. Доле был противником буквализма, считая, что такой подход затемняет значение оригинального текста. По его мнению, также следует избегать использования архаических слов. Не менее осторожным необходимо быть и при введении в текст неологизмов. Перевод должен обладать эстетической привлекательностью. Доле отмечал, что переводчик – это не просто знаток языка, его деятельность предполагает не только наличие эстетического чувства, но и серьёзную научную работу.

Англичанин Джордж Чапман (1559-1634) был переводчиком Гомера. Как и Доле, он подчеркивал важность естественности перевода и говорил о необходимости использовать такие слова и конструкции, которые бы легко воспринимались современным читателем. Он предостерегал от излишне вольных переводов, будучи противником и другой крайности – буквализма.

Несмотря на общую тенденцию к «естественным» переводам, в XVI в. существовала влиятельная группа французских переводчиков, которая отстаивала определенную степень отчужденности переводного текста. Это объединение появилось в 1539 г. под именем «Плеяда», и стремилось к приданию французскому языку статуса, равного латинскому. Переводчики стремились к возвращению латинских и греческих моделей, которые, по их мнению, могли возвысить французский язык и культуру до высоты античных классиков. Наиболее выдающейся фигурой этой группы был Жоашен дю Белле (1522-1560), переводчик Вергилия.

¹⁷ Ibid.

1.1.4. Перевод Библии в эпоху Реформации

Особое влияние на развитие перевода в целом и библейского перевода в частности оказало появление Реформации. Перевод Библии начинает использоваться как оружие в догматических спорах и даже политических конфликтах. Центральная церковная власть все более слабеет, начинают формироваться первые национальные государства, возникает концепт национальной культуры – все это в итоге оказало влияние на теорию и практику перевода. В лингвистическом плане это означало ослабление позиций латинского языка как универсального и необходимость осуществления перевода на разговорные языки разных народов. За этим стояло желание реформаторов сделать Библию доступной каждому, даже самому простому человеку, что не могло не привести к изменениям приоритетов: переводчик должен стремиться к созданию понятного, идиоматического перевода, который будет доступным простым мирянам. Как следствие, в XVI в. появляется большое число новых библейских переводов на европейские языки.

Если говорить о вкладе представителей этого периода в теорию перевода, то особо следует отметить Мартина Лютера (1483-1546). Для нас важно, что Лютер не только переводил, но и писал о процессе перевода. В 1530 г. в своем «Окружном послании о переводе» родоначальник Реформации изложил основные принципы, отвечая на возражения оппонентов, критиковавших его перевод Библии на немецкий язык. Лютер показывает, что в ряде случаев буквальный подход может привести к неправильному пониманию текста. Лингвистическим ориентиром для него был язык простых людей, который можно услышать каждый день в любом месте города. Одна из главных задач переводчика – создать доступный и эстетически привлекательный перевод на разговорном языке. Переводчик не должен стремиться передать букву текста, но его смысл. Если же текст имеет догматическое значение, содержит важные богословские истины, то в таком случае необходимо пожертвовать понятностью и переводить буквально. Главная заслуга Лютера для теории перевода заключается в том, что он одним из первых тщательно и

систематически разработал принципы перевода и реализовал их на практике. В течение последующих двух столетий идеи Лютера были реализованы во многих переводах Библии.

1.1.5. Первые последовательные теории XVII и XVIII вв.

В XVII столетии появляются первые последовательные теории перевода¹⁸. В эту эпоху теория была во многом прескриптивной, т.е. давала ряд предписаний, которым должен следовать переводчик. Абрахам Коули (1618-1667) ввел термин «имитация», обозначавший весьма вольный тип перевода, цель которого состояла в преодолении разрыва во времени и культуре между двумя текстами. Задача переводчика заключалась в необходимости передать дух оригинала.

К этому же периоду относится первая попытка классификации типов переводов, предпринятая Джоном Драйденом (1631–1700): все переводы можно разделить на «метафразы» (слово в слово), «парафразы» (смысловой перевод) и «имитацию» (адаптация). По мнению Драйдена, наилучшим способом перевода является парафраз, который представляется наиболее сбалансированным подходом из трех названных.

В 1791 г. Александр Тайтлер (1747-1813) опубликовал книгу «Принципы перевода», которая стала первым систематическим изучением принципов перевода. Из предложенных Тайтлером принципов можно выделить следующие: 1) перевод должен полностью передавать идею оригинала; 2) перевод должен сохранять стилистику оригинала; 3) перевод должен быть столь же естественным, как и оригинальный текст.

В XVIII в. начинает широко обсуждаться вопрос моральной ответственности переводчика перед читателем. Переводчик воспринимается как художник, который имеет нравственную обязанность перед своей аудиторией передать «дух» оригинала. При этом следует избегать крайностей: строгого буквализма и вольной адаптации.

¹⁸См. *Munday, J. Introducing Translation Studies*. P. 24-27.

Немецкий философ и богослов Иоганн Готтфрид фон Гердер (1744-1803), в своей работе «О новейшей немецкой литературе: Фрагменты» критиковал «одомашнивающие» переводы и отстаивал то, что мы бы сегодня назвали «отчуждением». Критикуя французские переводы Гомера, он призывал переводчика помочь читателю отправиться в путешествие в древнюю Грецию и обрести те богатства, которые скрывает в себе эта богатая культура¹⁹. В XVIII в. эти идеи не оказали существенного влияния на переводчиков, однако позднее, как мы увидим, они были развиты Фридрихом Шлейермахером.

1.1.6. Теория перевода в XIX в.

В XIX столетии маятник предпочтений качнулся в иную сторону – к более буквальному и архаизирующему переводу. В то время как в предыдущую эпоху теоретики отдавали предпочтение адаптирующему переводу, в новый период переводчики стремились помочь читателю окунуться в мир оригинального текста, сохраняя его стилистику, а также культурный и исторический колорит.

Самым влиятельным теоретиком этого периода был немецкий философ и богослов Фридрих Шлейермахер (1768-1834). Он был одним из первых, кто поставил вопрос о возможности существования переводоведения как научной дисциплины. Шлейермахер известен, прежде всего, благодаря предложенной им новой классификации переводов. В своей лекции «О разных методах перевода», прочитанной в 1813 г., он говорит о двух типах перевода – отчуждающем и одомашнивающем. Используя метафору путешествия, он говорит о том, что у переводчика есть два варианта: либо отправить в путешествие автора, приблизив его к читателю, либо поступить ровно наоборот. Одомашнивающий перевод приводит к созданию текста, который будет звучать естественно, легко читаться и будет понятным читателю. В результате отчуждающего перевода появляется текст, который труден для

¹⁹Cheung, A. *Functionalism and Foreignization: Applying Skopos Theory to Bible Translation: a thesis...* doctor of philosophy / A. Cheung. – Birmingham, 2011. P. 32.

восприятия, но который позволяет приблизиться к оригиналу. Сам Шлейермахер отдает предпочтение именно такому переводу, считая, что переводчик должен постараться подчеркнуть инаковость оригинала, его принадлежность иному времени и пространству. По его мнению, более популярный одомашнивающий перевод приносит мало пользы читателю, поскольку в таком случае он лишается возможности получить то ценное, что дает перевод: встречу с новым миром. Путешествие, в которое отправляет читателя создатель отчуждающего перевода, помогает приобрести новый обогащающий опыт. Перевод, звучащий непривычно и неестественно, провоцирует появление новых идей в обществе.

Влияние Шлейермахера на современников было огромным. Например, его идеи были воплощены англичанином Томасом Кэрлайлом (1795-1881). В своих переводах немецких текстов он использовал неестественные для английского языка синтаксические конструкции, что приводило к созданию переводов, крайне тяжелых для чтения. Еще один английский переводчик Уильям Моррис (1834-1896) использовал в своих переводах архаическую лексику, стремясь воспроизвести мир оригинальных исландских саг.

Не меньшим было влияние Шлейермахера и на последующие поколения теоретиков. Можно сказать, что почти каждая современная теория перевода, по крайней мере в немецко- и англоязычном мире так или иначе является ответом на идеи этого немецкого ученого.

Следует упомянуть также идеи известного филолога Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835), который говорил о языке как формирующей силе нации и культуры. Гумбольдт утверждал, что все великие творения непередаваемы по причине неповторимой природы их языка: слова и их значения никогда нельзя по-настоящему передать, поскольку лишь малое количество слов в одном языке точно соответствуют словам другого языка. Задача переводчика усложняется тем, что язык и мысль неразрывно связаны, а потому необходимо учитывать не только слова, но и тот образ мышления, который принят в данной культуре.

В целом можно сказать, что в девятнадцатом веке предпочтение отдавалось отчуждающему переводу, который обогащал целевую культуру, вводил новые формы и идеи, позволял лучше понять мир оригинала. И хотя впоследствии идеи этой эпохи были на определенное время забыты, в двадцатом столетии они вновь возродились в трудах ряда ученых.

В области библейского перевода после бурных XVI и XVII столетий новый всплеск активности был замечен лишь в нач. XIX в. В 1800-е началась т.н. «миссионерская эра», которая совпала с зарождением библейских обществ. Миссионерами различных конфессий были предприняты попытки перевода Писания на сотни языков во всем мире. Эти переводы были достаточно дословными. В конце XIX и в XX вв. вместе с появлением множества переводов Библии на неписьменные языки мира, появляются и новые переводы на главные европейские языки. Поворотным пунктом в области библейского перевода стали 1950-е и 1960-е гг. После столетий дебатов о буквальном и вольном переводе, была предпринята попытка выйти за пределы этой дихотомии и разработать новые подходы в теории и практике перевода. Именно в этот период появляется стремление к более систематическому исследованию природы перевода и созданию общей теории перевода. Одним из самых главных факторов стали достижения в области лингвистики и антропологии, которые нашли отражение в теории и практике библейского перевода. Важную роль сыграли также решения II Ватиканского Собора, разрешившего использование местных языков в литургии.

1.1.7. Общие выводы

Как видно из предшествующего краткого анализа, до XX ст. переводческая практика развивалась в рамках дихотомии «буквальный – вольный перевод», сформулированной еще Цицероном и Горацием. В одни периоды предпочтение отдавалось более буквальным переводам, в другие – более идиоматическим, когда переводчики пытались передать «смысл», «дух», «тональность» оригинального текста. При этом подход, противоположный

господствующему, *apriori* считался менее оптимальным. Впрочем, иногда появлялись попытки достичь своеобразного баланса между вольным и буквальным переводом. Любые теоретические размышления о переводе оставались преимущественно прескриптивными, направленными на то, чтобы дать переводчику необходимое руководство для создания оптимального перевода.

В целом можно сказать, что вплоть до двадцатого века не существовало теории перевода в современном его понимании. Безусловно, и до этого времени переводчики руководствовались определенными принципами, как это видно из самих переводов, так и из текстов, специально посвященных вопросам природы и принципов перевода. Однако собственно научный интерес к феномену перевода, становление переводоведения как самостоятельной научной дисциплины начинается только с середины двадцатого столетия. В области библейского перевода этот процесс связан с именем Юджина Найды.

1.2. Теория перевода от нач. XX в. до нач. XXI в.

В данном разделе мы кратко проанализируем предпосылки появления переводоведения в первой половине XX в., а также несколько подробнее рассмотрим зарождение теории перевода в качестве самостоятельной дисциплины и основные вехи ее развития, начиная с 1950-х гг. и до настоящего момента. Особое внимание будет уделено тем теориям, которые либо уже оказали влияние на перевод Библии, либо могут быть в той или иной степени восприняты библейскими переводчиками. Поэтому большее внимание уделим теории динамического (функционального) эквивалента Юджина Найды, теории релевантности Эрнста Гутта и функционалистскому подходу Кристианы Норд.

1.2.1 Философские теории перевода

Хотя наиболее важные изменения в теории перевода произошли после 1950-х гг., было бы некорректно с нашей стороны не упомянуть те переводческие концепции, которые появились в первой половине двадцатого века. Их упоминание необходимо уже хотя бы потому, что многие высказанные в этот период идеи стали отправным пунктом для ученых последующих поколений. Среди наиболее важных теоретиков первой половины XX ст. можно назвать Эзру Паунда, Вальтера Беньямина, Мартина Бубера и Франца Розенцвейга.

1.2.1.1. Эзра Паунд

В нач. XX ст. в англоязычной теории перевода преобладали те же тенденции, которые были характерны и для предшествующего периода: предпочтение буквального перевода, стремление к архаизации и употребление т.н. *Wardour Street English* (т.е. намеренное использование псевдо-архаичной терминологии)²⁰. Указанные особенности можно наблюдать в творчестве английского поэта Эзры Паунда (1885-1972). В своих переводах он часто свободно экспериментировал, выбирая различные стратегии: от полного «приручения» оригинального текста до намеренной архаизации. Впрочем, одна идея оставалась неизменной: он настаивал на том, что в переводе следует не просто воспроизводить слова оригинального текста, но воспринимать и трансформировать его идеи²¹. Паунд стремился показать, что перевод следует рассматривать как возможность для творчества и поле для экспериментов. Впоследствии некоторые его идеи (в частности, использование в переводе архаической лексики) оказали определенное влияние на американского теоретика перевода Лоуренса Венути (см. подраздел 1.2.7)²².

²⁰ Cheung, A. Functionalism and Foreignization... P. 42. Термин *Wardour Street English* происходит от названия улицы *Wardour Street* в Лондоне, которая была центром по продаже поддельной античной мебели.

²¹ Apter, R. Ezra Pound / R. Apter // Translation Theory and Practice: A Historical Reader / Ed. by D. Weissbort, A. Eysteinsson. - Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 275.

²² Так, Венути высоко оценивает перевод средневекового англосаксонского текста «The Seafarer», сделанный Паундом в 1912 г. Паунд создал отчуждающий перевод, обильно используя архаизмы. См. Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. - London/New York: Routledge, 2008. P. 29-30.

1.2.1.2. Вальтер Беньямин

Следует также упомянуть еще одну весьма влиятельную фигуру в теории перевода этого периода – немецкого литературного критика, социолога и философа Вальтера Беньямина (1892-1940). В своей статье «Задача переводчика»²³ Беньямин утверждал, что перевод не просто воспроизводит «значение» оригинального текста, а дает ему новую «жизнь». Для него хорошим переводом был тот, который позволял звучать голосу оригинала, что достигалось благодаря «гармонизации» перевода с сообщением текста. Лучшее средство для достижения подобной цели – использование буквального подхода. Перевод не должен скрывать оригинала, а потому следует буквально передавать синтаксис и отдельные лексемы оригинального текста. Идеалом перевода для Беньямина был подстрочный перевод Библии, поскольку подобный перевод создает свой особый язык и стремится к точной передаче каждого слова. При таком подходе интерлинеар (подстрочник) является как бы мостом между оригиналом и переводом.

Таким образом, Беньямин, позаимствовав многое у немецких авторов эпохи Романтизма (Шлейермахера, Гёте, Гумбольдта), стремился к тому, чтобы сделать очевидным принадлежность оригинального текста иному миру.

1.2.1.3. Мартин Бубер и Франц Розенцвейг

Среди теоретиков перевода первой половины XX в. стоит особо отметить Мартина Бубера (1878-1965) и Франца Розенцвейга (1886-1929). Два известных философа вместе трудились над созданием нового немецкоязычного перевода Библии (публиковался частями с 1933 по 1939 гг.). В основе их перевода лежал целый спектр литературных, лингвистических, философских и богословских оснований. Создавая свой перевод Танаха на немецкий язык, Бубер и Розенцвейг стремились к тому, чтобы Библия звучала непривычно, по-иному.

²³Benjamin, W. The Task of the Translator / Trans. by H. Zohn// The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. – London - New York: Routledge, 2000. – P. 15-23.

Эти немецкие философы говорили о том, что из столетия в столетие на библейский текст, как на палимпсест, накладывались новые слои интерпретаций. На оригинальную и живую речь библейских книг был наложен совершенно не свойственный им язык, в результате чего Библия стала «знакомой абстракцией»²⁴. Поэтому Бубер и Розенцвейг считали, что задача переводчика состоит в том, чтобы освежить восприятие читателя, шокировать его и тем самым привлечь внимание. Лишь осознав «инаковость» Писания, можно понять подлинный его смысл.

Бубер и Розенцвейг стремились к тому, чтобы сделать очевидным для современного читателя еврейское происхождение Танаха, выразить особый дух библейского текста. По их мнению, еврейская ментальность лучше всего выражается в языке, а потому перевод должен отражать дух (*Geist*) еврейского народа в формах немецкого языка. Ф. Розенцвейг считал, что достичь поставленной цели возможно посредством буквального перевода особого типа, в котором бы сохранялись образы, идиомы, корневые значения слов, морфология, ритм и синтаксис оригинала²⁵. Так, переводчики попытались передать в своем немецком переводе особенности корневой системы древнееврейского языка. Например, в еврейском языке существительные и глаголы могут образовываться из одного корня, создавая тем самым яркий и неповторимый образ. Переводя на немецкий язык, Бубер и Розенцвейг пытались произвести имена существительные из глагольных основ, а глаголы – из существительных: *Braus* – из *brausen* (бушевать, шуметь), *Gespross* из *spriessen* (прорастать, всходить, распускаться), *frucht* из *Frucht* (плод, фрукт) (примеры взяты из Быт. 1)²⁶. Неуклюжесть перевода компенсировалась для серьезных читателей возможностью приобщиться к еврейскому духу. Такой перевод, по мнению переводчиков, мог освежить восприятие читателя, помочь ему по-новому посмотреть на знакомый текст и даже шокировать аудиторию, а

²⁴Batnitzky, L. *Idolatry and Representation: The Philosophy of Franz Rosenzweig Reconsidered* / L. Batnitzky - Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 110.

²⁵Greenstein, E. *Essays on Biblical Method and Translation* / E. Greenstein. - Atlanta: Scholars Press, 1989. P. 116.

²⁶Ibid. P. 118.

достигалась данная цель через сохранение идиоматики оригинала, его морфологии и синтаксиса.

Несмотря на то, что сам перевод не получил широкого распространения, тем не менее, переводческий опыт двух немецких философов сохраняет свою актуальность (в том числе и для библейского перевода), поскольку показывает важность глубоко продуманной *идеологии и методологии* в процессе создания нового переводного текста.

1.2.2. Лингвистические теории перевода

В 1950-е и 1960-е гг. начинается зарождение теории перевода как научной дисциплины. Этот процесс находился под влиянием множества факторов: особенности послевоенной политической ситуации, развитие лингвистики, антропологии и других гуманитарных дисциплин. Все это в совокупности привело к новым представлениям о переводе и его роли в жизни человека. Была осознана необходимость серьезной теоретической разработки проблем перевода и его различных аспектов. Начиная с этого момента и вплоть до конца XX в. доминирующую позицию заняли лингвистические модели, в центре которых стояло понятие «эквивалентности».

Термин «лингвистические подходы» обозначает те «теоретические модели, которые представляют перевод как лингвистический процесс и потому сформированы по преимуществу лингвистикой»²⁷. В центре внимания исследователей, работавших в рамках лингвистического подхода, находились систематические взаимоотношения между единицами языковых систем. Однако такие исследования часто абстрагировались от контекстуальных аспектов перевода. Основой многих лингвистических теорий была т.н. кодовая модель коммуникации, в которой перевод воспринимался как процесс кодирования информации средствами одного языка и перекодирования ее

²⁷ Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge 2009. P. 148.

средствами другого языка²⁸. Теория перевода воспринималась как часть прикладной лингвистики, а потому применялись методы, использовавшиеся в этой дисциплине. Ключевым фактором, определявшим весь процесс перевода и его конечный продукт, был оригинальный текст. Цель переводчика состояла в том, чтобы сохранить и передать черты оригинала в переводном тексте при помощи ближайшего эквивалента в языке перевода.

Период 1960-1970-х гг. описывается многими как «эра эквивалентности»²⁹. Концепт эквивалентности, который занимал центральное место в эти и последующие годы, был крайне неоднозначным понятием. С течением времени, в особенности в 1980-1990-е гг., эквивалентность стала ставиться под сомнение все большим числом теоретиков, особенно теми, которые занимались обучением будущих переводчиков³⁰.

1.2.2.1. Роман Якобсон

Большое значение для этого периода имели идеи т.н. пражской школы лингвистики, одним из представителей которой был Роман Якобсон (1896-1982). Он одним из первых начал обсуждать проблемы перевода с лингвистической точки зрения. Именно благодаря ему понятие эквивалентности стало доминирующим в теории перевода в последующие десятилетия. В своем эссе «О лингвистических аспектах перевода» Якобсон предлагает триадическую систему, в которой перевод рассматривается с

²⁸Окодовой модели коммуникации см. *Fiske, J.* Introduction to Communication Studies / J. Fiske. – London: Routledge, 2002; *Blackburn, P.* The Code Model of Communication. A Powerful Metaphor in Linguistic Metatheory / L.P. Blackburn. - SIL International, 2007; критику см. в *McElhanon, K.A.* From Simple Metaphors to Conceptual Blending: The Mapping of Analogical Concepts and the Praxis of Translation / K.A. McElhanon // Journal of Translation. – 2006. – Vol. 2 (1). P. 31-81. и *Weber, D. J.* A Tale of Two Translation Theories / D.J. Weber // Journal of Translation. – 2005. – Vol. 1:2. P. 35-74. О влиянии моделей коммуникации на теорию и практику перевода см. *McElhanon, K. A.* From Word to Scenario: The influence of Linguistic Upon Models of Translation // Journal of Translation. – 2005. – Vol. 3. – P. 29-67.

²⁹*Pyun, A.* The Moving Text: Localization, Translation, and Distribution / A. Pyun. - Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 44.

³⁰ Понятие эквивалентности является предметом горячих споров в современной общей теории перевода. О проблемах, связанных с этим понятием см. *Kenny, D.* Equivalence / D. Kenny // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge, 2009. – P. 96-99.

семиотической точки зрения как интерпретация одних знаков посредством других знаков³¹:

- внутриязыковой перевод (интерпретация вербальных знаков посредством других знаков того же языка);
- межязыковой перевод (интерпретация вербальных знаков средствами другого языка);
- межсемиотический перевод (интерпретация вербальных знаков посредством знаков невербальной знаковой системы).

Второй тип перевода представляет собой исторически сложившееся понимание перевода. С сегодняшней точки зрения, подлинной инновацией был предложенный Якобсоном третий тип перевода, который представлял собой семиотический процесс, выходящий за вербальные пределы. Эти идеи известного лингвиста предвосхитили современные исследования в области межсемиотического перевода и открывают перспективы для аудиовизуальной работы библейских переводчиков. Такой подход уже широко используется в переводческой практике в африканских странах³².

1.2.2.2. Иржи Левый

В 1960-е гг. идеи пражской школы получили дальнейшее развитие в трудах чешского переводчика Иржи Левого (1926-1967). В своей главной книге «Искусство перевода»³³ он пытается преодолеть разрыв между теорией и практикой. Левый говорит о существовании двух типов перевода: «иллюзионистского» и «анти-иллюзионистского», при этом предпочтение он отдает первому подходу. Иллюзионистские переводы не создают у читателя ощущения вторичности текста, наличия некоего оригинала, а воспринимаются

³¹ Jakobson, R. On Linguistic Aspects of Translation / R. Jakobson // On Translation / Ed. by R. Brower. – Cambridge/ Mass., 1959. – P. 232–239. Русский перевод Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Советский писатель, 1978. С. 16-24.

³² См. Maxey, J. Performance Criticism and Its Implications for Bible Translation. Part I / J. Maxey // The Bible Translator. – 2009. – Vol. 60:1. – P. 37-49; Maxey, J. Performance Criticism and Its Implications for Bible Translation. Part II / J. Maxey // The Bible Translator. – 2009. – Vol. 60:3. – P. 165 - 182.

³³ Левый, И. Искусство перевода. / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 398 с.

как часть своей собственной культуры. Анти-иллюзионистские переводы сохраняют некоторые черты оригинала, подсказывая тем самым читателю, что данный текст является переводом. Левый также подчеркивает важность эстетического эффекта, поэтому красота оригинала должна быть воссоздана в переводном тексте эквивалентными средствами.

Решающим фактором в создании перевода, по мнению Левого, является его цель. Таким образом, говоря о переводе как о процессе коммуникации, имеющем телеологическую природу, он опередил свое время, предвосхитив многие идеи будущей теории скопоса. Чешский ученый рассматривает перевод как процесс принятия решений: переводчик проходит, как в игре, ряд последовательных ситуаций, так что решения, принятые на предшествующем этапе, влияют на решения, принимающиеся на последующих.

Для нас важно также следующее замечание Левого: «Теория перевода стремится быть нормативной, давая переводчикам инструкции о том, как принимать оптимальное решение. Однако настоящая переводческая работа имеет прагматический характер: переводчик принимает решение в пользу одного из возможных решений, которое обещает максимальный эффект с минимумом усилий. То есть он интуитивно решает в пользу так называемой стратегии *mini-max*»³⁴. Здесь Левый предчувствует принцип релевантности, определенный Гуттом в 1991-м г.: переводчик должен стремиться к достижению максимума выгод посредством минимальных усилий, которые затратит читатель для понимания текста. Таким образом, Иржи Левый предвосхитил многие ключевые идеи последующих десятилетий.

1.2.2.3. Жан-Поль Вине и Жан Дарбельне

Необходимо также отметить работу канадских исследователей Жана-Поля Вине (1910-1999) и Жана Дарбельне (1904-1990) «Сопоставительная

³⁴Levy, J. Translation as a Decision Process / J. Levy // The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. – London and New-York: Routledge, 2000. – P. 156.

стилистика французского и английского языков» (1958)³⁵. Они утверждали, что перевод основывается не только на изолированных словах или знаках языковой системы, но на текстах в их конкретной ситуации. Языковые структуры должны переводиться с учетом той коммуникативной ситуации, в которой они появляются. Именно эта ситуация, а не знаки или единицы языковой системы, определяют понятие эквивалентности. Идеи этих исследователей также стали важной вехой в становлении переводоведения.

1.2.2.4. Юджин Найда

В области библейского перевода этот период можно назвать эпохой Юджина Найды (1914-2011) и его теории динамического/функционального эквивалента. Именно этот американский ученый осуществил в середине XX в. переворот не только в области теории перевода Библии, но и в теории перевода в целом. Одна из заслуг Найды состояла в том, что он расширил наши представления о переводе, введя концепты формального и динамического эквивалента. Найда разработал теоретические принципы перевода, которые затем были взяты за основу в работе различных библейских обществ и других организаций, занимающихся переводом Библии (в частности, SIL и UBS). Его идеи были реализованы при переводе Библии почти на две тысячи языков всего мира. Учитывая важность его теории, мы обсудим ее несколько подробнее, чем взгляды предшествовавших теоретиков.

Найда был одним из наиболее ярких представителей лингвистического подхода к переводу. В своей первой книге «Перевод Библии», предназначенной для миссионеров, он высказал идею, которая в последующем стала одной из ключевых для всей его теории: перевод должен быть предельно *естественным* для носителей языка³⁶. Найда говорит о необходимости поиска «ближайшего естественного эквивалента» - слова или фразы в языке перевода, которые бы вызывали у читателей перевода тот же самый ответ, какой высказывание

³⁵Vinay J.P. Stylistique comparée du Français et de l'Anglais / J.P. Vinay, J. Darbelnet. - Paris, 1958. – 331 p.

³⁶Nida, E.A. Bible Translating: An Analysis of Principles and Procedures, with Special Reference to Aboriginal Languages / Eu. Nida. - New York: American Bible Society, 1947. P.5.

на языке оригинала производило у читателей первоначального текста. Ближайший эквивалент является не «точным» эквивалентом, поскольку «два слова в разных языках никогда не будут иметь одинакового значения»³⁷. Эквивалентные слова не всегда будут совпадать по форме, но они должны всегда иметь эквивалентное функциональное значение³⁸. При этом Найда предостерегал переводчиков от излишней вольности: перевод не должен превращаться в парафраз оригинала³⁹. Для достижения естественности допустимы некоторые изменения формы, но при этом всякое подобное изменение должно быть оправдано⁴⁰. Таким образом, «в своей первой книге Найда подчеркивал, что перевод должен быть настолько естественным, насколько возможно и, в то же самое время, оставаться настолько близким к форме оригинала, насколько возможно»⁴¹.

Высказанные в «Перевод Библии» идеи были развиты в ряде последующих публикаций⁴². Ключевыми для всей теории перевода стали две книги: «К науке перевода» (1964)⁴³ и написанная в соавторстве с Чарльзом Тэйбером «Теория и практика перевода» (1969)⁴⁴. В первой из них Найда предлагал теоретическую модель перевода, в которой коммуникация представлялась в виде процесса кодирования и декодирования информации. Вторая книга имела более практический и педагогический характер: получили уточнение основные положения теории, а также рассматривались практические проблемы и алгоритмы их решения. Показательным является название первой книги: Найда стремился сделать перевод наукой, инкорпорируя в свою

³⁷ Ibid. P. 130.

³⁸ Ibid. P. 133.

³⁹ Ibid. P. 12.

⁴⁰ Ibid. P. 136.

⁴¹ Doty, S. The Paradigm Shift in Bible Translation in the Modern Era, With Special Focus on Thai: thesis... Doctor of Philosophy / S. Doty. – Auckland, 2007. P. 33.

⁴² Nida, E.A. A new methodology in biblical exegesis / E.A. Nida // The Bible Translator. – 1952. – Vol. 3:3. – P. 97-111; Nida, E.A. Message and Mission: The Communication of the Christian Faith / E.A. Nida. - New York: Harper, 1960. – 253 p.; Nida, E.A. Bible translating and the science of linguistics / E.A. Nida // Babel. – 1963. – Vol. 9. – P. 99-104.

⁴³ Nida, E.A. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating / E.A. Nida. - Leiden: Brill, 1964. – 331 p.

⁴⁴ Nida, E.A. The Theory and Practice of Translation / E.A. Nida, Ch.R. Taber. - Leiden: Brill, 1969. – 220 p.

теорию достижения многих гуманитарных наук, в первую очередь лингвистики, семиотики, антропологии.

Теория Найды покоилась на двух основаниях: трансформационно-генеративной грамматике Ноама Хомского и кодовой модели коммуникации⁴⁵. Найда выделял в языке два типа структур: поверхностные и глубинные. На уровне глубинных структур находятся *ядра* - «базовые структурные элементы, из которых язык выстраивает развитые поверхностные структуры»⁴⁶. Из кодовой модели коммуникации была принята идея текста как закодированного значения. В качестве аксиомы было принято положение, что значение остаётся инвариантным при переводе. При помощи анализа оригинального языка и выделения в нем «ядерных структур», переводчик может, следуя определенным правилам, перенести значение в язык перевода⁴⁷. Переводной текст является точной передачей оригинала в том случае, если смысл, закодированный в переводе, является таким же, что и в оригинальном тексте. Таким образом, процесс перевода состоит из: 1) декодирования значения оригинального текста и 2) кодирования этого значения на языке переводного текста. Схематично этот процесс можно изобразить следующим образом: *текст – декодирование – значение – кодирование – текст*.

На этом основании Найда и Тэйбер в «Теории и практике перевода» предложили трехступенчатую систему перевода. Первый этап – анализ оригинала: из поверхностных структур оригинального текста переводчик извлекает простейшие, т.н. «ядерные предложения» (*kernel sentences*) и анализирует взаимоотношения между ними⁴⁸. Второй этап, названный авторами «переносом» (*transfer*), состоит в передаче результатов анализа в ум переводчика. Третий этап – реструктуризация полученного материала в естественных формах языка перевода.

⁴⁵ Впрочем, сам Н. Хомский возражал против использования его лингвистической модели в области перевода. См. *Chomsky, N. Aspects of the Theory of Syntax* / N. Chomsky - Cambridge, MA: The MIT Press, 1965. P.30

⁴⁶ *Nida E.A. The Theory and Practice of Translation*. P. 39.

⁴⁷ *Nida E.A. Toward a Science of Translating*. P.57-69.

⁴⁸ *Nida E.A. The Theory and Practice of Translation*. P. 39.

Вместо прежних терминов («буквальный», «вольный», «верный» перевод) Найда говорит о «двух базовых ориентациях» или «типах эквивалентности»: формальной и динамической⁴⁹. Формальная эквивалентность ориентирована на структуры оригинального текста, целью этого подхода является воспроизведение формальных характеристик оригинала. Противоположный подход был назван «динамическим эквивалентным», который «не столько ориентирован на сообщение оригинала, сколько на ответ аудитории»⁵⁰. Динамическая эквивалентность основана на том, что Найда называет «принципом эквивалентного эффекта»: «отношения между сообщением и его получателем должны быть такими же, какие существовали между оригинальным сообщением и его получателем»⁵¹. Прежде в центре внимания находилась форма оригинального текста: переводчики стремились воспроизвести стилистические особенности, например, рифму, игру слов, хиазмы, параллелизм, необычные грамматические структуры. Однако теперь внимание сместилось от формы послания к ответу аудитории⁵². Как отмечает Дэвид Белл, именно в этом была самая большая новизна Найды, утверждавшего, что для сохранения верности оригиналу необязательно точно передавать его форму⁵³. Для достижения естественности переводного текста (которое Найда считает главным требованием) могут потребоваться грамматические, лексические и культурные адаптации. Успешным будет считаться тот перевод, который смог достичь эквивалентного ответа у своих читателей⁵⁴. При этом, поощряя свободу переводчиков, Найда вновь всячески предостерегал от опасности неоправданных культурных адаптаций и слишком вольного обращения с оригиналом⁵⁵.

⁴⁹ Nida E.A. *Toward a Science of Translating*. P. 159.

⁵⁰ Ibid. P. 166.

⁵¹ Ibid. P. 159.

⁵² Nida E.A. *The Theory and Practice of Translation*. P. 1.

⁵³ Bell, D. *Theoretical Maturation and Bible Translation: A Critical Look at Translation Theory with Special Reference to Bible Translation* / D. Bell / Mode of access: <http://www.markandlauraward.com/blog/wp-content/uploads/2008/12/bell david theoretical maturation and bible translation.pdf>. - Date of access: 05.07.2012.

⁵⁴ При этом Найда отмечал, что достижение полной «эквивалентности ответа» невозможно, это – скорее некий идеал, к которому должны стремиться переводчики (Nida E.A. *Toward a Science of Translating*. P. 156).

⁵⁵ Doty, S. *The Paradigm Shift in Bible Translation in the Modern Era...* P. 45.

Безусловно, у теории «динамического эквивалента» нашлись и многочисленные критики. Среди прочего, они указывали на то, что «ориентация на “ближайший естественный эквивалент” означает принципиальный отказ от передачи стилистического разнообразия в переводе, тогда как в художественных текстах существует немало приемов, которые не являются самыми естественными с точки зрения повседневной речи⁵⁶. Говорилось также и о том, что «эта теория полностью *прескриптивна* (предписывает определенную модель поведения) и сходу отвергает все варианты перевода, которые в нее не укладываются. Читатель в этой теории в любом случае оказывается в роли пассивного и неквалифицированного потребителя»⁵⁷.

Подверглись критике также грамматика Хомского и кодовая модель коммуникации, лежавшие в основании теории динамического эквивалента. Например, в качестве одного из недостатков кодовой модели коммуникации указывали на то, что в ней не учитывались контекстуальные факторы, которые и определяют значение текста. Впоследствии важность контекста для коммуникации и перевода особо подчеркивалась в теории релевантности, речь о которой пойдет в следующем разделе.

В последних работах Найды можно заметить движение к социолингвистике и прагматике текста, но он так и остался до конца работать в лингвистической парадигме переводоведения. В 1986 г. вышла книга, которая во многом была ответом на высказанные критические замечания. Она была написана Найдой в соавторстве с Яном де Ваардом и называлась «На разных языках заговорят»⁵⁸ (оригинал имел название «From One Language to Another»⁵⁹). В этой книге Найда меняет название своей теории с «динамического эквивалента» на «функциональный эквивалент», стремясь избежать тех

⁵⁶ См. Gutt E.A. Translation and relevance: cognition and context / E.A. Gutt. – Oxford: Blackwell, 1991. – 267 p.

⁵⁷ См. Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология / А.С. Десницкий. – М.: Издательство ПСТГУ, 2015. С. 57.

⁵⁸ де Ваард, Я. На новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах / Я. де Ваард, Ю. Найда – СПб: Российское библейское общество, 1998. – 272 с.

⁵⁹ de Waard, J. From One Language to Another: Functional Equivalence in Bible Translating / J. de Waard, E. Nida - Nashville: Thomas Nelson, 1986. – 224 p.

негативных ассоциаций, которые были связаны с прежней терминологией. При этом, как подчеркивали авторы, несмотря на корректировку некоторых частных позиций, основные принципы теории оставались неизменными⁶⁰. В книге отсутствует подвергавшаяся наибольшей критике концепция эквивалентности ответа. Вместо этого Найда говорит о необходимости достижения читателями перевода той же самой интерпретации, которая была и у читателей оригинального текста⁶¹.

В теории функциональной эквивалентности переводчик сосредотачивается на передаче текста в его коммуникативной ситуации. Всякое высказывание имеет ряд функций и передача информации – только одна из них. Не менее важными являются и другие функции текста, а потому адекватный перевод должен для своей аудитории выполнять те же самые функции, какие оригинал выполнял для своей аудитории. Если о значении ситуативного и историко-культурного контекста Найда говорил и в предыдущих книгах, то в новой книге авторы говорят о ситуации в конкретном переводческом проекте, которая также оказывает серьёзное влияние на принятие переводческих решений.

Подводя итог анализу теории динамического/функционального эквивалента, следует отметить, что Найда не был совершенным новатором в области теории перевода. Во многом он основывался на наработках своих предшественников. Главная его заслуга состояла в объединении множества элементов в единую теорию, благодаря которой перевод становился не только искусством, но и наукой. Мандэй говорит о том, что «несмотря на последовавшие горячие споры, систематический лингвистический подход Найды к переводу оказал влияние на многих последующих известных теоретиков перевода...»⁶². Как отмечает А.С. Десницкий, последняя книга Найды и де Ваарда «подвела своего рода итог этому теоретическому

⁶⁰ *де Ваард, Я.* На новых языках заговорят... С. 43.

⁶¹ «Процесс перевода определяется исходя из того, что реципиенты должны в такой степени понимать перевод, чтобы им было понятно, как первоначальные реципиенты должны были понимать оригинал» (Ibid).

⁶² *Munday, J.* *Introducing Translation Studies.* P. 43-68.

направлению. Всё самое существенное, что можно было сказать в рамках этого направления, на данный момент уже сказано. Что еще важнее, создано и успешно действует целое направление в области библейского перевода, и во многих регионах мира именно оно стало главным, если не единственным направлением в области библейского перевода»⁶³.

С течением времени сам концепт эквивалентности, который был центральным для всех лингвистических теорий перевода, ставился под сомнение все большим числом учёных⁶⁴. Было ясно, что полная эквивалентность в принципе не достижима: невозможно создать перевод, который был бы зеркальным отражением оригинального текста. Во многом это объяснялось неизбежными лингвистическими и культурными различиями между языками. Лингвистические теории эквивалентности смогли перейти от отдельных слов к текстам как единицам перевода, но не вышли за пределы текста. Главный недостаток лингвистических теорий этого периода состоял в том, что они не учитывали социокультурных условий, в которых производятся переводы. Кроме того, лингвистические типологии переводов, будучи весьма полезными для описания реальных и важных различий между переводами, были не способны дать удовлетворительные ответы на множество вопросов⁶⁵. К примеру, почему переводчик в данном конкретном случае решает перевести именно так, а не иначе? Почему из нескольких возможных вариантов перевода он выбирает один? Что влияет на выбор переводческой стратегии? Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, следовало обратиться к различным контекстуальным факторам: социальным, культурным, герменевтическим, богословским. Понимание того, что переводы никогда не создаются в вакууме, стремление учитывать контекстуальные факторы коммуникации привели к движению от нормативных и прескриптивных методологий к дескриптивным. Эта тенденция внутри переводоведения стала заметна с начала 1980-х гг.

⁶³ См. Десницкий А.С. Современный библейский перевод... С. 64.

⁶⁴ О критике концепта эквивалентности см. особенно Cheung, A. Functionalism and Foreignization: Applying Skopos Theory to Bible Translation... P. 80-122.

⁶⁵ О недостатках лингвистических типологий переводов см. de Vries, L. Biblical Scholars, Translators and Bible Translations / L. de Vries // Scripture and Interpretation. – 2008. – Vol. 2:2. P. 143-150.

1.2.3. Зарождение современной теории перевода в 1970-е гг. и «культурный поворот» в переводоведении 1980-х гг.

В 1970-е гг. происходит постепенный отход от прежних лингвистических теорий и намечаются новые перспективы исследований. Во многом это было связано с прагматическим поворотом в лингвистике и установлением междисциплинарных связей между гуманитарными дисциплинами. Прагматический поворот в лингвистике означал переориентацию от концепта изолированного лингвистического знака и абстрактного концепта языковой системы к холистическому пониманию текста как части окружающего мира. Так, Анна Тросборг употребляет заимствованный из психологии термин «гештальт» и говорит о том, что «с развитием лингвистики текста наблюдалось осознание текста как сложной, многоуровневой структуры, которая является чем-то большим, чем просто суммой своих частей»⁶⁶. В области теории перевода эти изменения привели к тому, что эквивалентность стала рассматриваться на уровне целого текста и на коммуникативном уровне, а единицей перевода стал весь текст. Кроме того, в этот период происходило разрушение барьеров между отдельными областями знания, что вело к взаимному обогащению дисциплин. Достижения в области антропологии, философии, социологии и психологии позволили по-новому взглянуть на природу и функцию языка: исследователи стали обращать внимание на его социальные и коммуникативные аспекты.

В 1970-е гг. также продолжается становление теории перевода в качестве самостоятельной дисциплины. К переводу долгое время относились как ко вторичной деятельности, в академических кругах не было желания признавать теорию перевода в качестве новой дисциплины. Первым, кто заговорил о теории перевода как о самостоятельной научной дисциплине, был Джеймс Холмс (1924-1986). В 1972 г., на Третьем Международном Конгрессе Прикладной Лингвистики (Копенгаген, август 1972) он сделал доклад

⁶⁶Trosborg, A. Translation Studies: Some Recent Developments / A. Trosborg // Hermes. Journal of Linguistics. – 1994. – Vol. 12. – P. 20.

«Название и природа переводоведения», который стал рассматриваться в качестве проекта будущей дисциплины. Холмс предложил и название новой области исследований *TranslationStudies* (в русском языке устоялись названия «теория перевода» и «переводоведение»), определил ее структуру, заложил основы терминологии, создал историографию дисциплины и методологию исследований. Именно с этого момента переводоведение становится международной и междисциплинарной сферой академических исследований.

Формирование переводоведения как научной дисциплины совпало с т.н. «культурным поворотом» в гуманитарных и социальных науках, который привел в 1980-е гг. к настоящей смене парадигмы в исследованиях перевода⁶⁷. Сущность этого явления состояла в инкорпорировании социокультурной проблематики, возрастании интереса к истории и контексту различных явлений культуры. В переводоведении культурный поворот проявился в смещении интереса исследователей от лингвистических подходов к тем, которые делают акцент на экстратекстуальных факторах перевода и межкультурном взаимодействии⁶⁸. В рамках новой парадигмы в центре внимания ученых были уже не лингвистические характеристики оригинала, а функция перевода в целевой культуре. Перевод начинает рассматриваться не как изолированное явление, а как часть культуры. Теоретики перевода обращают внимание на вопросы контекста, в котором происходит перевод, а также на роль переводческих конвенций. Таким образом, если до 1980-х гг. перевод рассматривался преимущественно с точки зрения взаимоотношений между текстами или языковыми системами, то теперь он изучался как результат сложного взаимодействия, которое происходит в коммуникативном, социокультурном контексте.

Культурный поворот означал, что переводоведение приобрело междисциплинарное измерение. Исследователи, исходя из нужд теории перевода как самостоятельной дисциплины, стали адаптировать методологии и

⁶⁷Snell-Hornby, M. The Turns of Translation Studies. P. 63.

⁶⁸Cheung, A. Functionalism and Foreignization: Applying Skopos Theory to Bible Translation... P. 60.

теоретические построения других дисциплин (психологии, теории коммуникации, теории литературы, антропологии, философии, культурологии). Появились новые теоретические подходы, которые, развиваясь независимо, имели много общего. Эти новые подходы мы и обсудим в следующих разделах данной главы. Отметим лишь, что современная теория перевода стала отходить от простого сопоставления переводного и оригинального текстов и стала стремиться к выявлению более широкого спектра взаимоотношений, внутри которых переводы могут сравниваться.

1.2.4. Дескриптивная теория перевода

Одним из теоретических подходов, который знаменовал «культурный поворот» в переводоведении, была дескриптивная теория перевода (*Descriptive Translation Studies*). Ключевым для дескриптивных исследований стал концепт полисистем, заимствованный из теории литературы⁶⁹. Израильский ученый Эвен-Зохар и его коллеги утверждали, что литература в каждом социуме является собранием различных систем, системой систем (полисистемой), в которой различные жанры, школы, тенденции соревнуются между собой за читателя. В таком случае литература более не является статическим явлением, но сложной и динамической системой, в которой постоянно происходят изменения. Теория полисистем увела переводоведение от лингвистического анализа взаимоотношений между оригинальным и переводным текстами к исследованию места переводной литературы в культуре. Это был важный шаг, поскольку до этого момента переводная литература рассматривалась как производная, вторичная форма.

В 1985-м г. группа немецких исследователей, которую впоследствии назвали «манипулятивной школой» (*Manipulation School*) представила новую парадигму исследования литературного перевода, основанную на теории полисистем. Представителями данного направления был издан сборник статей

⁶⁹Впервые в теории перевода появляется у Эвен-Зохар, I. Polysystem Theory / I. Even-Zohar // Poetics Today. – 1979. – Vol. 1. - P. 287–310.

«Манипуляция литературой»⁷⁰. Цель данной группы состояла в том, чтобы «установить новую парадигму исследования литературного перевода на основании современной теории и практических исследований»⁷¹. Новая парадигма основывалась на отрицании «нормативных и ориентированных на оригинал подходов, типичных для большинства традиционных представлений о переводе»⁷².

Идеи «манипулятивной школы» привели к появлению дескриптивной теории перевода. В этом теоретическом подходе перевод рассматривается как особый тип текста, являющийся интегральной частью культуры, а не только воспроизведением другого текста. Ученые, работающие в рамках данного подхода, говорят о том, что переводной текст следует анализировать не только в его взаимоотношении с оригинальным текстом. Необходимо посмотреть и на то, какое место переводной текст занимает внутри своей литературной системы (а также социальной, религиозной и других систем, частью которых он является). Изучая переводную литературу, представители данного направления стремятся определить переводческие нормы, действующие в культуре в конкретный период истории, поскольку именно существующие культурные нормы определяют специфику перевода. Чем лучше мы поймём весь комплекс взаимоотношений, в которых происходит процесс перевода, тем лучше мы поймём аспекты перевода и интерпретации, которые могли до того быть не замеченными или неправильно понятыми⁷³. Представители дескриптивного направления концентрируются на описании и анализе переводов и их функции в культуре, избегая при этом вынесения каких-либо оценок. Вместо того, чтобы говорить, *как* следует переводить, теоретики этого направления стремятся понять, *что* происходит при переводе. Дескриптивный подход важен для понимания природы перевода и функционирования переводных текстов.

⁷⁰ *Hermans, Th.* The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation / Th. Hermans. - London: Croom Helm, 1985. – 249 p.

⁷¹ *Ibid.* P. 10.

⁷² *Ibid.* P. 9.

⁷³ См. *Ciampa, R.* Approaching Paul's Use of Scripture in Light of Translation Studies / R. Ciampa / Mode of access: <http://www.westmont.edu/fisk/paulandscripture/Ciampa%20Pauls%20Use%20of%20Scripture%20in%20light%20of%20Translation%20Studies.pdf>. – Date of access: 07.08.2011.

Выявление и описание переводческих норм, действующих в данной коммуникативной ситуации, является важной частью аналитической работы, которая предшествует созданию нового переводного текста. Знание подобных норм позволяет переводчику определить стратегию создания такого перевода, который будет считаться «приемлемым» в данной аудитории.

1.2.5. Функционалистские подходы к переводу

В конце 1970-х в Германии появились функционалистские подходы к переводу, самым известным из которых является теория скопоса, а потому эти названия часто используются взаимозаменяемо в качестве синонимов.

В 1978 г. появляется статья Ганса Фермеера (1930-2010) «Рамки для общей теории перевода»⁷⁴, основная идея которой состояла в том, что цель (греч. σκόπος – «цель») перевода определяется нуждами и ожиданиями читателя, а эквивалентность объявлялась подчиненной скопосу перевода.

В 1982 г. выходит книга Ганса Хёнига и Питера Кюссмауль «Стратегия перевода», предназначенная для студентов. Важнейшее место в работе этих авторов занимало понятие «культура», которая определялась как «вербализованная часть социокультуры»⁷⁵. Любой текст, в том числе и переводной, является частью коммуникативной ситуации, которая определяется социокультурным контекстом. Особенности любого текста, соответственно, определяются той функцией, которую он выполняет в данной культуре. Кроме того, вместо непривычного слова «скопос», Хёниг и Кюссмауль предпочитали использовать слово «функция».

В 1984 г. Фермеер в соавторстве с Катариной Райс написал книгу «Основы общей теории перевода»⁷⁶, которая стала своеобразным манифестом этого направления. Авторы книги рассматривали язык не как автономную

⁷⁴Vermeer, H. Ein Rahmen für eine allgemeine Translationstheorie / H. Vermeer // Lebende Sprachen. 1978. – Vol. 23. – P. 99–102.

⁷⁵Hönig, H. Strategie der Übersetzung. Ein Lehr- und Arbeitsbuch / H. Hönig, P. Kussmaul - Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982. P. 58.

⁷⁶Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Übersetzungstheorie / K. Reiß, H. Vermeer - Tübingen: Niemeyer, 1984. – 245 p.

систему, но как часть культуры. Потому переводчик не просто владеет двумя языками, но принадлежит двум культурам. Текст не является статическим и изолированным лингвистическим фрагментом, но несет на себе отпечатки экстралингвистической ситуации. Не может быть одного совершенного перевода, всякий перевод зависит от своего scopos и ситуации.

В лекции 1986 г., проведенной в Цюрихе, Фермеер развивает свою теорию и дает следующее определение перевода: перевод является «предложением информации на язык *t* культуры *T*, которая имитирует предложение информации в языке *s* культуры *S* в соответствии со своей определенной функцией. Иными словами, перевод не является перекодированием слов или предложений из одного языка в другой. Перевод – это сложная форма действия, в которой информация о тексте (материале на оригинальном языке) дается в новых функциональных, культурных и лингвистических условиях и в новой ситуации. При этом формальные аспекты должны быть сохранены настолько, насколько это возможно»⁷⁷. Это определение было отказом от все еще влиятельного лингвистического направления, в котором перевод рассматривался как «эквивалентная» версия оригинального текста.

Функционалистские теории рассматривают перевод как акт межкультурной коммуникации и утверждают, что лингвистические характеристики переводного текста определяются той целью, которую перевод предназначен выполнять в данной культуре. Каждая конкретная ситуация, в которой происходит коммуникация, определяет, что и как люди сообщают друг другу. Нет универсальных ситуаций, но каждая ситуация определяется набором различных факторов. Таким образом, функционалистские теории уделяют особое внимание контекстуальным факторам коммуникации, особенностям того мира, в котором возникает, существует и интерпретируется текст. Функционалистские переводы стремятся к тому, чтобы освободить

⁷⁷Vermeer, H. Übersetzen als kultureller Transfer // Übersetzungswissenschaft – Eine Neuorientierung. Zur Integrierung von Theorie und Praxis. - Tübingen: Francke, 1986. P. 33.

переводчиков от рабской приверженности оригинальному тексту. Перевод здесь воспринимается как новый коммуникативный акт, который имеет целенаправленный характер. Приоритет отдается не оригинальному тексту, а той функции, которую будет выполнять переводной текст в новой коммуникативной ситуации. Методология перевода в каждом конкретном случае вырабатывается переводчиком в зависимости от переводческого задания, задающего параметры коммуникации, в которой будет функционировать перевод. Согласно функционалистскому подходу, перевод считается адекватным, если переводной текст соответствует коммуникативной цели, определенной в переводческом задании.

Долгое время практически все работы в рамках функционалистского подхода выходили на немецком языке. Уже в 1990-е гг. ученица Фермеера Кристиана Норд в ряде своих публикаций сделала доступными идеи функционализма для англоязычной аудитории. В 2000-е гг. мы видим отдельные попытки применения функционалистской теории в области библейского перевода, но теория скопоса пока не стала основной парадигмой в переводе Библии. Многие переводческие команды по-прежнему, особенно в восточноевропейских странах, часто исходят из «донаучных» предпосылок и отвергают всякую необходимость в какой-либо теории, или же ориентируются на подход Найды. На наш взгляд, именно функционалистский подход является наиболее перспективным для перевода Библии. Обоснованию этого тезиса и посвящена данная работа. Впрочем, более конкретно о функционалистском подходе и о перспективах его использования в библейском переводе речь пойдет в следующих разделах нашего исследования.

Подводя краткий итог рассмотрению периода 1970-1980-х гг., можно отметить, что благодаря функционалистской и дескриптивной теориям был осуществлен переход от изучения статических лингвистических феноменов к рассмотрению перевода как акта межкультурной коммуникации. Взаимодействие между двумя указанными подходами было незначительным, хотя они имели общие установки: полемика против лингвистических теорий,

стремление к созданию новой парадигмы исследований, ориентирование на целевую культуру и функцию переводного текста. Несмотря на ряд различий, две школы не должны противопоставляться, а рассматриваться как взаимодополняющие (важно помнить и то, что дескриптивная теория более ориентирована на описание и изучение перевода как культурного феномена, в то время как теория скопоса направлена, прежде всего, на переводческую практику и призвана содействовать созданию новых переводов)⁷⁸. Как идеи манипулятивной школы, так и функционалистские подходы первоначально серьезно критиковались и были восприняты с недоверием, но в итоге сделали важнейший вклад в развитие теории перевода.

1.2.6. Теория релевантности Эрнста Гутта

В 1990-е гг. в переводоведении происходит формирование нового научного сообщества, одним из признаков чего становится появление специализированных академических изданий⁷⁹. К началу 2000-х гг. теория перевода приобрела статус общепризнанной независимой академической дисциплины. Теоретические подходы, сформулированные в предыдущие годы, получают детальную разработку в среде новой плеяды исследователей, развивавших идеи своих учителей. Так, идеи манипулятивной школы получают своё развитие в дескриптивной теории перевода Гидеона Тури⁸⁰, а функционалистский подход получает свое обобщение и развитие в работах К. Норд. Появляются и новые теории (постколониальные исследования, теория релевантности), начинают ставиться вопросы об этике и идеологии перевода.

⁷⁸Снелл-Хорнби попыталась преодолеть разрыв между двумя школами, предложив своей «интегрированный подход» в *Snell-Hornby, M. Translation Studies: An Integrated Approach / M. Snell-Hornby. - Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. - 163 p.*

⁷⁹Назовем лишь наиболее известные: *The Translator, Meta, Translation Studies, Translation: A Translation Studies Journal, The International Journal of Translation Studies* и многие другие. В области библейского перевода можно назвать такие журналы как *The Bible Translator, Traducción de la Biblia, Le Sycomore.*

⁸⁰*Toury, G. Descriptive Translation Studies and Beyond / G. Toury. - Amsterdam: J. Benjamins, 1995. - 311 p.*

В 1986 г. была издана книга лингвистов Дэна Спербера (р. 1942) и Дейдрэ Уилсона «Релевантность: коммуникация и сознание»⁸¹, ставшая первым серьёзным теоретическим вызовом кодовой модели коммуникации, лежавшей в основании динамического эквивалента Найды. Взамен авторами была предложена инференционная модель коммуникации, которая была названа теорией релевантности⁸².

Согласно теории Спербера и Уилсона, коммуникацию нельзя представлять в виде простого процесса кодирования и декодирования информации. В кодовой модели коммуникации слова представлялись в виде контейнеров, внутри которых содержится значение. В процессе перевода инвариантное значение извлекается из одного контейнера (языка оригинала) и помещается в другой контейнер (язык перевода). Однако общение между людьми, в том числе и межъязыковое, является более сложным явлением. В процессе коммуникации каждый человек предоставляет вербальные и невербальные стимулы, которые свидетельствуют об определенной интенции своего отправителя. Интерпретируя коммуникативные стимулы, получатель высказывания (в случае письменной коммуникации – читатель) делает заключение о коммуникативных намерениях говорящего. Проблема заключается в том, что на самом деле любое высказывание (вербальный стимул), как правило, допускает существование более чем одной интерпретации. Высказывание, рассматриваемое в изоляции от других факторов, само по себе, допускает множество толкований. Однако

⁸¹ *Sperber D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. - Oxford: Blackwell, 1986. – 279 p.*

⁸² До 1957 г. кодовая модель была единственной теорией коммуникации. Пол Грайс был первым, кто бросил серьёзный вызов кодовой модели. В качестве замены Грайс предложил инференционную (*inferential*) модель. Он первым обратил внимание на существование инференционных процессов и подчеркнул их важность для понимания природы вербальной коммуникации. Впрочем, предложенная Грайсом теория трактовалась многими лингвистами не как альтернатива прежнему подходу, а как его дальнейшее развитие. Они полагали, что возможно объединение подход Грайса к прагматике и кодовой модели посредством добавления дополнительного уровня кодирования и декодирования. Как следствие, кодовая модель продолжала доминировать вплоть до 1986 г. Спербер и Уилсон испытали значительное влияние Грайса. Но, по их мнению, «подход Грайса к прагматике, хотя и был более совершенным, нежели кодовая модель, все же оставлял множество вопросов без ответов» (*Wilson, D. An Outline of Relevance Theory / D. Wilson, D. Sperber // Notes on Linguistics. – 1987. – Vol. 39. P. 10*). Они попытались разрешить некоторые проблемы теории Грайса и предприняли попытку дальнейшего развития основных положений его модели. Эту пересмотренную и переработанную теорию они и назвали теорией релевантности.

коммуникация никогда не происходит в вакууме, она всегда существует в контексте. Сказанный в конкретных обстоятельствах и конкретной аудитории, вербальный стимул становится ясным и недвусмысленным свидетельством об интенции отправителя.

Ключевым в теории релевантности становится понятие контекста, который определяет значение вербального и невербального стимула. Значение высказывания определяется контекстом и зависит от того, кем, когда, где и для кого оно сделано. Из множества значений, которое может иметь любое высказывание, релевантным в каждой конкретной ситуации будет одно⁸³. В теории релевантности контекст высказывания определяется как совокупность тех предпосылок, которые используются для интерпретации и относится, прежде всего, к общей (как для отправителя, так и для получателя) когнитивной среде.

Кроме того, в общении каждый собеседник руководствуется **принципом релевантности**. Это означает, что каждый из участников гарантирует: то, что он говорит – релевантно, то есть значимо, для его аудитории и потому достойно ее внимания⁸⁴. Релевантным будет то высказывание, которое потребует минимальных затрат усилий для своего понимания и при этом сообщит максимальное количество информации.

Итак, основная заслуга теории релевантности заключалась в указании на то, что ключевую роль в коммуникации играет контекст и что значение слова в конкретном тексте не тождественно его семантическому, словарному значению, а определяется взаимодействием высказывания и контекста.

Первым, кто указал на значимость теории релевантности для перевода был Эрнст-Август Гутт (р. 1961). В своей книге «Перевод и релевантности: сознание и контекст»⁸⁵ Гутт утверждал, что теория релевантности лучше, чем кодовая модель коммуникации, помогает понять природу перевода. Он говорит

⁸³Smith, K.G. Bible Translation and Relevance Theory. The Translation of Titus: a thesis... doctor litterarum / K.G. Smith. – Stellenbosch, 2000. P. 35-36.

⁸⁴Ibid.

⁸⁵Gutt, E.A. Translation and relevance: cognition and context / E.A. Gutt. – Oxford: Blackwell, 1991. – 267 p.

о том, что перевод является частным случаем вербальной коммуникации. Гутт говорит о переводе как о межъязыковой косвенной речи и, проводя аналогию между прямым и непрямым цитированием, вводит понятия прямого и непрямого переводов.

Прямой перевод (*directtranslation*) пытается в точности воспроизвести то, что было сказано автором оригинала⁸⁶. Как прямое цитирование пытается сохранить в точности то, что сказано другим человеком, так и прямой перевод стремится к достижению полного интерпретивного сходства с оригиналом. Задача переводчика – сохранить все те коммуникативные ключи, которые были доступны читателю оригинального текста. Прямой перевод должен сделать доступными полноту значения оригинального текста при условии, что текст будет интерпретироваться исходя из оригинального контекста. Перевод будет успешным в том случае, если он позволяет своим читателям прийти к тем же интерпретациям, к которым пришли читатели оригинала.

Непрямой перевод (*indirecttranslation*) не стремится к полному интерпретативному сходству с оригиналом. Как косвенное цитирование может в разной степени изменять высказывание оригинала, так и непрямой перевод может изменять оригинальный текст в зависимости от нужд аудитории. Непрямой перевод передает те части сообщения, которые в данный момент являются наиболее значимыми и понятными целевой аудитории. Кевин Смит говорит о непрямом переводе как о «подвижной, чувствительной к контексту концепции перевода, которая позволяет различным типам текстов называться переводом; этот подход уместен в тех случаях, в которых переводчик не имеет нужды сообщить все послышки оригинала читателям»⁸⁷.

При выборе переводческого подхода необходимо определить, какой уровень сходства между оригиналом и переводом требуется. Гутт объясняет это следующим образом: «если переводчики стремятся к полному сходству, то они

⁸⁶ Кевин Смит в своей диссертации подробно разрабатывает принципы прямого перевода. См. *Smith, K.G. Bible Translation and Relevance Theory... и Smith K.G. Direct translation: Striving for Complete Resemblance / K. G. Smith // Conspectus. – 2008. – Vol. 5. – P. 169-184.*

⁸⁷ *Smith, K.G. The Emergence of Relevance Theory as a Theoretical Framework for Bible Translation / K. G. Smith // Conspectus. – 2007. – Vol. 4. P. 74*

должны предпринять попытку прямого перевода. При этом следует учитывать, что такой перевод потребует от читателя больших усилий для понимания текста. Если достаточной является меньшая степень сходства, более предпочтительным представляется не прямой перевод...»⁸⁸. Он также подчеркивает, что все участники коммуникации должны быть осведомлены о предполагаемой степени сходства между оригиналом и переводом. Невыполнение этого требования может привести к неправильному пониманию перевода и его неоправданной критике.

Безусловно, теория Гутта не осталась без критических замечаний. Самый главный упрек – сложный технический язык и отсутствие практических рекомендаций⁸⁹. Впрочем, как кажется, эта проблема уже решена: Гутт и ряд других авторов подготовили к публикации пособие для переводчиков «Основы библейского перевода: передача Писания релевантным образом»⁹⁰.

Габриэла Уинклер и ван дер Мерве считают, что теория релевантности является шагом вперед в сравнении с подходами, основанными на кодовой модели⁹¹. Кевин Джобс в одной из своих статей доказывает, что теория релевантности совместима с христианским пониманием Писания и может стать основной в библейском переводе⁹². Кевин Смит развивает ряд положений, которые не получили должной разработки в трудах Гутта⁹³. Так, в своей докторской диссертации он применил принципы теории релевантности к переводу Библии, предложив прямой перевод послания ап. Павла к Титу⁹⁴. Однако, несмотря на появление учебного пособия (упомянутого выше)

⁸⁸Smith K.G. Direct translation: Striving for Complete Resemblance. P. 173.

⁸⁹Wendland, E.R. On the relevance of “relevance theory” for Bible translation / E.R. Wendland // The Bible Translator. – 1996. – Vol. 47. – P. 126-138.

⁹⁰Hill, H. Bible Translation Basics: Communicating Scripture in a Relevant Way / H. Hill, E. Gutt, M. Hill, Ch. Unger, R. Floyd. – Dallas: SIL International. 2011. – 291 p.

⁹¹Winckler, G. Training tomorrow’s Bible translators: some theoretical pointers / G. Winkler, Ch. van der Merwe // Journal of Northwest Semitic Languages – 1993. – Vol. 19. – P. 41-59.

⁹²Jobes, K. Relevance Theory and the Translation of Scripture / K. Jobes // Journal of Evangelical Theological Society. – 2007. – Vol. 50:4. – P. 773–797.

⁹³Smith, K.G. Translation as Secondary Communication. The Relevance Theory Perspective of Ernst-August Gutt / K.G. Smith // Acta Theologica Supplementum – 2002. – Vol. 2. – P. 107-117; Smith, K.G. The Emergence of Relevance Theory as a Theoretical Framework for Bible Translation; Smith, K.G. Direct translation: Striving for Complete Resemblance.

⁹⁴Smith, K. Bible Translation and Relevance Theory...

и широкое использование данного подхода в Африке, теория релевантности так и не стала доминирующей в теории перевода Библии.

1.2.7. Концепция отчуждающего перевода Лоуренса Венути

В 1995 г. и в 1998 г. вышли две книги писателя и переводчика Лоуренса Венути (р. 1953)⁹⁵, которые «вернули к жизни» дихотомию Шлейермахера. Немецкие термины *Verfremdung* (движение читателя к автору) и *Entfremdung* (движение автора к читателю) обозначающие две базовые переводческие стратегии, Венути передает как «отчуждение» (*foreignizing*) и «одомашнивание» (*domestication*). При этом он отмечает, что одомашнивание и отчуждение – это эвристические концепты, а не бинарные оппозиции, а потому они могут изменяться во времени и пространстве, в зависимости от существующих в данном обществе переводческих норм. Свои идеи Венути развивает в контексте гегемонии англоязычных народов, которая проявлялась в приспособлении оригинальных текстов к ценностям англо-американского мира. Поэтому его подход может быть корректно понят лишь в контексте дискуссий о переводческой этике, которые велись в конце двадцатого столетия⁹⁶.

По мнению Венути, основная тенденция современного англоязычного мира – создание «невидимых» переводов, которые скрывают присутствие переводчика и текст воспринимается так, как если бы он изначально был написан на языке перевода⁹⁷. Такая стратегия «одомашнивания» представляет собой этноцентрическую редукцию оригинального текста к культурным ценностям целевого языка и ведет к подавлению своеобразия оригинального текста⁹⁸. Это проявляется как в выборе лексики и синтаксических конструкций, так и в отборе текстов для перевода. В любом акте «одомашнивания», который стремится переводить «естественно» (тем самым делая «невидимым» присутствие переводчика), Венути видит насилие над оригиналом. В итоге это

⁹⁵Venuti, L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*; Venuti, L. *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference* / L. Venuti. - London/New York: Routledge, 1998. – 210 p.

⁹⁶Snell-Hornby, M. *The Turns of Translation Studies*. P. 147.

⁹⁷ Одомашнивание относится к «этноцентричному сведению чужого текста к [англо-американским] культурным ценностям» (Venuti, L. *The Translator's Invisibility*. P. 20).

⁹⁸Venuti, L. *The Translator's Invisibility*. P. 20.

приводит к тому, что переводной текст перестает восприниматься как «иной», утрачивает свою оригинальность и становится частью принимающей культуры.

Единственный выход из этой ситуации Венути видит в выборе стратегии отчуждения, суть которой в том, чтобы создать перевод, который поможет читателю осознать «инаковость» оригинального текста⁹⁹. Отчуждение для Венути – это форма сопротивления культурному нарциссизму и империализму агрессивной монопольной англо-американской культуре¹⁰⁰. Выбирая стратегию «отчуждения», переводчик стремится к разрушению культурных стереотипов, указывая на лингвистические и культурные различия между двумя текстами¹⁰¹. Основным средством создания отчуждающего перевода является использование особого языкового стиля, который должен сделать видимым деятельность переводчика. Для этого Венути предлагает использовать архаическую лексику и непривычные синтаксические конструкции, что позволит подчеркнуть культурную инаковость оригинального текста и защитит его от идеологического доминирования культуры перевода.

Говоря об одомашнивающем переводе, Венути употребляет такие эмоциональные термины как «этноцентрическое насилие», «расизм», «империализм», поскольку такого типа перевод производит насилие над культурой оригинала. Переводчик должен быть готовым проявить нелояльность нормам своей культуры и помочь читателю встретиться с «Другим». Таким образом «возникает читатель, который более открыт к лингвистическим и культурным различиям»¹⁰². Однако, отдавая предпочтение отчуждающим переводам, Венути все же замечает, что все переводы в той или иной степени являются одомашнивающими¹⁰³.

После выхода книг Венути дискуссии об «отчуждении» и «одомашнивании» заняли одно из центральных мест в англоязычном переводоведении. Однако Снелл-Хорнби считает, что о подходе Венути нельзя

⁹⁹ Cheung, A. *Functionalism and Foreignization...* P. 162.

¹⁰⁰ Venuti, L. *The Translator's Invisibility*. P. 20.

¹⁰¹ Ibid. p. 20.

¹⁰² Venuti, L. *The Scandals of Translation*. P. 87.

¹⁰³ Ibid. P. 81.

говорить как о новой парадигме, но скорее как о новых идеях, которые можно извлечь из концептов Шлейермахера в новой ситуации «гегемонии англоязычных народов»¹⁰⁴. Кроме того, идеи Ветути нельзя делать универсальными, всегда учитывая тот контекст, в которых они были высказаны¹⁰⁵. В целом можно сказать, что некоторые идеи Ветути могут оказаться полезными и переводчикам Библии. Его работы спровоцировали обсуждение вопросов взаимодействия двух культур, проблем этики и идеологии в переводе. Этично ли «одомашнивать» текст, принадлежащий чужой культуре? Что более правильно: признавать и уважать инаковость другого, его голос, или ассимилировать его голос так, чтобы он звучал как наш? Не получается ли так, что в наших переводах культурные ценности библейских текстов часто утрачивают свою уникальность и своеобразие? Не становятся ли библейские тексты слишком «нашими», соответствующими нашим догматическим или эстетическим представлениям? Подробнее об этих проблемах мы будем говорить в 4.2.1.

1.2.8. Постколониальные исследования перевода

Еще одним важным направлением в теории перевода, которое возникло в 1990-е гг., были постколониальные исследования. Хотя они пока и не играют заметной роли в библейском переводе, однако следует отметить ряд ценных идей, которые могут быть использованы переводчиками Библии.

В конце XX в. важной темой становится роль перевода в постколониальном мире. Начинают обсуждаться вопросы взаимоотношений между колониализмом, языком и переводом. Очень часто язык был средством политики колонизаторов, что делало его символом неравных отношений и дискриминации. Часто переводы Библии также становились частью колониаторских проектов в Африке, Азии и других регионах, а переводчики рассматривались как орудия реализации имперских амбиций. После падения

¹⁰⁴Snell-Hornby, M. The Turns of Translation Studies. P. 147.

¹⁰⁵Tymoczko, M. Enlarging Translation, Empowering Translators / M. Tymoczko. - Manchester: St. Jerome Pub., 2007. - 353 p.

империй и обретения бывшими колониями независимости происходил процесс изменения взаимоотношений между бывшими метрополиями и их колониями, что привело к изменениям и в сфере перевода. Одним из примечательных феноменов стало появление «гибридных» текстов. Это были переводы литературы на язык бывшей метрополии (например, английский или французский), но при этом такой язык в значительной мере отличался от того, что использовался в самих метрополиях. Такого рода «гибридные» языки и тексты были своего рода «нейтральной территорией» или «пограничьем», где происходила новая встреча между бывшей колонией и бывшей метрополией. Изменения происходили и в бывших колониальных центрах: политика доминирования изменилась на политику уважения к «Другому» и желанию понять его. Все это также привело к определенным изменениям в сфере перевода. По указанным выше причинам многие теоретики перевода сегодня стали более внимательными к идеологическим аспектам перевода.

1.2.9. Гендерные исследования перевода

Важное место в современных исследованиях культуры занимают вопросы пола. Как и постколониальные, гендерные исследования являются реакцией на ассиметричные взаимоотношения, только в данном случае не между периферией и центром, а между мужчиной и женщиной. Научный интерес к вопросам гендера в переводоведении появился в к. 1970-х – нач. 1980-х гг. и стал следствием тех изменений, которые произошли в социологии и лингвистике. Однако лишь в 1990-е гг. эта проблема становится предметом серьёзной дискуссии¹⁰⁶. Появились новые области исследования: критика патриархального языка, особые феминистические переводческие практики, перевод как способ открытия женского присутствия, которое было утеряно в патриархальный период и т.д.

¹⁰⁶ В англоязычной среде серьёзные дискуссии об инклюзивном языке в библейском переводе стали активно вестись после выхода в 1997 г. одного из изданий популярного перевода NIV, в котором использовался инклюзивный язык NIVI. Вторая волна поднялась после выхода TNIV.

В контексте этих изменений можно понять и дискуссии вокруг так называемого «инклюзивного» языка, которые весьма распространены в западной теории библейского перевода. Инклюзивный язык стремится к использованию таких форм, которые включают в себя различные сегменты языкового сообщества. Вопросы пола занимают центральное место в подобных дискуссиях, хотя гендерные проблемы являются не единственными, которые занимают ученых. Сторонники инклюзивного языка стремятся, например, использовать такие формы, которые включали бы представителей как мужского, так и женского пола. К примеру, русское слово «человек» является инклюзивным и может указывать как на мужчину, так и на женщину. А вот слово «муж» может быть воспринято и как инклюзивное, и как эксклюзивное (то есть относиться только к мужчинам)¹⁰⁷. Подобного рода проблематика привела к появлению большого количества переводов, цель которых – создание гендерно нейтральных текстов¹⁰⁸.

Иногда языковые формы оригинала могут предполагать, что сам автор употреблял их инклюзивно. Например, когда ап. Павел обращается к христианам *ἀδελφοί* (Филип. 1:12) - то говорит ли он только о мужчинах-христианах или подразумевает и женщин? Вполне вероятно, что правильным является второй вариант. В таком случае, в ряде культур, где люди особо чувствительны к вопросам пола, данное слово можно передать как «братья и сестры». Такой перевод будет учитывать ожидания читателей перевода, но при этом останется верным интенциям автора послания. В некоторых крайних случаях сторонники инклюзивного языка говорят о том, что обращение к Богу как к отцу в современной культуре многими может быть воспринято как проявление патриархальной структуры общества, в которой мужчина занимал

¹⁰⁷ Ср., например, перевод Пс. 1: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (СП); «Блажен, кто советам нечестивых не последовал» (РБО); «Блажен тот, кто совету нечестивых не следует...» (Кулаков); «О благо тому, кто совета с лукавыми не устроил...» (Авер.); «Блажен человек, который не следует совету злодеев» (МБО). Мы видим, что во всех приведенных нами русских переводах Пс.1 используется то, что мы назвали инклюзивным языком. Но в русскоязычной переводческой практике инклюзивный язык является скорее требованием конкретного текста, нежели общим принципом, который последовательно соблюдается всей командой в процессе перевода.

¹⁰⁸ Примерами таких переводов могут быть английские переводы NRSV, NLT, TNIV.

доминирующее место (это означает, что и язык был сформирован сквозь призму «мужского взгляда»). В таком случае некоторые переводчики предлагают переводить слово *πατήρ* как «Отец-Мать», «Родитель». Такой перевод будет учитывать ожидания части современных читателей, но при этом совершенно расходиться с интенцией автора текста.

В 2000-е гг. мы не видим появления принципиально новых переводческих теорий. Ученые сосредоточили свое внимание на практических исследованиях в рамках существующих подходов. Если в предшествующий период различные направления в теории перевода существовали изолированно друг от друга, то в 2000-е гг. наблюдается определенное стремление к взаимодействию между подходами. Кроме того, теоретики пытаются осмыслить новые условия, в которых сегодня осуществляется переводческая деятельность: процессы глобализации, использования современных компьютерных технологий и др.

1.2.10. Библийский перевод в 1990-е и 2000-е гг.

1.2.10.1. Литературно-функциональный эквивалент Эрнста Уэндленда

Ситуация в библийском переводе в 1990-е – 2000-е развивалась не столь стремительно и менялась не так кардинально. По-прежнему дискуссии часто ведутся вокруг формального/функционального эквивалента Найды. Одним из значительных шагов вперед было появление теории литературно-функционального эквивалента (*literaryfunctionalequivalence*, сокращенно *LiFE*), которая представляет собой новое развитие функционального эквивалента Найды. При этом особый акцент делается на литературных характеристиках библийских текстов, которые очень часто остаются незамеченными в переводах Библии.

Наиболее полно идеи литературного эквивалента изложены в книге Эрнста Уэндленда «Литературно-функциональный подход к переводу. Учебник для библийских переводчиков»¹⁰⁹. Поскольку библийские тексты являются

¹⁰⁹Wendland, E. LiFE-Style Translating. A Workbook for Bible Translators / E. Wendland. – Dallas: SIL International, 2006. – 336 p.

литературными произведениями, то перевод таких текстов должен отражать их художественные характеристики. Перевод описывается как акт коммуникации, который репрезентирует в данном языке экспрессивную динамику (риторику, стилистику, эстетику) различных текстов Библии. Уэндленд говорит о необходимости выйти за пределы отдельных высказываний и предлагает «подбирать эквивалентные художественные приемы и, более того, целые жанры, которые бы функционально соответствовали приемам и жанрам оригинального текста»¹¹⁰. Особое внимание в данном подходе уделяется литературному и риторическому анализу оригинального текста, выявлению его дискурсивных черт, первоначальной устной природы многих библейских текстов, передаче художественных черт оригинала, творческому использованию всех средств языка перевода.

Подход Уэндленда инкорпорировал в себя многое из того, что было сделано в переводоведении в предыдущие годы (в частности, были использованы идеи теории релевантности и теории скопоса). Впрочем, как мы уже сказали, несмотря на важные идеи, высказанные этим автором, его подход в целом продолжает традицию Найды и является развитием идей последнего.

1.2.10.2. Концепт фреймов Тимоти Уилта

В 2003 г. вышла важная книга под редакцией Тимоти Уилта «Библейский перевод: основные фреймы»¹¹¹. Автор пытался учесть все те изменения, которые произошли в переводоведении в 1980-е – 1990-е гг. Ключевым в его книге является понятие фреймов, заимствованное из когнитивной лингвистики. Фреймы – это те рамки, которые позволяют человеку структурировать знание об окружающем мире. Уилт отмечает: «говоря о фреймах в библейском переводе, мы рассуждаем не просто о фактах, явлениях и идеях, но о целостных системах, в которые эти факты, явления и идеи организуются и в рамках, в которых они воспринимаются. Фреймы могут быть когнитивными, социокультурными,

¹¹⁰Десницкий А.С. Современный библейский перевод... С. 110.

¹¹¹Wilt, T. Bible Translation: Frames of Reference / Ed. by T. Wilt. - Manchester: St. Jerome, 2003. – 306 p.

организационными и коммуникативно-ситуативными, все эти разновидности разбираются в книге»¹¹². Авторы книги помогают понять, что процесс перевода является комплексным и зависит от конкретной ситуации, в которой он осуществляется. Осознание этого помогает оптимизировать процесс перевода. Теория фреймов во многом напоминает теорию полисистем, в которой перевод также рассматривался как часть разнообразных систем.

В 2008 г. Т. Уилт в соавторстве с Э. Уэндлендом издал книгу «Фреймы применительно к Писанию: учебник для библейских переводчиков»¹¹³, которая создавалась в качестве практического дополнения к предыдущей работе, имевшей сугубо теоретический характер. В книге присутствует большое количество практического материала, упражнений и рекомендаций для переводчиков, которые охватывают все аспекты работы над переводом Библии.

1.2.10.3. Сознательная дословность

Следует отметить еще одно направление в библейском переводе, которое А.С. Десницкий назвал «сознательной дословностью»¹¹⁴. Представители данного направления стремятся к теоретическому обоснованию консервативных переводов, которые противопоставляются переводам, выполненным на основе теории Найды. Уэйн Грудем, один из теоретиков «сознательной дословности», говорит о том, что переводчику следует, учитывая контекст, переводить значение каждого слова оригинала при помощи ближайшего эквивалента в языке перевода; при этом следует использовать обычный для языка перевода стиль и порядок слов, если это не приводит к искажению смысла оригинала»¹¹⁵.

Будучи реакцией на теорию Найды, «сознательную дословность» вряд ли можно назвать шагом вперед в развитии теории библейского перевода. В любой

¹¹² Десницкий А.С. Современный библейский перевод... С. 101.

¹¹³ Wilt, T. Scripture Frames and Framing: A Workbook for Bible Translators / T. Wilt, E. Wendland. - Stellenbosch: Sun Press, 2008. - 366 p.

¹¹⁴ См. Десницкий А.С. Современный библейский перевод... С. 131-144.

¹¹⁵ Grudem, W. Are Only Some Words of Scripture Breathed Out by God? Why Plenary Inspiration Favors "Essentially Literal" Bible Translation / W. Grudem // Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation / Ed. by J.I. Packer. - Wheaton: Crossway Books, 2005. - P. 19-56.

консервативной аудитории существует стремление переводить традиционные религиозные тексты как можно более дословно, чтобы интерпретации переводчика не могли подменить собой текст оригинала. Потому спрос на такие переводы будет всегда. Однако, как отмечает А.С. Десницкий, у сторонников данного подхода отсутствуют серьезные теоретические и методологические наработки, а потому «сознательная дословность – не столько готовая теория, сколько задача на будущее»¹¹⁶.

1.2.11. Общие выводы

Во второй половине двадцатого столетия в теории перевода произошло больше изменений, чем во все предыдущие столетия. В 1950-е гг. впервые перевод получил надежное теоретическое основание - лингвистическую теорию Хомского и кодовую модель коммуникации. Начиная с этого времени можно говорить о переводе как о науке. В 1950-е – 1980-е гг. в теории перевода доминировали лингвистические подходы, в которых центральное место занимал концепт эквивалентности. В библейском переводе центральной фигурой этого времени был Юджин Найда и его теория динамического/функционального эквивалента, влияние которой вышло далеко за пределы перевода Библии.

В нач. 1970-х гг. переводоведение становится самостоятельной научной дисциплиной, формулируются ее основы, определяется структура и терминология. В к. 1970-х – нач. 1980-х гг. происходит изменение исследовательской парадигмы, которая получает название «культурного поворота». Данная смена парадигмы связана, во-первых, с изменениями в лингвистике, частью которой долгое время считалась теория перевода. Во-вторых, изменения стали возможны благодаря развитию междисциплинарных связей, которые помогли по-новому посмотреть на природу перевода. В теорию перевода инкорпорируются идеи, заимствованные из таких дисциплин как социология, антропология, культурология и др. Вплоть до 1980-х гг. в центре

¹¹⁶Десницкий А.С. Современный библейский перевод... С. 144.

внимания теоретиков перевода стоял текст как изолированное и самодостаточное целое, как система знаков, существующая независимо от окружающей действительности. После «культурного поворота» 1980-х исследователи начинают рассматривать переводной текст как часть окружающего мира, основное внимание сосредотачивается на социальных, культурных, коммуникативных аспектах перевода, идеологии перевода, на отношениях переводческой деятельности и социокультурных факторов. Как следствие указанных изменений, особое внимание стало уделяться целевой аудитории перевода, ее целям и ожиданиям. Кроме того, исследователи отошли от простого лингвистического сопоставления оригинального и переводного текстов, и стали исследовать функцию перевода в его собственной культуре.

В это время появляются дескриптивный и функционалистский подходы к переводу, которые получают дальнейшее развитие в 1990-е гг. Дескриптивный подход был ориентирован на описание того, что происходит в процессе перевода, а также ввел понятие переводческой нормы, которая формируется культурной традицией того или иного общества. Функционалистский подход (теория скопоса), который возник в академической среде, готовившей будущих переводчиков, ориентировался на практику перевода. Основываясь на многолетнем практическом опыте, функционалисты стремились определить условия и средства достижения оптимального перевода. В центре функционалистского подхода стояло понятие коммуникативной функции переводного текста. В новых переводческих моделях перевод воспринимался не как воспроизведение оригинального текста средствами языка перевода (*text-reproduction*), а как процесс создания нового текста для новой коммуникативной ситуации на основе оригинального текста (*text-production*). В соответствии с таким пониманием, переводчик переводит не слова или грамматические структуры, но тексты как коммуникативные явления, которые всегда возникают в определенной культурной ситуации, внутри которой они

выполняют специфическую функцию¹¹⁷. В целом, несмотря на ряд различий, дескриптивный и функциональный подходы имеют целый ряд общих установок. Можно сказать, что эти теории, основываясь на общих принципах, описывают феномен перевода, исходя из разных перспектив: дескриптивный подход описывает перевод как феномен культуры, функционалистский же подход ориентирован на практику и говорит о том, что следует делать переводчику для создания адекватного перевода.

В 1990-е и 2000-е гг. мы не видим появления каких-то принципиально новых теорий. Исследователи в основном были заняты эмпирическими исследованиями в рамках уже сформулированных теоретических подходов. Большое значение на современном этапе имеет также выработка общего метаязыка дисциплины, поскольку на данный момент существуют определенные различия в терминологии. В настоящее время теория перевода носит междисциплинарный характер и имеет много общего с такими областями знания как лингвистика, литературоведение, культурология, постколониальные исследования, антропология, психология и др.

Частью переводоведения является теория перевода Библии. Если говорить в целом, то в этой области не произошло того «изменения парадигмы», которое мы наблюдали в теории общего перевода. Были определенные попытки инкорпорировать достижения современной теории перевода в библейский перевод, однако все это не имело такого глубинного характера, который бы позволял говорить о «смене парадигмы». В целом, в практике библейского перевода по-прежнему доминирует подход Найды. Кроме того, следует отметить, что многие организации, занимающиеся переводом Библии, делают это без всякой теории, руководствуясь достаточно общими представлениями о переводе и его принципах. В последнем случае рассуждения о переводе не выходят за рамки самых общих концептов *буквальный/вольный перевод*. Иногда переводчики говорят о необходимости

¹¹⁷Schaffner, Ch. From “Good” to “Functionally Appropriate”: Assessing Translation Quality in Translation and Quality / Ch. Schaffner // Translation and Quality / Ed. by Ch. Schaffner. - Clevedon: Multilingual Matters, 1998. P. 1.

использования всех средств современного литературного языка и т.п., но сама работа ведется скорее интуитивно, нежели на основании детально разработанных и обоснованных подходов.

Такая ситуация в библейском переводе вынуждает нас искать некий подход, который был бы универсальным и смог бы стать основой для современной теории и практики библейского перевода. Таким подходом, на наш взгляд, является функционалистский подход, сформулированный Г. Фермеером и К. Райсс, а впоследствии развитый К. Норд. Обоснованию данного тезиса посвящен следующий раздел диссертации.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНАЛИСТСКОГО ПОДХОДА (ТЕОРИИ СКОПОСА) К ПЕРЕВОДУ

В данной главе мы подробно обсудим основные идеи функционалистского подхода и перспективы его применения в области библейского перевода.

2.1. Введение в функционалистский подход к переводу

Как уже было сказано в предыдущей главе, вплоть до второй половины 1970-х гг. в области переводоведения доминировали лингвистические модели. На рубеже 1970-х – 1980-х гг. появляется функционалистский подход к переводу, основные положения которого были сформулированы Гансом Фермеером и Катариной Райс. Возникновение функционализма отражало общее смещение интереса ученых от лингвистических теорий к тем, которые ориентировались на функциональные и социокультурные аспекты перевода. Внутри функционалистской теории можно выделить ряд подходов, имеющих общие базовые принципы, но отличающихся в некоторых деталях: теория скопоса Ганса Фермеера, теория переводческого акта Юсты Хольц-Мантари, функционалистский подход «скопос + лояльность» Кристианы Норд. Среди исследователей, работающих в данном направлении, можно также назвать Маргрет Амман, Ганса Хёнига, Питера Куссмауль, Зигрид Купш-Лозерайт и др.

В основе всех функционалистских подходов лежит представление о том, что переводческий процесс и его конечный продукт определяются особенностями той коммуникативной ситуации, в которой возникает и функционирует переводной текст. Эта идея кардинальным образом отличается от доминировавшего в лингвистических подходах представления, что особенности переводного текста определяются особенностями оригинального текста и его коммуникативной ситуацией. Как отмечает Жаки Ноде,

«функционалистские подходы стремятся освободить переводчика от рабской приверженности оригинальному тексту; перевод рассматривается как новый коммуникативный акт, который направлен на заказчика перевода и его читателя»¹¹⁸. Таким образом, в функционализме приоритет отдается не оригинальному тексту, а той функции, которую будет выполнять переводной текст в новом акте коммуникации. Для описания такой ситуации Фермеер использовал метафору «свержения с трона» (нем. *Entthronung*, англ. *dethronement*): оригинальный текст отныне не является первым и единственным критерием переводческих решений, но лишь одним из источников информации, которую использует переводчик¹¹⁹. Как отмечает Норд, подобное «низвержение» означает лишь то, что «оригинальный текст, а точнее, его лингвистические и стилистические характеристики, более не рассматриваются в качестве единственного мерила перевода»¹²⁰.

Мари Снелл-Хорнби следующим образом суммирует основные черты всех функционалистских теорий¹²¹:

- ориентация на функцию переводного текста;
- перевод рассматривается не как процесс лингвистического перекодирования, а как акт межкультурной коммуникации;
- перевод является частью мира, а не только языковым объектом.

С момента появления первых работ эти базовые идеи практически не претерпели изменений. Впрочем, сама функционалистская теория развивалась: уточнялись ранние формулировки, раскрывались имплицитные утверждения, которые не были четко артикулированы на ранних этапах существования теории, появлялись новые концепты, также потребовалось время для выработки общей терминологии. Так, в конце 1980-х К. Норд ввела этический концепт «лояльности», предполагающий ответственность переводчика перед всеми

¹¹⁸ Naudé, J. Contemporary Translation Studies and Bible Translation: A South African Perspective / J. Naudé, Ch. van der Merwe. - Bloemfontein: University of the Free State, 2002. P. 50.

¹¹⁹ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 25.

¹²⁰ Ibid. P. 120.

¹²¹ Snell-Hornby, M. Translation Studies: An Integrated Approach. P. 43-44.

участниками переводческой коммуникации и который первоначально отсутствовал в теории скопоса Г. Фермеера.

Задачи данной работы не позволяют нам подробно исследовать историю развития функционалистского подхода и происходившие внутри его изменения. В настоящей главе мы представим основные положения теории скопоса и покажем, насколько функционалистский подход может быть полезным для переводчиков Библии. Функционализм объединяет ряд подходов, однако здесь мы будем говорить лишь о теории скопоса, которая была сформулирована Фермером и получила дальнейшее развитие и систематизацию в работах Норд, теоретическая модель которой объединила все сильные стороны многих других моделей, сформулированных в рамках функционалистского подхода¹²².

2.2. Природа перевода в функционализме

2.2.1. Определение перевода

В своей книге «Перевод как целенаправленное действие» Норд говорит о переводе как об **«интенциональном, межличностном, (отчасти) вербальном межкультурном взаимодействии, основанном на оригинальном тексте»**¹²³. В этом определении мы обнаруживаем ряд характеристик, важным для понимания природы перевода в функционализме.

Во-первых, перевод рассматривается как один из видов человеческой деятельности. В основе функционалистского подхода лежит социологическая теория действия, которая утверждает, что всякое человеческое действие имеет интенциональную природу и направлено на достижение определенной цели¹²⁴. Именно цели определяют способ реализации того или иного действия. Перевод рассматривается как особый вид человеческой деятельности, который направлен на достижение коммуникативных целей. Поскольку коммуникация,

¹²² Munday, J. *Introducing Translation Studies*. P. 83-84.

¹²³ Nord, Ch. *Translating as a Purposeful Activity...* P. 18.

¹²⁴ Ibid. P. 11.

происходит, как минимум, между двумя людьми, то перевод является **межличностным коммуникативным взаимодействием**.

Говоря об **интенциональной** природе переводческой деятельности, функционалисты имеют в виду, что у коммуникатора имеется намерение определенным образом изменить окружающий мир. В случае переводческой коммуникации таким намерением может быть стремление помочь участникам коммуникации в преодолении культурных и языковых барьеров¹²⁵. Кроме того, у всякого человека, осуществляющего какое-либо действие, всегда есть возможность выбора стратегий и средств, которые помогут ему (в зависимости от условий) наиболее эффективно реализовать свои интенции. Поэтому перевод – это также постоянный процесс выбора, который вынужден осуществлять переводчик¹²⁶.

Всякая коммуникация, в том числе и переводческая, осуществляется при помощи вербальных и невербальных знаков. В своем определении Норд подчеркивает, что перевод является **вербальным взаимодействием**. При этом она уточняет, что это взаимодействие является «отчасти» (partly) вербальным, поскольку коммуникация осуществляется не только при помощи слов. Так, в случае устной коммуникации большую роль играют жесты, мимика, интонация, а в письменном переводе могут иметь значение, например, иллюстрации, таблицы, способы членения текста на главы и параграфы и т.п.

Поскольку мы говорим, прежде всего, о письменном переводе, то в основе его всегда лежит **оригинальный текст**. Важно отметить, что с точки зрения функционалистского подхода, ключевую роль в переводческой коммуникации играют не тексты, а участники коммуникации. Текст является лишь свидетельством об интенции отправителя, которое предстоит

¹²⁵ Ibid. P. 19.

¹²⁶ На эту характеристику переводачева 1967 г. указывал Иржи Левый в своей статье «Перевод как процесс принятия решений» (недавнее переиздание в Levy, J. Translation as a Decision Process / J. Levy // The Translation Studies Reader // Ed. by L. Venuti. – London/New York: Routledge, 2000. – P. 148–159). В этом он предвосхитил идеи, получившие в 1990-е г. развитие в функционализме. Левый говорил о переводе как о коммуникативном процессе, имеющем телеологическую природу. Перевод рассматривался им как процесс принятия решения, основанный на серии последовательных ситуаций, как в игре.

интерпретировать получателю, а значение понимается как результат взаимодействия участников коммуникации¹²⁷.

Основываясь на таком понимании значения, функционализм говорит о тексте как о «предложении информации» (*an offer of information*)¹²⁸, из которого получатель выбирает те аспекты, которые наиболее значимы (релевантны) для него (в этом еще одно сходство теории релевантности и теории скопоса). В таком случае оригинальный текст является первоначальным «предложением информации», а перевод – вторичным «предложением информации» о первоначальном «предложении информации»¹²⁹. Таким образом, переводной текст (целевой текст, транслат) – это «предложение информации, сформулированное переводчиком в целевой культуре и на целевом языке о предложении информации, сформулированном кем-то другим в первоначальной культуре и на оригинальном языке»¹³⁰. В процессе перевода релевантные аспекты оригинального текста передаются при помощи тех языковых средств, которые помогут переводчику достичь определенной коммуникативной цели. Отметим также, что текст в функционализме является широким понятием, которое включает в себя как вербальные, так и невербальные элементы, ситуационные ключи и имплицитную информацию¹³¹. Как видно, роль оригинального текста в функционализме очень сильно отличается от той роли, которую он играл в лингвистических теориях перевода.

В своем определении природы перевода Норд также подчеркивает его **межкультурное измерение**. Всякое коммуникативное взаимодействие между людьми, в том числе и переводческое, происходит внутри определенной ситуации, которая имеет временное и пространственное измерение. Основное отличие перевода от иных форм коммуникации заключается в том, что участники коммуникации принадлежат к разным культурным и языковым

¹²⁷ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 23.

¹²⁸ Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Übersetzungstheorie. P. 72.

¹²⁹ Норд определяет текст как «предложение информации из которого получатель выбирает те элементы, которые интересны и важны для него» (Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 141).

¹³⁰ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 32, 141.

¹³¹ Ibid. P. 23.

группам. Именно культура определяет особенности вербального и невербального поведения людей, их знания и ожидания.

Поскольку язык является частью культуры, то перевод рассматривается как культурный, а не лингвистический перенос (*transfer*). Основываясь на работах антрополога Варда Гуденафа (1919-2013), Фермеер определяет культуру как «совокупность норм, конвенций и мнений, которые определяют поведение членов общества, а также все результаты этого поведения (такие как архитектура, университетские институты и т.д.)»¹³². Подобное определение культуры стало базовым для функционалистского подхода. Культурные нормы и конвенции определяют особенности поведения участников переводческой коммуникации, восприятие природы перевода, а также принципы осуществления перевода.

Любой текст является частью культуры. Незнание культурных особенностей может привести к неэффективной коммуникации. Так, непонимание жанровых конвенций может привести к неправильному пониманию использованных языковых средств и, как следствие, к неправильному переводу. Различия в культурах, восприятии мира и особенностях поведения делают невозможным полноценное общение автора оригинального текста и новой аудитории. Это означает, что участники коммуникации нуждаются в посреднике, который должен иметь не только лингвистическую, но и межкультурную компетенцию¹³³. Таким посредником является переводчик, который осуществляет связь между представителями разных культур. В практическом плане это означает, что переводчик не только должен знать структурные различия между двумя языками, но и различия между культурами. Только учитывая культурные факторы, переводчик может создать перевод, приемлемый с точки зрения целевой культуры¹³⁴.

¹³²Цит. по *Snell-Hornby, M. The Turns of Translation Studies...* P. 55.

¹³³*Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity...* P. 16-17.

¹³⁴*Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot. Toward a Participatory Approach to Bible Translation (PABT): a dissertation...* doctor of theology / A. Chemorion. – Stellenbosch, 2008. P. 41.

Таково восприятие базовых характеристик перевода в функционалистском подходе. Теперь необходимо сказать о специфических принципах данной теории, которые являются следствием указанных нами представлений о природе перевода.

2.2.2. Концепт скопоса

Лингвистические теории перевода, основанные на понятии эквивалентности, утверждали, что определяющим фактором процесса перевода является оригинальный текст, его лингвистические характеристики и воздействие на первоначальную аудиторию. Теория скопоса утверждает, что весь переводческий процесс определяется, прежде всего, той функцией, которую выполняет переводной текст в новой коммуникативной ситуации. В неопубликованном докладе 1999 г. К. Норд определяет перевод как «создание функционального текста в языковой культуре *П* (переводной текст), который необходим для особых коммуникативных целей посредством извлечения информации, данной в предшествующем тексте, созданном в языковой культуре *О* (оригинальный текст)»¹³⁵. Из этого определения мы видим, что перевод воспринимается как особый вид человеческой деятельности, направленный на достижение коммуникативных целей. В качестве технического термина для обозначения цели перевода используется слово *скопос*¹³⁶. Фермеер и Райс сформулировали так называемое «правило скопоса», которое стало ключевым для всего функционалистского подхода: **«всякое взаимодействие между людьми (в том числе и перевод) определяется его целью (*skopos*)»**¹³⁷. При этом перевод может иметь несколько целей, которые могут быть расположены в иерархическом порядке.

¹³⁵ Цит. по Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 41.

¹³⁶ В данной работе слово *скопос* мы будем относить к той функции, которую перевод выполняет в своей коммуникативной ситуации, и которая устанавливается переводчиком на основании анализа и интерпретации переводческого задания. Следует отметить, что в трудах представителей функционалистского направления наблюдается определенная терминологическая неустойчивость и в качестве синонимов к слову «скопос» могут употребляться термины «цель» (англ. aim, purpose), «интенция» (англ. intention), «функция» (англ. function).

¹³⁷ Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Übersetzungstheorie. P. 101.

Итак, скопос или функция текста, с точки зрения функционализма, является ключевым фактором перевода, который определяет как осуществление переводческого процесса в целом, так и особенности переводного текста¹³⁸. Сам же скопос того или иного текста определяется особенностями той коммуникативной ситуации, в которой он существует. Всякий текст создаётся внутри определенной ситуации, которая определяется совокупностью прагматических факторов: время, место, участники, мотивы, средства коммуникации. Во многом, именно эти факторы определяют *что* и *как* мы сообщаем. Сказанное верно и в отношении письменного текста: в зависимости от прагматических особенностей ситуации, одна и та же информация может быть по-разному структурирована и передана при помощи разных лингвистических средств. При передаче своего сообщения, автор использует такие языковые средства и таким образом, которые позволят его тексту достичь определенных коммуникативных целей.

Поскольку всякий перевод направлен к определенной аудитории, то одним из важнейших компонентов коммуникативной ситуации является адресат перевода, его мировоззрение, ожидания и коммуникативные нужды¹³⁹. Кроме того, необходимо учитывать еще один фактор, не менее важный, чем те, что были названы выше. Это – герменевтические предпосылки, т.е. совокупность тех идей и представлений, из которых исходит автор при создании текста. Для того, чтобы коммуникация была успешной, автор и его аудитория должны использовать одинаковый лингвистический код и исходить из общих конвенций при его интерпретации. Такое единое интерпретационное пространство позволяет автору выбирать оптимальные средства для выражения своих намерений, а аудитории – интерпретировать выбранные средства в соответствии с намерениями автора. Если бы предпосылки, из которых исходит автор, не совпадали с герменевтическими предпосылками, на которых

¹³⁸ Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication: Some Methodological Considerations / Ch. Nord // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. – 2001. – Vol. 14. P. 152.

¹³⁹ Ср. определение Фермеера, который говорил, что переводить означает «создавать текст в новом контексте с новой целью для новой аудитории в новых обстоятельствах» (Vermeer, H. What does it mean to translate? / H. Vermeer // Indian Journal of Applied Linguistics. – 1987. – Vol. 13:2. P. 29)

основывает свое прочтение текста аудитория, то намерения автора оставались бы неузнанными. Далее мы покажем, насколько важно учитывать герменевтические предпосылки аудитории при определении скопоса перевода и формулировании переводческого задания, а также то, как данные предпосылки влияют на принятие переводческих решений.

В процессе переводческой коммуникации создается новый текст – перевод оригинала. Переводчик обязан учитывать ожидания и возможности своей аудитории и особенности той ситуации, в которой будет использоваться перевод. Как отмечает К. Норд, «прежде принятия решения о том, что сказать (т.е., как перегруппировать информацию, данную в оригинале) и как сказать (т.е. какие лингвистические и нелингвистические средства использовать для того, чтобы текст соответствовал цели клиента), переводчик должен проанализировать прагматику предполагаемой целевой ситуации»¹⁴⁰. Лишь в таком случае текст сможет полноценно выполнять свою функцию. Если текст достигает поставленной цели и функционирует так, как этого хотел автор, то такой текст может быть назван функциональным.

При переводе переводчик имеет дело с оригинальным текстом, который появился в определенных культурных, исторических и социальных условиях и который создавался для аудитории, принадлежавшей другой культуре. То, *что* сказано в тексте и *как* сказано, было определено коммуникативными целями автора и тем, как он оценивал ту ситуацию, в которой будет функционировать его текст. Однако перевод будет использоваться в другой коммуникативной ситуации, которая определяется уже условиями целевой культуры. Она отличается от исходной культуры по многим параметрам, прежде всего – в отношении времени, пространства и целевой аудитории. Поскольку он возникает в другой коммуникативной ситуации, отличной от ситуации оригинала, то его функция будет определяться прагматическими факторами и герменевтическими предпосылками, характерными именно для данной

¹⁴⁰Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 152.

коммуникативной ситуации. При этом функция текста перевода и текста оригинального могут совпадать, а могут и не совпадать¹⁴¹.

Соответственно, переводчик будет выбирать те средства и стратегии, которые позволят его тексту полноценно функционировать в коммуникативной ситуации. В этом он ничем не отличается от любого другого текста. Единственное отличие перевода от других текстов состоит в том, что он тесным образом связан с другим текстом, который называется оригиналом. Поскольку оригинальный текст определяется как первичное «предложение информации», то в новой коммуникативной ситуации переводчик всегда будет вынужден выбирать, какой из аспектов первоначальной информации ему необходимо передать. При этом его выбор будет зависеть от того, что наиболее значимо для его аудитории в данной коммуникативной ситуации. С точки зрения функционализма, не существует одного единственного, идеального метода перевода данного текста. При выполнении перевода всегда будет существовать несколько, одинаково возможных, путей передачи сообщения. Главный критерий выбора – та функция (-ии), для выполнения которой создается текст¹⁴². В одних случаях, например, более подходящим будет буквальный перевод, в других - лучше осуществлять «смысловой» перевод. В каждом конкретном случае переводчик сам определяет, какая стратегия позволяет наилучшим образом достичь поставленной цели.

Сказанное означает, что функциональность текста определяется внетекстуальными, прагматическими факторами. Норд говорит об этом так: «Функциональность не является внутренним свойством текста. Это свойство, которое придает тексту получатель в момент получения. Именно получатель определяет «как» текст будет функционировать для него в данной специфической ситуации... Создатель текста использует определенные вербальные и/или невербальные «функциональные маркеры», тем самым указывая на подразумеваемую коммуникативную функцию(-ии)... Если

¹⁴¹ Для древних текстов, таких, как Библия, последнее будет справедливо практически всегда.

¹⁴² Nord, Ch. Manipulation and Loyalty in Functional Translation / Ch. Nord // Current Writing. – 2002. - Vol. 14:2. P. 32-44; Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 152.

получатель признает и узнает эти функциональные маркеры, он может принять текст как служащий именно этой цели»¹⁴³. Таким образом, переводческая деятельность включает в себя нечто большее, чем просто «замену текстуального материала одного языка эквивалентным материалом другого языка»¹⁴⁴. Переводчик должен рассматривать переводческие проблемы в свете культурных и герменевтических особенностей своей аудитории.

Функционалистский подход к переводу требует от переводчика тщательного анализа прагматических факторов и герменевтических предпосылок как первоначальной коммуникативной ситуации, так и вторичной. Первоначальной коммуникативной ситуацией мы называем ту, в которой возник и функционировал оригинальный текст; вторичная коммуникативная ситуация – это та, в которой возникает и функционирует переводной текст. Такой анализ позволяет делать выбор не интуитивно и не на основании случайных критериев, а сознательно и на основании систематического и цельного подхода к переводу. Это позволяет переводчику создавать текст, максимально функциональный в данной конкретной ситуации. Подобный систематический подход делает перевод научным занятием. При этом перевод остается искусством, где всегда есть место для творчества и интуитивных прозрений.

2.2.3. Коммуникативные функции текста как единица перевода

Переводной текст, как и любой другой текст, имеет определенные коммуникативные функции, которые Норд предлагает рассматривать в качестве основных единиц перевода. Вначале мы рассмотрим то, как определяется единица перевода, а затем подробнее поговорим о функциях текста.

Концепт «переводческой единицы» был введен в научный оборот в 1958 г. канадскими учеными Вине и Дарбельне, которые определяли единицу перевода как «наименьший сегмент высказывания, в котором знаки настолько

¹⁴³Nord, Ch. Manipulation and Loyalty in Functional Translation. P. 2-3.

¹⁴⁴Catford, J. A Linguistic Theory of Translation / J. Catford. - Oxford: Oxford University Press, 1965. P. 20.

соединены, что они не могут быть переведены отдельно друг от друга»¹⁴⁵. Норд определяет единицу перевода как «единство вербальных и/или невербальных знаков, которое не может быть разделено на меньшие элементы в процессе перевода»¹⁴⁶. Но что принимать в качестве такой переводческой единицы? В лингвистических подходах в качестве единицы перевода указывались морфемы, отдельные слова, словосочетания, предложения и даже целые тексты. В некоторых прагматических подходах к переводу даже делалось утверждение, что единицей перевода является «культура». Герменевтические подходы утверждают, что единицей перевода является тот эффект, который оказывает на читателя текст. Психолингвистические подходы к переводу говорят о том, что единица перевода определяется интуитивно каждым конкретным переводчиком.

Норд отмечает, что все упомянутые выше подходы рассматривают переводческую единицу (независимо от ее размера) как «горизонтальный» сегмент в последовательности лингвистических элементов¹⁴⁷. В качестве альтернативы такому пониманию, она вводит понятие «вертикальной» единицы перевода (хотя в функционалистском подходе могут использоваться и «горизонтальные» единицы). В таком случае «текст рассматривается как сверхединица (*hyper-unit*), содержащая функциональные единицы, неподчиненные друг другу; каждая из таких единиц проявляется в различных лингвистических и нелингвистических элементах, которые могут появляться на любом уровне в любом месте текста...»¹⁴⁸. Таким образом, в теории скопоса в качестве вертикальной единицы перевода рассматривается функция, которая связывает различные элементы на разных уровнях текста (от морфемного до дискурсного).

Концепт вертикальной единицы перевода основывается на базовых предположениях функционалистского подхода, в котором коммуникация

¹⁴⁵ Цит. по Nord, *Ch. Translating as a Purposeful Activity...* P. 68.

¹⁴⁶ Ibid. P. 141.

¹⁴⁷ Ibid. P. 69.

¹⁴⁸ Ibid.

определяется как действие¹⁴⁹. Для того, чтобы читатель правильно интерпретировал текст, автор снабжает текст функциональными маркерами, располагая их на различных уровнях. Так, текстуальные маркеры относятся к общей конструкции текста, структурные маркеры относятся к расположению и форме абзацев, синтаксические маркеры относятся к структуре предложений и грамматическим конструкциям, лексические маркеры относятся к словам и фразам, морфологические маркеры – к форме слов, фонологические маркеры – к звуковым моделям, интонации и т.д. Таким образом, функциональная единица – это сумма элементов текста, которые служат одной коммуникативной функции. Если мы соединим все эти элементы, то они будут образовывать последовательную цепочку, которая будет представлять собой вертикальную единицу.

Коммуникативные функции, являющиеся единицами перевода - универсальны, а средства, которые используются для их реализации, могут быть обусловлены требованиями культуры. В конкретном переводческом процессе профессиональный переводчик должен проанализировать коммуникативные единицы оригинального текста и определить, могут ли они быть реализованы в переводном тексте. Иногда определенные функциональные элементы могут быть присущи лишь культуре оригинала и отсутствовать в культуре перевода. В некоторых случаях они могут присутствовать и в культуре перевода, но использоваться в ней в других целях - в таком случае их необходимо адаптировать для того, чтобы соответствовать требованиям принимающей культуры. В других случаях, особенности коммуникативной ситуации будут требовать того, чтобы функциональные единицы оригинала были сохранены неизменными в переводе. В последнем случае переводчик должен учитывать возможность серьезных коммуникативных проблем, которые могут возникнуть из-за того, что аналогичные по форме маркеры указывают на разные функции¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Ibid. P. 69-70.

¹⁵⁰ Ibid. P. 70.

По мнению Норд, анализ функциональных единиц имеет ряд преимуществ перед анализом структурных единиц¹⁵¹. Во-первых, такой подход позволяет нам рассматривать текст как единую сложную конструкцию, в которой все ее части взаимосвязаны и направлены на достижение определенных коммуникативных целей. В таком случае и переводиться текст должен как единое целое, в котором все функциональные единицы расположены так, чтобы служить достижению определенных коммуникативных целей. Кроме того, переводчик имеет возможность работать с меньшим количеством единиц, что гораздо удобнее в практике перевода. Во-вторых, если переводчик встречается в тексте с полифункциональным элементом, то такой подход позволяет соотнести его функции с общей функцией текста и находить разные переводческие техники для различных функций, принадлежащих одному элементу. В-третьих, «горизонтальный» подход к определению единицы перевода позволяет решить проблему так называемой «непереводимости». С точки зрения функционалистского подхода совершенно неважно, каким количеством элементов выражена та или иная коммуникативная функция. В том случае, если некая риторическая структура оказывается непереводимой, она может быть передана другим средством, которое имеет ту же самую функцию и служит той же самой цели. Даже опущение непереводимого элемента становится оправданным в том случае, если гарантируется достижение той же самой функции иными средствами.

2.2.4. Коммуникативные функции текста в переводе

Перед началом перевода переводчику следует провести анализ коммуникативных функций оригинального текста, которые являются, с точки зрения теории скопоса, основными единицами перевода. Функция переводного текста будет определять то, какие коммуникативные функции оригинала будут сохранены в переводе, а какие адаптированы¹⁵². Норд предлагает

¹⁵¹ Ibid. P. 72-73.

¹⁵² Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 42.

четырёхчастную модель текстуальных функций, основанную на упрощённой комбинации моделей Карла Бюлера и Романа Jakobson¹⁵³: референциальная функция, экспрессивная функция, аппеллятивная функция, фатическая функция¹⁵⁴.

2.2.4.1. Референциальная функция

Референциальная функция представляет собой использование вербальных и невербальных знаков для указания на объекты и феномены мира¹⁵⁵. Внутри референциальной функции можно выделить информативную, металингвистическую, директивную и дидактическую подфункции¹⁵⁶. Если читатели оригинального и переводного текстов обладают неодинаковым знанием об объектах референции (как это часто бывает с культурно-обусловленными реалиями), то могут возникнуть проблемы с узнаванием и пониманием референциальной функции¹⁵⁷.

В межкультурной коммуникации переводчик может¹⁵⁸: 1) сделать референциальную интенцию отправителя оригинального текста метареференциальной функцией в переводе (посредством предоставления дополнительной информации в мета-тексте: сносках, глоссарии, послесловии); 2) сделать референциальную интенцию отправителя понятной, предоставив дополнительную информацию в самом тексте; 3) сделать имплицитную информацию оригинального текста эксплицитной.

2.2.4.2. Экспрессивная функция

Текст имеет экспрессивную функцию в том случае, когда автор использует вербальные и невербальные коммуникативные знаки для проявления чувств человека или его отношения к объектам и явлениям

¹⁵³ Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication. P. 154.

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Ibid. P. 159.

¹⁵⁶ Ibid. P. 155.

¹⁵⁷ Ibid. P. 141.

¹⁵⁸ Ibid. P. 160.

окружающего (или вымышленного) мира¹⁵⁹. Экспрессивная функция указывает на отношение отправителя к объекту коммуникации и включает выражение чувств, оценок, иронии, дистанции или приближения. Непосредственная экспрессивность проявляется в оценочной или эмотивной лексике (существительных, прилагательных, глаголах, наречиях), а опосредованная экспрессивность основывается на общей для отправителя и получателя оценочной системе.

Экспрессивная функция основана на действующей внутри данной культуры системе ценностей, общей для автора и его читателей. Участники межкультурной коммуникации принадлежат к разным культурам, а потому ценностная система автора оригинального текста может отличаться от той, которая существует в культуре читателей перевода¹⁶⁰. Представители разных культур могут по-разному воспринимать одни и те же явления. Это означает, что даже эксплицитная оценка автором оригинала какого-либо явления может быть непонятной читателю перевода. Если же оценка выражена имплицитно, то ее обнаружение и интерпретация становится еще более проблематичными. В межкультурной коммуникации у переводчика есть три возможных пути передачи экспрессивной функции: 1) сделать ее референциальной, проинформировав читателей о том, что в оригинальном тексте данное высказывание имело экспрессивную функцию (это можно сделать посредством метатекста, например, при помощи ссылки, послесловия к тексту и т.п.); 2) эксплицитировать имплицитные оценки; 3) адаптировать маркеры экспрессивности к моделям целевой культуры¹⁶¹.

2.2.4.3. Апеллятивная функция

При апеллятивной функции вербальные и невербальные коммуникативные знаки используются для того, чтобы получить определенный

¹⁵⁹ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 138.

¹⁶⁰ Ibid. P. 42.

¹⁶¹ Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 156.

ответ или реакцию со стороны реципиента¹⁶². Апеллятивная функция основывается на общем для отправителя и получателя опыте, знании о мире, культурных предпосылках, ценностях¹⁶³. Непосредственными индикаторами апеллятивной функции являются императивы, риторические вопросы, превосходная степень прилагательных, прилагательные или существительные, которые выражают позитивные ценности и др¹⁶⁴. Можно выделить следующие подфункции апеллятивной функции: убеждение, иллюстрация, императивная, педагогическая, рекламная и т.п.¹⁶⁵.

В межкультурной коммуникации опыт и знания автора оригинала и читателя перевода сильно отличаются. Это означает, что апеллятивное высказывание оригинального текста может быть непонятным читателю перевода, либо будет понято им иначе. Особенно очевидным это становится при переводе метафор, меж-текстуальных аллюзий и т.п.¹⁶⁶. При переводе могут быть использованы следующие решения¹⁶⁷: 1) сделать апеллятивную функцию оригинального текста метаапеллятивной (посредством пояснений или комментариев в метатексте); 2) сделать прямую апеллятивную функцию оригинального текста непрямой апеллятивной функцией в целевом тексте (в таком случае внимание аудитории привлекается к аналогиям между той ситуацией, в которой существует читатель перевода и той, которая описана в тексте); 3) сохранить апеллятивную интенцию автор посредством адаптации высказывания к нормам целевой культуры.

2.2.4.4. Фатическая функция

Фатическая функция представляет собой использование вербальных и невербальных знаков для установления, поддержания или окончания контакта

¹⁶²Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 137.

¹⁶³Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 160.

¹⁶⁴Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 43.

¹⁶⁵Ibid. P. 137.

¹⁶⁶Ibid. P. 43.

¹⁶⁷Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 160.

между отправителем и получателем¹⁶⁸. Данные функцию выполняют слова приветствия и прощания, конвенциональные способы начала и окончания писем, формы вежливости и т.п. Очень часто фатические высказывания помогают определить тип взаимоотношений, которые существуют между отправителем информации и получателем¹⁶⁹. Норд выделяет следующие подфункции фатической функции: приветствие, формы вежливости, светская беседа, сплетни и др.¹⁷⁰.

Фатическая функция основана на конвенциональности лингвистических и нелингвистических средств, которые используются в определенной ситуации (приветствия, краткие диалоги и т.п.). Чем более конвенциональна лингвистическая форма, тем меньшее внимание мы на нее обращаем. Если для осуществления фатической функции используются неконвенциональные формы, то это может свидетельствовать о том, что у автора была особая причина сообщить данную информацию именно таким необычным способом. При этом получатель информации может истолковать данное высказывание как референциальное, экспрессивное и даже как апеллятивное. Поскольку фатическая функция работает на основании общих для данной культуры предпосылок, то неконвенциональное поведение в конкретной ситуации может быть компенсировано определенными индикаторами, которые будут указывать на фатическую интенцию одного из участников коммуникации.

В межкультурной коммуникации для передачи данной функции переводчик может выбрать один из следующих вариантов¹⁷¹: 1) изменить фатическую функцию на метафатическую (посредством информирования о фатических маркерах, присутствующих в оригинальном тексте); 2) заменить высказывание, имеющее фатическую функцию в оригинальном тексте, на высказывание, выполняющее фатическую функцию в переводном тексте.

¹⁶⁸*Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity...* P. 140; *Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication...* P. 158.

¹⁶⁹*Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity...* P. 44.

¹⁷⁰*Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication...* P. 158.

¹⁷¹*Ibid.* P. 160-161.

Тексты редко являются монофункциональными. Как правило, существует определенная иерархия функций, которые могут быть определены посредством анализа вербальных и невербальных функциональных маркеров¹⁷².

2.2.5. Типы переводов

Ни один перевод не может передать все аспекты оригинального текста. По этой причине переводчик всегда вынужден выбирать, что и как он будет передавать в переводном тексте. Ключевым фактором при принятии решений является коммуникативная функция (скопос) перевода, которая и определяет то, как и какие коммуникативные функции оригинального текста будут переданы в переводе.

Как правило, теоретики перевода говорят о двух базовых ориентациях, которые может выбрать переводчик при создании перевода. Первый путь – это «ретроспективная» стратегия, ориентированная на оригинал. В данном случае переводчик будет стремиться сохранить близость к оригинальному тексту, при этом функции текста будут неизбежно меняться при переводе (*source-textorientedstrategy*). Второй путь – это выбор «проспективной» стратегии, ориентированной на целевой текст (*target-textorientedstrategy*). В этом случае переводчик будет адаптировать переводной текст к условиям целевой культуры¹⁷³. Перевод, будучи текстом, созданным на ином языке и в контексте иной культуры, не может одновременно быть верным букве оригинала и сохранять авторские интенции. Сохраняя формальные черты оригинала, перевод неизбежно будет изменять функции текста. Так, некоторые высказывания, имевшие апеллятивную функцию для первоначальных читателей посланий апостола Павла, неизбежно поменяют свою функцию, став референциальными в новой коммуникативной ситуации. Желая сохранить интенции автора и первоначальные функции оригинального текста, переводчик будет вынужден изменять формальные характеристики оригинала.

¹⁷²Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 45; Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 163.

¹⁷³Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 161.

Исходя из этого, Норд выделяет два основных типа переводческой стратегии. Первая стратегия ориентирована на получение **документа**, который будет свидетельством о первоначальном коммуникативном событии, в котором первоначальный отправитель делает предложение информации первоначальной аудитории посредством оригинального текста¹⁷⁴. Вторая стратегия направлена на получение **инструмента** для нового коммуникативного взаимодействия между отправителем оригинального текста и аудиторией переводного текста. В таком случае оригинальный текст используется в качестве модели, на основании которой формируется новый текст для новой коммуникации¹⁷⁵. В соответствии с двумя стратегиями Норд выделяет два основных типа перевода: **документальный перевод** (*documentarytranslation*) и **инструментальный перевод** (*instrumentaltranslation*).

2.2.5.1. Документальный перевод

Документальный перевод свидетельствует о первоначальной коммуникации между автором оригинального текста и его первоначальной аудиторией. Получатели перевода при этом осознают, что являются лишь «наблюдателями» той коммуникативной ситуации, в которой они сами не участвуют. При таком типе перевода переводчик фокусирует свое внимание на каком-то одном аспекте оригинального текста, оставляя остальные в стороне. Так, документальный перевод может стремиться к сохранению особенностей языка оригинала, а потому в центре внимания переводчика будут находиться морфологические, лексические или синтаксические структуры оригинального текста. Главная функция такого перевода – метатекстуальная¹⁷⁶, поскольку он свидетельствует о другом тексте или некоторых отдельных аспектах этого текста. Норд выделяет четыре вида документального перевода, которые фокусируются на различных аспектах оригинального текста:

¹⁷⁴Nord, *Ch. Translating as a Purposeful Activity...* P. 47.

¹⁷⁵ Ibid.

¹⁷⁶ Ibid.

- *Подстрочный перевод* стремится к передаче морфологических, лексических или синтаксических характеристик языковой системы оригинала. Такого рода перевод используется в сравнительной лингвистике, где главная цель – показать структурные характеристики одного языка средствами другого¹⁷⁷.
- В случае *буквального (грамматического) перевода* переводчик стремится воспроизвести текст оригинала, адаптируя синтаксические структуры и идиоматику оригинала к нормам культуры перевода. Такого рода перевод часто используется для передачи прямой речи иностранных политиков в газетных статьях, при переводе буквальных цитат в научной литературе либо в межкультурных исследованиях¹⁷⁸.
- *Филологический перевод* воспроизводит оригинальный текст достаточно буквально, но при этом в сносках или глоссариях делает необходимые пояснения о культуре оригинала или некоторых особенностях оригинального языка. Такой подход часто используется при переводе древних текстов, в том числе и Библии, а также текстов, принадлежащих отдаленной культуре¹⁷⁹.
- *Отчуждающий перевод* является художественным текстом, который оставляет неизменным культурный контекст оригинала, что создает ощущение культурной дистанции с точки зрения аудитории перевода. При этом коммуникативная функция оригинального текста изменяется. То, что было апеллятивным в оригинале (например, напоминало читателям оригинала об их собственном мире) становится информативным для читателей перевода (т.е. показывает, какой была культура оригинала)¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Ibid. P. 47-48.

¹⁷⁸ Ibid. P. 48-49.

¹⁷⁹ Ibid. P. 49.

¹⁸⁰ Ibid. P. 49-50.

2.2.5.2. Инструментальный перевод

Инструментальный перевод является инструментом новой коммуникации между автором оригинального текста, принадлежащим одной культуре, и читателями перевода, которые принадлежат другой культуре. Такой перевод призван выполнять в культуре перевода те же функции или подобные тем, которые оригинальный текст выполнял в своей культуре¹⁸¹. Норд выделяет три вида инструментального перевода¹⁸²:

- *При эквивалентном переводе* текст выполняет те же функции, что и оригинал. Так переводят, как правило, технические тексты, компьютерные учебники и другие прагматические тексты (рецепты, руководство по использованию бытовой техникой).
- *Гетерофункциональный перевод* используется в том случае, когда нет возможности передать коммуникативные функции оригинала в тексте перевода по причине культурной или временной дистанции.
- При *гомологическом переводе* выбирается форма, которая играет в языке перевода роль, подобную той, которую играет в своей культуре форма оригинала. Так, греческий гекзаметр будет переводиться на английский белым стихом или другим размером, столь же распространенном, как и гекзаметр в древнегреческой поэзии.

Приведенная выше типология переводов является ключевой для теоретической модели Норд. Переводческий процесс должен начинаться с определения того, какой тип текста необходим в конкретной коммуникативной ситуации¹⁸³. Именно этот выбор будет определять все дальнейшие решения переводчика на всех уровнях переводческого процесса. Если переводчик не сможет адекватно оценить особенности коммуникативной ситуации перевода и

¹⁸¹ Munday, J. *Introducing Translation Studies*. P. 82.

¹⁸² Nord, Ch. *Translating as a Purposeful Activity...* P. 50-52, 139.

¹⁸³ Ibid. P. 68.

ошибочно определит необходимый тип перевода, то это может привести к созданию неадекватного (нефункционального) текста.

2.2.6. Концепт лояльности

Критики функционалистского подхода указывали на то, что теория скопоса ставит под угрозу статус оригинального текста. По мнению некоторых исследователей, это может привести к тому, что любые переводческие цели будут считаться приемлемыми, даже если они не сочетаются с целями оригинального текста¹⁸⁴. Есть ли некие этические границы, которые переводчик не может переступать? На эту проблему указывала и К. Норд, которая говорила, что один из главных принципов теории скопоса «цель перевода определяет стратегию перевода» в некоторых случаях может превращаться в принцип «цель оправдывает средства»¹⁸⁵. Если оригинальный текст более не является критерием перевода, то что может уберечь от переводческого произвола?

Для решения указанной проблемы, Норд вводит концепт «**ЛОЯЛЬНОСТИ**» (*loyalty*). Данный концепт был впервые предложен этой немецкой исследовательницей в 1989 г.¹⁸⁶ в качестве этического требования, корректирующего и дополняющего правило скопоса Фермеера и которое, как казалось, давало переводчику неограниченную свободу. Термин «лояльность» обозначает ответственность переводчика перед всеми участниками коммуникации (автором оригинала, заказчиком перевода, получателями переводного текста)¹⁸⁷. В традиционных лингвистических подходах использовались такие категории как «верность», «точность», «эквивалентность», которые указывали на взаимоотношения двух текстов: оригинального и переводного. Лояльность же является категорией

¹⁸⁴ Pym, A. Pour Une Ethique de Traducteur / A. Pym. – Artois: Artois Presse Universite, 1997. P. 91.

¹⁸⁵ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 124.

¹⁸⁶ Nord, Ch. Loyalität statt Treue. Vorschläge zu einer funktionalen Übersetzungstypologie / Ch. Nord // Lebende Sprachen. – 1989. – Vol. 34. – P. 100-105. Подробнее о принципе лояльности применительно к переводу новозаветных текстов см. Nord, Ch. Loyalty revisited: Bible Translation as a case in point / Ch. Nord // The Translator. – 2001. - Vol. 7:2. – P. 185-202.

¹⁸⁷ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 140.

межличностной, которая относится к социальному взаимодействию участников перевода, учитывает их цели и ожидания¹⁸⁸.

Так, если заказчик желает, чтобы переводной текст выполнял функцию *x*, то переводчик должен указать, при каких условиях это возможно. К примеру, заказчик желает создать буквальный перевод. Переводчик должен предупредить заказчика о том, что такой перевод может быть неприемлемым с точки зрения стилистических норм принимающей культуры и такой переводной текст может быть сложным для понимания. Заказчик может согласиться на создание стилистически «отчужденного» текста, но при этом будет требовать, чтобы переводной текст был понятным читателям. В таком случае задача переводчика – внести необходимые пояснения к тексту в виде примечаний.

Лояльность переводчика по отношению к автору оригинального текста означает, что цель переводного текста должна быть совместима с интенциями автора оригинального текста¹⁸⁹. Тот факт, что в теории скопоса нет «плохих» или «хороших» переводов самих по себе, отнюдь не означает, что дозволены все средства в достижении поставленных целей. Принцип лояльности устанавливает этические ограничения на выбор возможных функций перевода (позволяя при этом разным переводам передавать различные аспекты оригинала) одного оригинального текста. Поэтому так важно понять интенции автора. Иногда их можно определить, исходя из той коммуникативной ситуации, в которой использовался оригинальный текст¹⁹⁰. Иногда помощь переводчику может оказать анализ интратекстуальных маркеров, которые помогают выявить коммуникативные интенции автора. Намного сложнее говорить об интенциях автора текста в тех случаях, когда мы не обладаем достаточной информацией о первоначальной коммуникативной ситуации оригинала. Кроме того, коммуникативная ситуация оригинального текста

¹⁸⁸ Nord, Ch. Manipulation and Loyalty in Functional Translation. P. 4.

¹⁸⁹ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 125.

¹⁹⁰ Например, в случае с переводом инструкции к бытовой технике все понятно. В данном случае мы говорим о том, что определенный тип текста используется одинаково в разных культурах и предназначен для выполнения одних функций.

может сильно отличается от ситуации переводного текста, что не позволяет установить прямую связь между автором оригинала и читателями перевода. Последняя ситуация, как правило, характерна для древних текстов и в таком случае переводчику, по мнению Норд, предпочтительнее осуществлять документальный перевод как единственный способ разрешить данную дилемму¹⁹¹.

Переводчик также должен проявлять лояльность к реципиентам перевода и учитывать то, какие требования к переводу выдвигаются в данной культуре. Переводной текст никогда не инкорпорируется в принимающую культуру совершенно по-новому. Перевод, как явление, уже существует в данном обществе и регулируется совокупностью норм, которые определяют параметры функционирования переводного текста. Это означает, что переводчик должен осознавать те требования, которые выдвигает к переводным текстам целевая система. Если мы посмотрим на историю перевода, то обнаружим, что в разные времена и в разных культурах существовали разные представления о взаимосвязи между оригинальным текстом и его переводом¹⁹². Преобладающий в данной культуре концепт перевода влияет на тип перевода, который желают видеть читатели. В одной культуре читатель ожидает, что переводчик в точности передаст смысл авторских слов; в других культурах читатели ожидают точного воспроизведения формальных характеристик оригинала; иногда идеалом считается архаизированный перевод, в то время как в других случаях на первое место ставятся такие характеристики, как понятность перевода и легкость его прочтения. Часто представления о том, каким должен быть «хороший» перевод определяются типом оригинального текста: одни требования выдвигаются к переводу религиозного или древнего текста, другие требования – к переводу художественного произведения. Все это означает, переводчик должен учитывать ожидания своей аудитории, если желает, чтобы перевод был принят. Конечно же, это вовсе не означает, что переводчик всегда

¹⁹¹ *Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity...* P. 126.

¹⁹² *Ibid.* P. 124.

обязан делать то, что ожидает читатель (при этом он должен объяснить мотивы своего решения)¹⁹³.

Таким образом, принцип лояльности принимает во внимание интересы трех сторон:

- автора оригинального текста (который желает, чтобы его интенции были сохранены и у которого также есть определенные представления о взаимосвязи между оригиналом и переводом);
- инициатора перевода (который желает иметь определенный тип перевода);
- читателей перевода (у которых есть определенные представления о том, каким должен быть перевод).

Если возникает конфликт интересов указанных сторон, то переводчик должен выступить в качестве посредника и попытаться содействовать достижению взаимопонимания между всеми участниками переводческого процесса¹⁹⁴. При этом эмпирически измерить, насколько перевод «лоялен» оригиналу, невозможно, так как лояльность является скорее философским и этическим концептом¹⁹⁵.

Нельзя говорить о лояльности в отношении продукта переводческого процесса, т.е. переводного текста. Лояльность всегда относится к отношению или поведению переводчика в процессе перевода. Лояльным может быть переводческое поведение, но не результат его труда. Т.о., лояльность является межличностной категорией, влияющей на взаимоотношения между людьми. То, что переводчик действует лояльно по отношению ко всем участникам переводческого процесса, вовсе не означает, что преимущество автоматически отдается нормам культуры перевода. По этой причине нельзя утверждать, что сторонники функционалистского подхода всегда адаптируют перевод к нормам целевой культуры. Напротив, функционалистский подход говорит о том, что

¹⁹³ Ibid. P. 124-125.

¹⁹⁴ Ibid. P. 128.

¹⁹⁵ Ibid. P. 79-82.

переводчики являются ответственными посредниками во взаимодействии между равными сторонами коммуникативного процесса. Задача переводчика – помочь договориться об условиях этого процесса. Одно из средств решения данной задачи – соблюдение принципа лояльности¹⁹⁶.

Этический принцип лояльности чрезвычайно важен в области перевода Библии. Как говорит Норд¹⁹⁷, данный принцип ограждает переводчика от недолжных манипуляций с текстом, которые могут идти в разрез с интенциями автора оригинала. Безусловно, лояльность не оберегает переводчика от ошибок, от принятия «неправильных» решений. Но тщательное рассмотрение возможных последствий своих действий может помочь переводчику более ответственно отнестись к своей роли посредника. Понятие «лояльности» в отношении библейских переводов подразумевает, что переводчик ответственен за перевод перед Богом, авторами оригинального текста и читателями перевода: «лояльность закрывает двери перед сектантскими или неортодоксальными интерпретациями. В рамках лояльности, попытки создать перевод, который, к примеру, отрицает или приуменьшает божество Христа, совершенно исключаются...»¹⁹⁸. Безусловно, это не означает, что представители разных конфессий не будут по-разному подходить к переводу некоторых мест. Модель Норд, в приложении к библейскому переводу, говорит о том, что переводчики должны с предельным вниманием отнестись к церковным традициям и тому, как внутри них воспринимается и интерпретируется библейский текст. Это означает, что иногда переводчики должны пожертвовать научным аспектом перевода в пользу варианта, более приемлемого в данной аудитории. Хотя и здесь должны быть определенные ограничения. К примеру, во многих христианских традициях ветхозаветные упоминания о רִיחַ אֱלֹהִים принято переводить с заглавной буквы «Дух Божий», что соответствует определенным

¹⁹⁶ Nord, Ch. Loyalty and fidelity in specialized translation / Ch. Nord // Confluencias - Revistas de Tradução Científica e Técnica. – 2006. – Vol. 4. P. 40.

¹⁹⁷ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 126.

¹⁹⁸ Downie, J. The End of an Era? Does Skopos Theory Spell the End of the «Free vs. Literal» Paradigm? / J. Downie / Mode of access: <http://www.pneumareview.com/the-end-of-an-era-does-skopos-theory-spell-the-end-of-the-free-vs-literal-paradigm-by-jonathan-downie>. – Date of access: 27.10.2011.

христианским экзегетическим традициям. Такое решение не поддерживается современными научными исследованиями, однако оно имеет принципиальное значение для многих верующих. По этой причине переводчики во многих случаях предпочитают переводить так, как это принято в данной традиции. Подобный вопрос возникает и при переводе ветхозаветного Имени Божьего יהוה. Решение о том, передавать ли его на русский язык как «Господь», «ГОСПОДЬ», «Яхве» будет во многом зависеть от ожиданий конкретной аудитории. Как и в предыдущем случае, переводчику следует проявить лояльность к своим читателям. В том случае, если переводчик все же примет иное решение, отличное от ожидаемого, он должен будет объяснить мотивы своего решения.

2.2.7. Ключевые участники перевода

Поскольку перевод является одним из видов коммуникативного взаимодействия, то можно выделить ряд функций, которые выполняют различные участники переводческого процесса: автор оригинального текста, инициатор перевода, переводчик, адресат переводного текста, получатель переводного текста.

Автор оригинального текста делает первоначальное предложение информации своей аудитории в первоначальной коммуникативной ситуации.

Инициатор перевода играет ключевую роль в переводческом процессе. Инициатор – это «человек, группа людей, институт, который начинает переводческий процесс и определяет его течение посредством того, что указывает на цель создания переводного текста»¹⁹⁹. Как отмечает Норд, в профессиональной среде переводчик редко начинает работу по своей собственной инициативе. Обычно инициатор обращается к переводчику с пожеланием иметь в распоряжении перевод определенного текста и формулирует цель перевода. Кроме этого, в идеальной ситуации инициатор дает ряд переводческих инструкций (переводческое задание), которые являются

¹⁹⁹Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 139.

руководством для переводчика. Таким образом, инициатор является основной движущей силой перевода. В ситуации с переводом Библии в качестве инициатора может выступить, например, одна из церковных организаций, которая определяет цель нового перевода.

Переводчик является экспертом в переводческом процессе, который несет ответственность за выполнение полученного задания и гарантирует его успешное выполнение. Он является экспертом в области межкультурной коммуникации, а потому основная ответственность за успешность переводческого взаимодействия лежит на нем. Переводчик выступает в роли получателя переводческого задания и оригинального текста, который он использует для создания переводного текста. Хотя основную информацию о цели перевода предоставляет инициатор, переводчик детально разрабатывает техническую сторону переводческого задания: анализирует особенности коммуникативной ситуации, ожидания аудитории перевода, герменевтические предпосылки. Лишь после этого он приступает к созданию переводного текста. Переводчик выступает не только в роли одного из получателей оригинального текста, но и в роли производителя нового текста; его задача состоит в том, чтобы понять коммуникативные интенции отправителя оригинального текста и на этом основании создать новый текст для новой коммуникативной ситуации. Для эффективного выполнения своей работы, переводчик должен обладать определенными качествами и навыками. Он должен хорошо разбираться как в культуре оригинального текста, так и в культуре переводного текста (сюда включается и владение в совершенстве соответствующими языками). От переводчика также требуются аналитические качества, которые необходимы для анализа коммуникативной ситуации и выделения тех аспектов оригинального текста, которые следует передать при переводе. Кроме того, переводчик должен обладать исследовательскими способностями, которые позволят ему находить наиболее эффективные способы перевода. Нужны также и навыки создания текстов на языке перевода, а также способность к критической оценке доступных для перевода средств. Для успешного

выполнения этих задач, переводчик также должен быть способен к сотрудничеству с коллегами, экспертами, клиентами и другими участниками переводческого процесса.

Норд также проводит различие между адресатом оригинального текста и его получателем. **Адресат** – это *предполагаемый* получатель текста, то есть человек (или группа людей), для которого создается текст. **Получатель** – это реальный пользователь текста, т.е. это человек (или группа людей), который читает или слушает текст после того, как он был создан²⁰⁰. Информация об адресате переводного текста является ключевой для переводчика, поскольку именно от него зависит, как будет функционировать текст в новой коммуникативной ситуации. Переводчик должен учитывать социальный, культурный контекст, ожидания и интересы своего читателя. Поэтому задача переводчика – получить от инициатора как можно больше информации об адресате перевода.

2.2.8. Переводческое задание

Как уже было сказано выше, переводческий процесс начинается с того, что инициатор обращается к переводчику с просьбой о создании перевода определенного текста. При этом инициатор должен предоставить переводчику как можно более полную информацию обо всех аспектах переводческой коммуникации. Такого рода информация в функционалистском подходе получила название **переводческого задания** (нем. *Übersetzungsauftrag*; англ. *translationbrief*, *translationassignment*, *translationcommission*; рус. вар. *концепция перевода*). Согласно К. Норд, переводческое задание содержит основную информацию о предполагаемой функции перевода, его аудитории, времени и месте использования, средстве передачи текста, причине создания текста²⁰¹. Таким образом, переводческое задание указывает основные

²⁰⁰ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 22.

²⁰¹ Ibid. P. 60.

параметры той коммуникативной ситуации, в которой будет функционировать переводной текст.

Однако, такого рода информации еще недостаточно для того, чтобы приступать непосредственно к переводу. Как правило, заказчики перевода (в том числе и церковные структуры) не являются специалистами в области перевода. Потому свои пожелания они высказывают, обычно, в самых общих чертах и их переводческое задание содержит лишь самые общие положения. Для полноценной работы профессиональный переводчик нуждается в более полной информации. Мы помним, что, согласно с функционалистским подходом, главным фактором, который определяет весь переводческий процесс, является функция переводного текста в новой коммуникативной ситуации. Это означает, что переводу должен предшествовать тщательный анализ коммуникативной ситуации переводного текста, а точнее, совокупности параметров коммуникативной ситуации, определяющей ее специфику. Такой анализ предполагает подробное исследование прагматических, социокультурных, герменевтических и других экстратекстуальных факторов коммуникативной ситуации перевода.

Прежде всего, переводчику необходимо проанализировать социокультурный контекст, в котором будет функционировать переводной текст. Это предполагает исследование основных характеристик целевой аудитории, ее ожиданий и тех герменевтических предпосылок, из которых она исходит при восприятии и интерпретации текста. В случае перевода Библии это также предполагает анализ конфессиональной ситуации и, соответственно, действующих в той или иной религиозной общине богословских принципов. Кроме того, должна быть более подробно описана предполагаемая функция перевода. Также следует проанализировать особенности лингвистической ситуации (например, какой из вариантов языка выбрать для перевода, требует ли перевод библейского текста возвышенного, книжного языка или нет). На основании подобного анализа выбирается макростратегия, разрабатываются конкретные инструкции и рекомендации, которым переводчик будет следовать

непосредственно в процессе перевода. Исходя из принятых на данном этапе решений, впоследствии, при встрече с конкретными переводческими проблемами, переводчик выбирает те или иные переводческие решения. Всё это позволяет создать перевод, который будет наиболее адекватным в данных условиях.

Таким образом, переводческое задание/концепция перевода является проектным документом, который задает основные параметры функционирования переводного текста. Исходя из этого документа, на основании тщательного анализа коммуникативной ситуации, разрабатывается совокупность инструкций, на которые переводчик будет ориентироваться при работе с оригинальным текстом. Переводческое задание также является тем критерием, на основании которого необходимо оценивать окончательный переводческий продукт. Такого рода документ также позволяет другим людям понять цели и методологию перевода. В зависимости от того, насколько успешно перевод справляется с поставленными перед ним целями в конкретной коммуникативной ситуации, можно будет говорить о том, является ли перевод адекватным или нет.

2.2.9. Переводческий анализ текста

Несмотря на то, что в теории скопоса приоритет отдается переводному тексту и его коммуникативной функции, это вовсе не означает, что оригинальный текст не играет никакой роли в переводческом процессе. Оригинал по-прежнему является отправной точкой перевода. Поэтому всякому переводу должен предшествовать глубокий анализ оригинального текста и его коммуникативных функций, который позволит корректно интерпретировать его.

Существуют разные аналитические модели, которые были разработаны в рамках литературоведения, лингвистики текста, библеистики и других областей знания. Однако не всегда эти подходы пригодны для целей перевода. Норд говорит о том, что «анализ текста, ориентированный на перевод, должен не

только давать полное понимание и правильную интерпретацию текста, объяснение его лингвистических характеристик и структуры... Такой анализ должен также давать надежное основание для каждого решения, которое переводчик вынужден делать в конкретном переводческом процессе»²⁰². По этой причине немецкая исследовательница предложила альтернативный подход к анализу оригинального текста, который бы более подходил для переводческих целей. Подробно свой подход она излагает в книге «Анализ текста: теория, методология и дидактическое применение модели к анализу текста, ориентированному на перевод»²⁰³.

Норд говорит о том, что переводческий анализ должен помочь ответить на следующие вопросы²⁰⁴:

- какова была коммуникативная функция оригинального текста;
- насколько осуществимо переводческое задание;
- какие аспекты оригинального текста являются релевантными для перевода;
- какая переводческая стратегия приведет к достижению поставленной цели;
- как и при помощи чего решать возникающие переводческие проблемы.

При этом она отмечает, что могут быть использованы и другие процедуры анализа, в которых содержится компонент прагматического анализа коммуникативной ситуации²⁰⁵. Это означает, что при переводе Библии также могут быть использованы и традиционные для библеистики подходы к исследованию библейского текста. Однако следует помнить, что если задача экзегета состоит в том, чтобы установить значение первоначального текста, то задача переводчика – передать один или несколько аспектов оригинального

²⁰² Nord, Ch. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Ch. Nord. – Amsterdam: Rodopi, 2005. P. 1.

²⁰³ Nord, Ch. Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Ch. Nord. – Amsterdam: Rodopi, 2005. - 274 p.

²⁰⁴ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 62.

²⁰⁵ Ibid.

текста новой аудитории посредством языка перевода. Поэтому традиционный экзегетический анализ должен проводиться с учетом особенностей переводческой деятельности. Ориентированный на перевод анализ должен не только помочь правильно понять текст, но он также должен быть надежным основанием для всех решений, которые переводчик будет принимать в конкретном переводческом процессе.

Переводческий анализ текста состоит из анализа экстратекстуальных и интратекстуальных аспектов коммуникативного действия. Цель такого анализа состоит в определении функциональных элементов и переводческих проблем. По результатам анализа оригинального текста и сопоставления их с переводческим заданием, переводчик должен разработать холистическую стратегию решения переводческих проблем.

Решающее значение для анализа текста имеют факторы той коммуникативной ситуации, в которой использовался оригинальный текст, поскольку именно они определяют коммуникативную функцию текста. Такого рода факторы называются «экстратекстуальными». Поскольку реальная жизненная ситуация предшествует текстуальной коммуникации, то изучение оригинального текста более естественно начинать с анализа экстратекстуальных факторов. Анализ, идущий от экстратекстуальных факторов к интратекстуальным, Норд называет *top-down analysis*; обратную процедуру (от интратекстуальных к экстратекстуальным) она называет *bottom-up analysis*²⁰⁶.

Анализируя экстратекстуальные факторы, мы должны ответить на следующие вопросы²⁰⁷: кто автор/отправитель текста? какова была интенция отправителя? кто является адресатом? посредством чего передается текст? где и когда был создан текст? где и когда происходила рецепция текста? каков мотив коммуникации? Полученные таким образом сведения позволяют ответить на самый важный вопрос: какова функция оригинального текста?

²⁰⁶Nord, Ch. Text Analysis in Translation.... P. 43.

²⁰⁷Ibid. P. 42.

Очень часто в письменной коммуникации экстратекстуальная ситуация зафиксирована в «текстуальном окружении» (название книги, библиографические ссылки, количество копий и т.д.). Если же у переводчика нет сведений об экстратекстуальных факторах и эту информацию невозможно извлечь из текстуального окружения²⁰⁸, тогда необходимую информацию может дать анализ внутренних (интратекстуальных) характеристик текста. Исследуя интратекстуальные характеристики, переводчик может делать вполне обоснованные предположения о той ситуации, в которой первоначально использовался текст.

Анализ интратекстуальных факторов должен давать ответ на следующие вопросы²⁰⁹: 1) тема данного текста; 2) содержание текста; 3) композиция текста (макро- и микроструктура); 4) невербальные элементы используются в тексте (иллюстрации, таблицы, схемы, особый шрифт и т.п.); 5) особенности лексики (диалектизмы, архаизмы, неологизмы, специальная терминология, регистр и т.п.); 6) структура предложений; 7) супraseгментные средства организации речи (ударение, ритм, стилистическая пунктуация и т.п.). Предложенный список вопросов - лишь одна из возможных моделей анализа текста. Норд также утверждает, что не всегда необходимо делать анализ всех указанных элементов; выбор того, что анализировать, зависит от конкретного переводческого задания. Тем не менее, при анализе важно по возможности сохранять приведенный порядок вопросов, поскольку характеристики текста более высокого уровня определяют характеристики, которые находятся на более низких уровнях текста. Следует также помнить, что анализ текста осуществляется скорее по спирали, нежели прямолинейно. Это означает, что на позднейших этапах анализа могут появиться новые данные, которые заставят исследователя по-новому взглянуть на то, что было сделано на предшествующих этапах.

²⁰⁸ Как, например, в случае с древними текстами, когда у нас очень мало информации или она вовсе отсутствует о той ситуации, в которой текст первоначально создавался и воспринимался читателями

²⁰⁹ *Nord, Ch. Text Analysis in Translation...* P. 42.

Анализ экстратекстуальных и интратекстуальных факторов позволяет определить коммуникативную функцию оригинального текста, а также те элементы, которые значимы для коммуникативной ситуации перевода. После этого переводчик может определить стратегию перевода, которая позволит ему достичь поставленной коммуникативной цели.

2.2.10. Понятие переводческой проблемы

Анализ оригинального текста и сравнение результатов этого анализа с переводческим заданием позволяют определить переводческие проблемы. Переводческие проблемы – это объективные проблемы, которые должны быть решены переводчиком в процессе перевода для того, чтобы произвести функционально адекватный целевой текст. Переводческие проблемы могут быть объективно верифицированы, они существуют всегда и не зависят от уровня лингвистической или культурологической компетенции переводчика²¹⁰. Отдельный переводчик может сталкиваться, в том числе, и с переводческими трудностями (например, незнакомое слово в тексте), но они, в отличие от переводческих проблем, зависят от уровня компетенции. Переводческие проблемы всегда останутся проблемами, независимо от того, насколько быстро и успешно переводчик научился справляться с ними.

Все переводческие проблемы находятся между собой в иерархической взаимосвязи. Решение одной проблемы влияет на решение других. В соответствии с функционалистским подходом, переводческие проблемы должны решаться «сверху-вниз», начиная с прагматического уровня. Это означает, что все переводческие проблемы в конкретном тексте должны решаться в соответствии с последовательной стратегией, следование которой должно привести к созданию того типа перевода, соответствующего переводческому заданию²¹¹.

²¹⁰*Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 141.*

²¹¹*Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 75.*

Норд выделяет четыре типа переводческих проблем: прагматические, культурные, лингвистические, специфические проблемы конкретного текста.

- *Прагматические переводческие проблемы*, с которыми переводчик встречается на начальном этапе переводческого процесса, являются самыми важными²¹². Прагматические проблемы определяются в процессе анализа коммуникативной ситуации оригинала и сравнения полученных результатов с коммуникативной ситуацией переводного текста²¹³. В качестве примера прагматических проблем можно привести перевод мер веса и длины, единиц времени, географических объектов и т.п. В зависимости от концепции перевода, для решения данных проблем могут быть применены разные микростратегии: адаптация, парафраз, экспликация и др.
- *Культурные переводческие проблемы* являются следствием различий в нормах и конвенциях, определяющих вербальное и невербальное поведение в двух культурах, которые участвуют в процессе перевода²¹⁴. В качестве примеров культурных проблем можно указать особенности невербальной коммуникации, средства выражения самоидентификации, особенности восприятия времени и пространства и др. Такого рода проблемы проявляются, также, в формах фатической коммуникации: способы приветствия, начало и окончание письменной коммуникации и т.п.
- *Лингвистические переводческие проблемы* возникают вследствие структурных различий между языком оригинала и языком перевода²¹⁵. Различия могут проявляться в длине предложений, в способе соединения частей предложения. Так, для древнееврейского языка характерен паратаксис, в то время как белорусский язык может требовать установления гипотаксических связей. Некоторым языкам

²¹² Ibid. P.:65.

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Ibid. P. 66.

²¹⁵ Ibid.

более, чем другим, присущ эллипсис, что требует раскрытия опущенной информации.

- *Переводческие проблемы конкретного текста* присущи конкретному оригинальному тексту. К таким проблемам могут относиться *hapaxlegomenon*, неоднозначные экзегетические и текстологические проблемы данного текста²¹⁶. Часто переводчики сталкиваются с проблемой передачи риторических конструкций, образных выражений, иронии, сарказма, аллитерации и т.п.

Как было уже сказано выше, существует функциональная иерархия переводческих проблем. Норд говорит о существовании двух подходов к осуществлению перевода: «снизу - вверх» (*bottom-up approach*) и «сверху - вниз» (*top-down approach*)²¹⁷. Традиционно перевод осуществляется в направлении «снизу-вверх»: от перевода лингвистических структур оригинала (предложений, словосочетаний, отдельных слов) к прагматическим проблемам. При таком подходе перевод сильно зависит от собственных стилистических предпочтений отдельного переводчика и ограничений его лингвистической и переводческой компетенции²¹⁸. В таком случае перевод воспринимается как операция по переключению кода, где самую важную роль играют лексические и синтаксические эквиваленты. Переводчики часто стремились быть как можно ближе к лингвистическим структурам оригинального текста. Часто это приводит к тому, что переводчик и читатель перевода не видят, как текст функционирует в качестве целого. Все это приводит к интуитивным решениям, которые не могут быть объективно обоснованы и базируются на личных предпочтениях того или иного переводчика. Более того, решение, принятое на низшем уровне, должно быть обосновано по достижении следующего уровня²¹⁹. Такой подход к решению переводческих проблем можно назвать атомарным.

²¹⁶ Ibid. P. 67.

²¹⁷ Ibid. P. 67-68.

²¹⁸ Ibid. P. 67.

²¹⁹ Ibid.

Учитывая указанные трудности, Норд говорит о том, что переводческие проблемы должны решаться в ином направлении: «сверху - вниз». Это означает, что функционалистский переводческий процесс должен начинаться с прагматического уровня. Прежде всего, необходимо ответить на вопрос о том, какую функцию будет выполнять перевод в целом (документальную или инструментальную). Затем следует решить, какие функциональные элементы оригинала будут воспроизведены без изменений, а какие должны быть адаптированы к ожиданиям и коммуникативным нуждам аудитории перевода. Выбранный тип перевода определяет, каким литературным конвенциям должен следовать переводной текст: культуры оригинала или культуры перевода. И лишь затем следует решать проблемы, связанные с лингвистическими особенностями текста²²⁰. Если на этом уровне остается несколько возможных решений, окончательное решение будет определяться контекстуальными аспектами или личным предпочтением переводчика. Но всегда – с учетом функции перевода. Такой подход к решению переводческих проблем можно назвать холистическим.

2.2.11. Понятие переводческой ошибки

Неадекватное решение переводческой проблемы ведет к переводческой ошибке. В функционалистском подходе ошибка определяется как все то, что препятствует достижению цели перевода (которая состоит в том, чтобы создать текст, способный адекватно выполнять определенные функции в новой коммуникативной ситуации)²²¹. Таким образом, переводческую ошибку можно определить как «нефункциональный перевод»²²². Нefункциональный перевод не позволяет переводному тексту адекватно выполнять свою коммуникативную функцию. При этом «неадекватность не является внутренне присущим

²²⁰ Ibid. P. 68.

²²¹ Ibid. P. 74.

²²² Aveling, H. "Mistakes" in Translation: A Functionalist Approach / H. Aveling // A paper presented at the Third Workshop on "The Art of Translation" (London, 19-20 September 2002). - Mode of access: <http://soas.ac.uk/Literatures/satranslations/Aveling.pdf>. - Date of access: 24.01.2012.

качеством высказывания, но качеством, которое придается высказыванию с точки зрения оценивающего»²²³.

Поскольку переводческие ошибки - это следствие неверного решения переводческих проблем, то можно выделить следующие категории: прагматические ошибки, культурные ошибки, лингвистические ошибки, специфические ошибки, связанные с особенностями текста. Самыми серьезными являются прагматические ошибки, поскольку от решений, принятых на этом уровне, зависят все последующие шаги переводчика. Серьезность культурных и лингвистических ошибок зависит от того, какое функциональное значение они имеют для конкретного переводческого проекта. К примеру, если главная цель библейского перевода состоит в том, чтобы показать особенности того мира, в котором создавался оригинальный текст, то культурные ошибки будут более значительными, чем лингвистические. Если же основная цель перевода состоит в передаче лингвистических особенностей оригинала, то более серьезными будут именно лингвистические ошибки.

2.2.12. Оценка качества перевода

Вопрос о качестве переводного текста является одним из самых главных в теории перевода. Всякий переводчик стремится создать качественный перевод. Вопрос заключается в том, на основании каких критериев следует выносить оценку качества переводного текста? Выбор изначальной точки отсчета будет зависеть от того, в какой системе координат мы находимся. Различные взгляды на природу перевода предполагают, соответственно, различные представления о том, какой перевод считать качественным, а какой – нет. Это означает, что наша оценка зависит от того, в рамках какой теории перевода мы находимся.

Самым распространенным является подход, который можно назвать субъективным. Хороший перевод описывается как «точный», «сохраняющий верность оригиналу», «легко читающийся». Как правило, при таком подходе даются интуитивные оценки того или иного перевода. Чаще всего такие

²²³Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 73.

суждения не имеют какого-либо серьезного теоретического обоснования, отрицается любая возможность определения общих критериев качества перевода²²⁴.

В лингвистических моделях ключевым критерием, определяющим качество перевода, является «эквивалентность». Несмотря на все разнообразие определений, которое исследователи давали понятию эквивалентности, все они сводились к тому, что переводной текст должен передавать неизменное и независимое от языка значение оригинала²²⁵. Так, с точки зрения Найды, качество перевода зависело от того, удавалось ли переводу достичь того же эффекта, какой оригинал производил на своих читателей. Питер Ньюмарк²²⁶ выделил два типа переводов: коммуникативный и семантический. Критерий оценки семантического перевода – точность воспроизведения значения оригинального текста; критерий оценки коммуникативных переводов – точная передача сообщения оригинального текста на языке перевода. Как подход Найды, так и подход Ньюмарка были достаточно проблематичными, поскольку определение «эффекта» или «точности» оказывались весьма субъективными. Впрочем, в связи с развитием лингвистики изменился и сам лингвистический подход к переводу, так что сегодня трудно найти тех, кто бы говорил об эквивалентности как о точном воспроизведении значения, содержащегося в оригинале. Изменилось само понятие значения, о котором, под влиянием постструктурализма и аналитической философии, стали говорить как о чем-то *изменчивом*, *нестабильном*, в высшей степени субъективном и зависящим от контекста.

Новые подходы к переводу, основанные на лингвистике текста и прагматике, утверждали, что лингвистические характеристики текста определяются не лингвистическими структурами оригинала, а типологией текстов и той коммуникативной ситуацией, в которой функционирует перевод.

²²⁴House, J. Quality / J. House // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge, 2009. – P. 222.

²²⁵Kenny, D. Equivalence / D. Kenny // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge, 2009. – P. 96.

²²⁶Newmark, P. Approaches to Translation / P. Newmark. - Oxford: Pergamon Press, 1981. – 200 p.

Это позволило по-иному взглянуть на проблему оценки качества перевода: «хорошим» считается не тот перевод, который «точно» передает лингвистические особенности оригинала, а тот, который эффективно выполняет предполагаемую функцию в культуре перевода. Именно поэтому некоторые исследователи предпочитают говорить о «(прагматически) адекватном» или «функционально соответствующем» переводе²²⁷.

Именно такое отношение к переводу характерно и для функционалистского подхода. Главным критерием оценки качества перевода является то, насколько адекватно тот или иной переводной текст выполняет свою функцию в конкретной коммуникативной ситуации. Качество текста не является чем-то «объективно» данным, но зависит от того, как он используется читателем и по каким критериям он оценивается. Именно пользователь перевода выносит суждение относительно уместности текста в данной коммуникативной ситуации и того, насколько эффективно он достигает поставленной цели²²⁸. Поскольку каждое коммуникативное событие происходит в рамках конкретной культуры, то качество перевода будет определяться теми нормами, которые существуют в данной культуре. Ключевым термином, определяющим качество перевода, будет слово «адекватность». Адекватность есть «функциональное соответствие переводного текста тем коммуникативным целям, которые определены в переводческом задании»²²⁹. Понятие адекватности является динамическим, а не статическим, поскольку коммуникативная ситуация всегда меняется. Каждая конкретная ситуация будет определять набор тех требований, которые выдвигаются к переводу. Основанием для оценки перевода будет являться адекватность или неадекватность принятых переводчиком решений в данной коммуникативной ситуации. Адекватным будет считаться тот перевод, который выберет соответствующую данной ситуации стратегию переводческого процесса (сюда

²²⁷ Schaffner, Ch. From “Good” to “Functionally Appropriate”... P. 2.

²²⁸ Ibid.

²²⁹ Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 137.

включается и выбор соответствующей лексики, выбор структуры предложений и проч.)²³⁰.

2.2.13. Этапы переводческого процесса

Норд называет свою переводческую модель «циклической» (*loopingmodel*). Это означает, что перевод не является простым линейным процессом: переводчик должен периодически возвращаться к ранним этапам работы, чтобы сверить с ними результаты последующих этапов. Здесь мы дадим краткое описание каждого из этапов, несколько отступив от предложенной Норд последовательности.

1. Первый этап переводческого процесса – знакомство с переводческим заданием, предоставленным заказчиком перевода и первоначальная формулировка скопоса (функции) перевода²³¹. Переводческое задание показывает, каким аспектам оригинального текста следует уделить особое внимание.
2. Второй этап представляет собой анализ переводчиком коммуникативной ситуации перевода. Необходимо проанализировать прагматические, исторические, культурные, герменевтические и (в случае перевода Библии) богословские особенности данной ситуации²³².
3. Третий этап – формулирование самых общих критериев, которым должен соответствовать перевод. На данном этапе также определяется общая стратегия (макростратегия) перевода и выбирается его тип: документальный или инструментальный.
4. Четвертый этап – анализ экстра- и интратекстуальных аспектов оригинала. Такой анализ дает переводчику возможность определить те элементы оригинального текста, которые, в соответствии с

²³⁰ О функционалистском подходе к оценке качества перевода см. подробно Hönl, H.G. Positions, Power and Practice: Functionalist Approaches and Translation / H.G. Hönl // Translation and Quality. Current Issues in Language and Society / Ed. by Ch. Schaffner. - Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 6-34.

²³¹ Nord, Ch. Text Analysis in Translation... P. 37.

²³² Ibid.

переводческим заданием, необходимо передать при переводе²³³. На этом же этапе он определяет те переводческие проблемы, которые он должен будет решить при создании перевода.

5. Пятый этап – определение подробных инструкций, которыми будет руководствоваться переводчик или переводческая группа в процессе создания переводного текста.
6. Шестой этап - выполнение собственно перевода. Поскольку невозможно передать все аспекты оригинального текста, то выбираются те аспекты первоначального предложения информации, которые будут наиболее релевантными в новой коммуникативной ситуации. В соответствии с выбранным типом перевода, переводчик определяет те микростратегии, которые помогут ему в решении конкретных переводческих проблем. Этот шаг замыкает круг переводческого процесса. Но, поскольку переводческий процесс имеет циклическую природу, то при работе на более поздних этапах работы, переводчик всегда будет возвращаться к более ранним этапам, корректируя принятые ранее решения.

Результатом переводческого процесса должен быть текст, который адекватным образом выполняет свои функции в коммуникативной ситуации.

Здесь мы вынуждены оставить дальнейшее обсуждение функционалистского подхода к переводу. В рамках данной работы невозможно подробно описать абсолютно все аспекты теории скопоса. В наши задачи входило описание наиболее важных элементов данной модели перевода. В разделе 2.4 мы попытаемся показать актуальность функционалистского подхода в области библейского перевода.

²³³ Ibid.

2.2.14. Краткое изложение основных принципов функционалистского подхода

В данном подразделе мы посчитали необходимым кратко изложить все то, о чем подробнее было сказано выше. Основные принципы функционалистского подхода можно сформулировать в виде следующих тезисов:

- Цель (цели) перевода определяет выбор переводческого метода и стратегии (*принцип функциональности*). Это означает, что один и тот же текст может быть переведен по-разному, в зависимости от требований коммуникативной ситуации.
- Совокупность переводческих целей, для которых может переводиться один и тот же оригинальный текст, ограничивается ответственностью переводчика перед всеми участниками переводческой коммуникации (*принцип лояльности*).
- Цель перевода формулируется в переводческом задании, описывающем ситуацию, для которой создается текст.
- Самым важным фактором в коммуникативной ситуации являются функции, которые предстоит выполнять переводному тексту в новой коммуникативной ситуации.
- Перевод, который достигает предполагаемой цели, называется функциональным. Функциональность означает, что конкретной коммуникативной ситуации текст функционирует в соответствии с интенциями отправителя.
- Функциональность не является внутренним качеством текста, но придается ему получателем в момент рецепции. Именно реципиент определяет, является ли текст функциональным, и как он будет функционировать.
- Отправитель текста должен стремиться к тому, чтобы получатели смогли легко определить предполагаемую функцию текста. Для

достижения этой цели переводчики могут использовать различные лингвистические и нелингвистические «функциональные маркеры», которые могут быть корректно интерпретированы лишь в том случае, если они принадлежат культурному «коду», с которым знаком получатель.

- Функции переводного текста могут отличаться от функций оригинального текста, однако при этом они не должны противоречить первоначальным интенциям автора оригинального текста (принцип лояльности).

2.3. Критика теории скопоса

Завершая обсуждение функционалистского подхода, следует также сказать и о тех критических замечаниях, которые были высказаны в его адрес. При этом необходимо отметить, что многие из пунктов критики обязаны своим существованием неправильному пониманию или излишнему упрощению основных идей функционализма. Безусловно, в первоначальных формулировках функционализма действительно было несколько слабых мест. Основные обвинения были высказаны, прежде всего, в адрес основоположников данного направления: К. Райс, Г. Фермеера, М. Хольц-Мантаари. Впоследствии все эти критические замечания были учтены К. Норд, которая попыталась дать на них ответ в книге «Перевод как целенаправленное действие». В рамках данного исследования мы сможем рассмотреть лишь самые основные критические замечания.

Тезис 1. Теория скопоса вводит ненужные усложнения и не является оригинальной.

Некоторые критики указывали на то, что функционалистский подход вовсе не является оригинальной теорией. Так, Питер Ньюмарк отмечал, что

теория скопоса основана на совершенно очевидном принципе, который функционалистами был почему-то возведен в ранг особой теории и осложнен ненужной терминологией²³⁴. Для того, чтобы заниматься переводом, по мнению Ньюмарка, совершенно необязательно называть цель скопосом, перевод – транслятом (как это делал Фермеер), повод для перевода – переводческим заданием, читателя – потребителем, а переводчика – профессиональным экспертом. В общем, теорию скопоса отнюдь нельзя назвать революционной и оригинальной.

Можно признать справедливым замечание относительно терминологии: первоначально у функционалистов существовало множество терминов, сквозь которые порой было тяжело добраться до сути теории (в особенности это замечание верно в отношении работ Хольц-Мантаари). Однако в большинстве последних работ, написанных в рамках функционалистского подхода, мы наблюдаем относительно устоявшуюся и единообразную терминологию.

Относительно того, что теория скопоса не является оригинальной теорией, следует заметить, что в свое время появление функционализма в 1980-е гг. стало для многих переводчиков своеобразным глотком свежего воздуха. Отход от статических лингвистических моделей открывал новые перспективы не только для теоретических размышлений, но и для новых практических находок. Да, многое в теории скопоса кажется очевидным, но именно функционалисты первыми использовали все выгоды, казалось бы, очевидного принципа «всякое действие стремится к достижению определенной цели», подведя под эту очевидность серьезное теоретическое обоснование и разработав основные принципы работы.

Тезис 2. Не у всякого действия есть цель; не у всякого перевода есть цель.

Критиковалась и лежащая в основании функционализма социологическая теория действия. Оппоненты отмечали, что не у всякого действия есть цель.

²³⁴См. Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 114.

Как следствие, переводчик не всегда имеет определенную цель при переводе оригинального текста. Например, можно ли говорить о какой-либо цели при создании или переводе художественного произведения? В связи с этим многие отмечали, что, будучи пригодной в области технического перевода, теория скопоса совершенно непригодна в области литературного перевода. В ответ на это Фермеер говорил, что само понятие «действие» предполагает целеполагание: «если действию не может быть приписана цель, то она более не может рассматриваться как действие»²³⁵.

В своей книге Норд убедительно показала: несмотря на более сложную природу литературных текстов, принцип целеполагания в полной мере действует и здесь. Даже если переводчик в момент создания перевода не осознает свою цель и не может четко ее сформулировать, она имплицитно присутствует в процессе работы. Так, мы можем сказать, что у любого переводчика всегда есть некий «идеальный» читатель (даже если это т.н. «широкий читатель»), для которого он создает перевод. Таким образом, принцип целеполагания и определения коммуникативной функции текста является важным методологическим принципом, которым руководствуется любой переводчик, независимо от того, осознает он цель или нет.

Тезис 3. Теория скопоса потенциально оправдывает любой перевод.

В некоторых функционалистских подходах (например, в трудах Хольцмантаари и Фермеера) функция целевого текста была единственным фактором, определявшим ход переводческого процесса. Это означало, что потенциально любой перевод может быть оправдан, если он выполняет требования переводческого задания. Возникает опасность переводческого «произвола». Чтобы избежать этой опасности, К. Норд вводит этический принцип «лояльности», который вынуждает переводчика учитывать интересы всех участников переводческого действия. Теорию скопоса нельзя свести к

²³⁵Vermeer, H. Scopos and commission in translational action / H. Vermeer // The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. – London and New York. – 2000. P. 224.

выражению «цель *оправдывает* средства». Внимательное изучение основных принципов функционалистского подхода приводит к заключению, что более корректным будет выражение «цель *определяет* средства».

Тезис 4. Отсутствие эмпирических исследований.

В качестве еще одного слабого места теоретических работ функционалистов отмечали их дедуктивный характер. На этот недостаток, в частности указывал Вернер Кёллер²³⁶. Действительно, работ, которые бы на эмпирическом уровне проверяли верность функционалистских идей не так уж и много. Отмечалось также отсутствие каких-либо практических рекомендаций в работах, созданных в рамках функционалистского подхода. Впрочем, подобные рекомендации вряд ли могут существовать, поскольку каждая конкретная коммуникативная ситуация определяет ту стратегию, в соответствии с которой переводчик осуществляет свой перевод и принимает те или иные решения.

Тезис 5. Онтологический статус теории и концептуальные метафоры.

Эндрю Честерман в одной из своих недавних статей²³⁷ указывал на проблему онтологического статуса теории скопоса: является ли она дескриптивной или прескриптивной? С точки зрения Честермана, теорию скопоса следует отнести к прескриптивным, хотя она имеет и ряд дескриптивных предпосылок. Исследователь также отмечает, что теория скопоса скорее описывает некий идеальный переводческий процесс, который не всегда учитывает все трудности реальной переводческой практики. По мнению Честермана, для того, чтобы функционализм мог быть более пригодным на практике, некоторые его формулировки необходимо сделать более гибкими.

²³⁶ См. Nord, Ch. Translating as a Purposeful Activity... P. 116.

²³⁷ Chesterman, A. Skopos theory: a retrospective assessment / A. Chesterman // Perspektiven auf Kommunikation. Festschrift für Liisa Tittula zum 60. Geburtstag / Ed. by W. Kallmeyer et al. - Berlin: SAXA Verlag, 2010. – P. 209-225.

По мнению этого же исследователя, теория скопоса неспособна адекватно описать и объяснить реальный переводческий процесс. В качестве эмпирической теории, которая стремится к описанию и объяснению переводческих феноменов в реальном мире, она слаба – именно потому, что говорит об оптимальных рабочих условиях, в которых работают оптимально компетентные переводчики. Честерман замечает, что реальность в мире перевода далека от подобного идеала и основная проблема состоит в преобладании плохих переводов, тяжелых условиях труда и низкой оплате. А всего этого теория скопоса не касается. При этом, по мнению Честермана, функционалистский подход доказал свою огромную педагогическую ценность в качестве прескриптивной теории.

Он также отмечает, что теория скопоса несколько разочаровала с точки зрения продуктивности: не было проведено серьёзных исследований, которые бы предлагали новые гипотезы в рамках функционализма и которые бы развивали концептуальный аппарат теории. Несмотря на указанные недостатки, Честерман считает, что функционализм помог сделать теорию перевода более реалистичной, поскольку было дано теоретическое обоснование интуитивного ощущения того, что переводчик должен исходить из цели перевода. Это помогло перейти от концепций эквивалентности к реальным факторам и агентам перевода.

Мартин де Леон в одной из своих статей²³⁸ проанализировал концептуальные метафоры, которые лежат в основании функционалистского подхода. По мнению данного исследователя, теория скопоса характеризуется непоследовательностью на концептуальном уровне, поскольку ее базовые метафоры – метафора ПЕРЕНОСА и метафора ЦЕЛИ – несовместимы друг с другом. Первая метафора описывает движение объекта из пункта А в пункт Б и предполагает, что объект (или его сущность) остается неизменным. Вторая метафора описывает процесс движения от источника к цели и предполагает

²³⁸ de Leon, M. Skopos and Beyond. A Critical Study of Functionalism / M. de Leon // Target. – 2008. – Vol. 20:1. – P. 1-28.

неизменность сообщения; это означает, что переводчик может участвовать в конструировании значения сообщения.

На наш взгляд, справедливость данных замечаний не лишает теорию скопоса ее несомненного практического значения.

2.4. Перспективы использования функционалистского подхода К. Норд в области библейского перевода

В данном разделе мы попытаемся оценить перспективы использования теории скопоса в области библейского перевода. Прежде всего, следует отметить, что функционалистский подход ориентирован на переводческую практику и основывается на богатом опыте научной и педагогической деятельности многих ученых. Так, Кристиана Норд на протяжении нескольких десятилетий занималась подготовкой будущих переводчиков в различных университетах Германии, реализовывая свои теоретические построения на практике. В 1997 г. вышел новый перевод на немецкий язык корпуса раннехристианской литературы, который эта немецкая исследовательница осуществила вместе со своим супругом, известным немецким библеистом Клаусом Бергером. Были переведены не только новозаветные тексты, но и ряд других памятников раннехристианской письменности²³⁹. Выбранную ими стратегию авторы перевода назвали «понятная инаковость» (*othernessunderstood*)²⁴⁰. Они стремились не только показать принадлежность текста иной культуре (как М. Бубер и Ф. Розенцвейг), но и сделать эту инаковость понятной. Некоторые идеи из модели Норд были применены в ряде библейских переводческих проектов²⁴¹. Ниже мы покажем, что теория скопоса

²³⁹ *Das Neue Testament und frühchristliche Schriften, neu übersetzt und kommentiert* / Ed. by K. Berger, C. Nord. - Frankfurt: Insel Verlag, 1999.

²⁴⁰ Подробнее о концепции Норд и Бергера см. *Nord, Ch. Making Otherness Accessible. Functionality and Skopos in the Translation of New Testament Texts* / Ch. Nord // *Meta: journaldestraducteurs*. – 2005. – Vol. 50:3. – P. 868-880.

²⁴¹ Так, в качестве основного функционалистский подход К. Норд был выбран для создания нового перевода Библии на язык африкаанс. См. *Van der Merwe, Ch. The Bible in Afrikaans: a Direct Translation – a New Type of Church Bible* / Ch. van der Merwe // *HTS Theologiese Studies - Theological Studies* 68:1. - Art. #1204, 8 pages. – Mode of access: [http:// dx.doi.org/10.4102/hts.v68i1.1204](http://dx.doi.org/10.4102/hts.v68i1.1204). – Date of access: 25.07.2013.

вполне применима к переводу библейских текстов и покажем, как отдельные ее аспекты могут быть реализованы на практике.

2.4.1. Анализ коммуникативной ситуации перевода

Как уже было сказано в 2.2.9, большое значение в функционализме придается анализу экстратекстуальных факторов, которые оказывают влияние на функционирование текста. Такой анализ позволяет переводчику выработать целостную стратегию, которая бы учитывала условия функциональности переводного текста в данной коммуникативной ситуации. Понимание того, что адекватность перевода определяется требованиями конкретной коммуникативной ситуации, а не абстрактными принципами «верности», «точности», открывает новые перспективы при реализации конкретного переводческого проекта. Функционалистский подход позволяет переводчикам принимать решения, обоснованные не личными предпочтениями, а объективными требованиями коммуникативной ситуации. Это требует тщательного анализа совокупности прагматических и герменевтических факторов данной коммуникативной ситуации. На основании именно подобного анализа принимаются все последующие решения в процессе перевода на макро- и на микроуровнях. Конечно, это не означает, что из процесса перевода изгоняется интуитивные прозрения, поскольку одну и ту же переводческую проблему в данной коммуникативной ситуации можно будет решать совершенно по-разному. Это дает возможность переводчику проявить не только свои профессиональные навыки, но и творческие способности.

К примеру, при создании церковного перевода нужно учитывать, что он будет использоваться, прежде всего, в литургическом контексте. Основная аудитория такого перевода – верующие определенной конфессии, у которых существуют определенные богословские представления и герменевтические предпосылки, из которых они исходят при прочтении библейского текста. Переводчику следует проанализировать эти предпосылки, что поможет ему при решении конкретных переводческих проблем. Кроме того, следует

определить особенности языковой ситуации внутри данной конфессии, требования богослужебной традиции (например, особое внимание к звучанию текста), а также ряд других параметров.

2.4.2. Зависимость стратегии перевода от особенностей коммуникативной ситуации

Поскольку выбор типа перевода зависит от требований конкретной коммуникативной ситуации, то не существует универсальной стратегии перевода библейских текстов. При переводе религиозных текстов оригинал имеет намного большее значение, чем при переводе, например, рекламных текстов, а потому в данном случае часто выбирается документальный тип перевода. Однако такой выбор не является единственно возможным: в ряде случаев может потребоваться инструментальный перевод. Ни один из подходов не может быть универсальным, поскольку в ряде общин документальный перевод Библии не будет рассматриваться в качестве адекватного. Даже внутри одной общины могут требоваться самые разные типы переводов для различных коммуникативных целей. Все это означает, что решение относительно типа перевода должно быть основано на предполагаемой функции перевода, указанной в переводческом задании.

2.4.3. Оценка переводов

Теория скопоса позволяет более реально, нежели лингвистические подходы, подойти к оценке существующего многообразия переводов. Поскольку не существует «идеального» перевода, пригодного на все времена и во всех ситуациях, то при прочтении и анализе переводного текста всегда следует учитывать цели перевода и особенности его коммуникативной ситуации. Как не существует универсальных коммуникативных ситуаций, так не может и существовать неких универсальных критериев оценки перевода. Качество перевода должно оцениваться в зависимости от того, насколько выбранные стратегии перевода помогают достичь поставленной цели и

позволяют переводу полноценно функционировать в определенном контексте. В разных коммуникативных ситуациях могут быть разные требования к переводу, а потому требуются разные критерии его создания и оценки. Это позволяет избежать неоправданной критики переводчиков и их переводов. Так, если один перевод утверждает, что он (в силу действия разных факторов) стремится к столь возможно полной передаче лексических особенностей оригинала, то именно с позиции близости к форме оригинала его и следует оценивать. Но было бы глупо подходить с таким же критерием оценки к переводу, который ставит перед собой иные цели. С разными критериями следует подходить к оценке, например, литургического, художественного, филологического, миссионерского и других переводов Библии. По-разному будут оцениваться и переводы, сделанные, с одной стороны, для народов с давней церковной и литературной традицией и, с другой стороны, для людей, не имевших до недавнего времени письменности. Таким образом, оценивать переводы следует в соответствии с известными и эксплицитными критериями, установленными переводчиками на основе анализа коммуникативной ситуации. Как отмечает А. С. Десницкий, «основная и бесспорная заслуга теории скопоса состоит в том, что она предложила твердые основания для теоретического анализа всего спектра переводов, заведомо не ставя одни из них в положение правильных (как теория функционального эквивалента) и дала возможность осознанно выбирать между моделями, а также оценивать каждый перевод по подходящим ему критериям»²⁴².

2.4.4. Целевая аудитория в роли инициатора и адресата

Большое значение для создания нового перевода имеет переводческое задание, которое формулирует инициатор (заказчик) перевода. На практике один и тот же человек или группа может выполнять несколько коммуникативных ролей. Например, автор оригинального текста, реципиент перевода или даже сам переводчик могут выступать в качестве инициатора

²⁴²Десницкий А.С. Современный библейский перевод... С. 98.

перевода. В случае перевода Библии в качестве инициатора может выступать религиозная община, которая также будет и адресатом перевода.

Если община является адресатом перевода, но не является его инициатором, то это означает, что она играет пассивную роль в переводческом процессе, не участвуя в непосредственном принятии решений. Община не контролирует концептуализацию проекта, критерии его адекватности, предоставляя эту возможность либо инициатору, либо самому переводчику.

Если община является одновременно инициатором и адресатом перевода, то она более активна и сама определяет видение перевода, самостоятельно формулируя переводческое задание. Таким образом, община вовлечена в планирование, исполнение и оценку переводческого процесса. Такое активное участие общины в переводческом процессе позволяет переводчику лучше понять т.н. субъективные теории (языковые и переводческие) конкретной общины²⁴³. Роль инициатора дает религиозной общине возможность формировать переводческое задание и принимать активное участие в обсуждении скопоса вместе с переводческой командой.

2.4.5. Этические требования: принцип лояльности

Во многом благодаря функционалистскому подходу в переводоведении стали говорить об этике перевода. Введенный К. Норд этический принцип лояльности требует от переводчиков учитывать интересы всех участников переводческой коммуникации. Это означает, что переводчик должен оправдывать ожидания целевой аудитории, не нарушая при этом интенций автора оригинального текста. Именно поэтому ее функционалистский подход столь ценен для переводчиков Библии. Теория скопоса позволяет соблюсти баланс интересов всех участников переводческой коммуникации. В приложении к библейскому переводу это означает, что переводчик, после тщательного анализа, должен определить, насколько требования переводческого задания совместимы с интенциями авторов библейских книг.

²⁴³ Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 55-57

Переводчики Библии также должны с предельным вниманием отнестись к различным церковным традициям и особенностям восприятия библейского текста конкретной общиной, поскольку иногда необходимо пожертвовать научным аспектом перевода в пользу варианта, более приемлемого в данной аудитории.

2.4.6. Переводческая компетенция

Благодаря функционализму новый статус приобрели переводчики, которые до того воспринимались лишь в качестве технических работников. Представители функционалистского подхода говорили о том, что переводчик является одним из важнейших участников переводческой коммуникации, который рассматривается в качестве эксперта в переводческом процессе, оснащенного необходимыми навыками, которые требуются для создания функционального перевода. Переводчик рассматривается не как простой передатчик информации, но как создатель нового текста для новой коммуникативной ситуации.

Функционалистский подход расширил представление о переводческой компетенции. От переводчика требуется не только глубокая лингвистическая компетенция и умение создавать тексты на языке перевода: он также должен иметь глубокие знания о культуре оригинального и переводного текстов, навыки анализа коммуникативной ситуации, определения функциональных элементов, а также владение методологии передачи этих элементов в новой коммуникативной ситуации.

Очень часто переводом Библии занимаются люди, тем или иным образом связанные с исследованием библейского текста - это могут быть библеисты, специалисты в области древней филологии, богословы. Однако все эти люди, будучи профессионалами в своей сфере, как правило, не обладают необходимыми переводческими компетенциями. С другой стороны, профессиональный переводчик может не обладать необходимыми знаниями в области библеистики. Именно поэтому сегодня переводом Библии занимаются,

прежде всего, переводческие команды, которые состоят из специалистов разного профиля: профессиональные переводчики, библеисты, филологи, культурологи, литераторы.

2.4.7. Использование функционалистского подхода в современных переводческих проектах

Несмотря на ряд критических замечаний, теория скопоса признана одной из наиболее влиятельных теорий в области переводоведения. В последнее десятилетие появился ряд работ (диссертаций и отдельных статей), в которых функционалистский подход принят в качестве базового. Так, в 2008 г. в университете Стелленбоса (ЮАР) Дифус Чеморион защитил диссертацию «Перевод прозы и поэзии в книге Ионы. Совместная работа над переводом Библии»²⁴⁴. Автор данного исследования показал перспективы использования функционалистского подхода при создании нового библейского перевода на примере одного из африканских языков. Еще одна важная работа – неопубликованная докторская диссертация Энди Чеюнга «Функционализм и отчуждение: применение теории скопоса к библейскому переводу», защищенная в 2011 г. в университете Бирмингема²⁴⁵. Автор исследует принципы теории скопоса и возможность ее использования в практике библейского перевода. Чеюнг рассматривает практику библейского перевода в контексте современного переводоведения и предлагает новый отчуждающий перевод некоторых отрывков из послания ап. Павла к Римлянам (1:1-15; 15:14-16:27), а также сопровождает его соответствующими комментариями.

Отдельные идеи теории скопоса стали интегральной частью некоторых современных теоретических моделей. Так, хотя Э. Уэндленд и говорит о том, что его теория литературно-функционального эквивалента является развитием

²⁴⁴ *Chemorion, D.* Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot. Toward a Participatory Approach to Bible Translation (PABT): a dissertation... doctor of theology / A. Chemorion. – Stellenbosch, 2008. – 318 p.

²⁴⁵ *Cheung, A.* Functionalism and Foreignization: Applying Skopos Theory to Bible Translation: a thesis... doctor of philosophy / A. Cheung. – Birmingham, 2011. - 310 p.

функционального эквивалента Ю. Найды, но важное место в ней занимает понятие скопоса (см. 1.2.10).

Функционалистский подход взят за основу в ряде переводческих организаций и при реализации конкретных проектов по переводу Библии во всем мире. Так, в качестве основной теоретической модели функционалистский подход был использован комиссией по созданию нового перевода Библии на язык африкаанс (ЮАР)²⁴⁶. Следует отметить, что именно в африканских и азиатских странах теория библейского перевода развивается особо интенсивно. Прежде всего, это связано с необходимостью создания новых переводов Библии на языки народов, населяющие эти страны. Старые переводы, создававшиеся часто еще в XIX в., в т.н. «миссионерскую» эпоху, более не могут удовлетворять потребности, христианских общин этих стран. В связи с практической необходимостью создания новых переводов развивается и теория перевода, которая занимается осмыслением природы и принципов перевода. Также теория скопоса активно используется в Институте перевода Библии (Москва, Россия). Поскольку в последнее время на канонической территории Русской Православной Церкви ведется подготовка или уже идет работа по переводу Библии на различные языки, то теория скопоса может быть весьма полезной и в рамках этих проектов.

Отметим также, что теория скопоса открывает новые возможности не только для переводчиков Библии. Весьма перспективной она может оказаться и в исследованиях как уже существующих переводов Библии, так и при анализе собственно библейского текста. Исследований в этой области еще очень мало, здесь мы укажем лишь возможные области взаимодействия между теорией перевода и собственно библеистикой. Функционалистский подход может помочь исследователям переводов отойти от исследований исключительно лингвистического характера, к исследованию более широкого проблемного

²⁴⁶См. *Van der Merwe, Ch. The Bible in Afrikaans: a Direct Translation – a New Type of Church Bible / Ch. van der Merwe // HTS Teologiese Studies- Theological Studies 68:1. - Art. #1204, 8 pages. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.4102/hts.v68i1.1204>. – Date of access: 25.07.2013.; *Van der Merwe, Ch. A New Translation of the Bible into Afrikaans: a Theoretical and Practical Orientation / Ch. Van der Merwe // Dutch Reformed Theological Journal. – 2003. – Vol. 44. – P. 550-567.**

поля - к вопросам функции перевода в культуре и обусловленности этим лингвистического выбора. Перспективными могут оказаться исследования идеологии переводчиков, которые определяли их переводческую методологию²⁴⁷. Анализировать идеологические аспекты перевода можно, исходя из следующих основных вопросов: кто переводит, что переводит, с какой целью, для кого и как? Таким образом, только изучая функцию перевода в его уникальных культурных и исторических обстоятельствах, мы можем объяснить ту специфическую лингвистическую форму, которая свойственна данному переводу. В одной из своих статей мы рассматриваем перевод Танаха на немецкий язык, осуществленный М. Бубером и Ф. Розенцвейгом²⁴⁸. Мы показываем, как особенность коммуникативной ситуации немецких евреев первой половины XX в., а также философские и богословские воззрения авторов перевода повлияли на методологию перевода. Такой же подход к анализу уже существующих переводов мы встретили в статье Куо-Вей Пенг «Размышления о будущем китайском переводе Библии. Функционалистский подход»²⁴⁹. Автор статьи пытается решить вопрос, каким должен быть новый перевод Библии на китайский язык и в поисках ответа анализирует целый ряд переводов, созданных в Китае. При этом исходит он из тех же позиций, что и мы при анализе перевода Бубера и Розенцвейга.

Очевидно, что новые перспективы открываются и для исследователей древних переводов, таких как Септуагинта, Пешитта, Вульгата. На наш взгляд, здесь может открыться поле для встречи и взаимодействия библеистов и теоретиков перевода. Насколько нам известно, впервые о перспективности такого взаимодействия заговорил ван дер Лоу на конференции, посвященной

²⁴⁷См. Voth, S. Towards an Ethic of liberation for Bible Translation; Part 1: Ideology / S. Voth / Mode of access: <http://sbl-site.org/publications/arti-cle.aspx?articleId=754>. – Date of access: 23.01.2012. Под идеологией в данном случае понимается «любой набор убеждений или идей, который несет на себе отпечаток социальной реальности; эти идеи переживаются как фундаментальные или всеобщие и играют нормативную роль» (Nord, Ch. The One and Only Version for Salvation? Ideological Aspects of Bible Translation. P. 1 / Ch. Nord / Mode of access: http://translation.hau.gr/telamon/files/Christiane%20Nord%20%20Athens_talk_en.pdf. – Date of access: 23.01.2012).

²⁴⁸ См. Самков М., *свящ.* Идеология и перевод Библии. Перевод Бубера и Розенцвейга / М. Самков // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования» - 2012. – Вып. 3. - С. 127-140.

²⁴⁹Kuo-Wei, P. Contemplating the Future of Chinese Bible Translation: A Functionalist Approach / P. Kuo-Wei // The Bible Translator. – 2012. - Vol. 63:1. – P. 1-16.

изучению Септуагинты, которая проходила в Лейдене в 2004 г.²⁵⁰. В своем докладе он проанализировал теоретические модели современного переводоведения и указал, какие из них могли бы, по его мнению, принести наибольшую пользу исследователям Септуагинты. В числе прочих перспективных подходов был назван и функционалистский. В 2006 году вышла диссертация этого исследователя «Трансформации в Септуагинте: перспективы взаимодействия исследований Септуагинты и переводоведения», в которой он пытается применить достижения современной теории перевода к исследованиям Септуагинты (текст данного исследования был нам недоступен). На традиционной конференции, посвященной исследованиям Септуагинты, которая в 2007 году проходила в Любляне, Райя Солламо сделала первые практические шаги в направлении, указанном в упомянутой статье ван дер Лоу²⁵¹. В своей статье «Использование Павлом Писания в свете переводоведения» Рой Чиампа использует ряд современных теорий перевода, исследуя то, как ап. Павел использовал тексты Священного Писания в своих посланиях²⁵².

Как видим, многие ученые говорят о перспективности междисциплинарных исследований в области библеистики и современной теории перевода. Впрочем, здесь предстоит намного больше сделать, чем сделано на данный момент. Более того, можно сказать, что сколько-нибудь серьезная исследовательская работа в данном направлении еще и не начиналась. Поэтому для библеистов здесь открывается новое широкое поле для исследований.

²⁵⁰ Сборник материалов этой конференции был издан в 2006 году. См. *Van der Louw, Th. Approaches in Translation Studies and Their Use for the Study of the Septuagint / Th. Van der Louw // XII Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies / Ed. By Melvin K.H. Peters, Leiden, 2004 / Ed. by Melvin K. H. Peters. - Brill: Leiden-Boston, 2006. - P. 17-28.*

²⁵¹ *Sollamo, R. Translation Technique and Translation Studies: The Problem of Translation Universals / R. Sollamo / XIII Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies, Ljubljana, 2007 // Ed. by K. H. Peters. - Atlanta: Society of Biblical Literature, 2008. - P. 339-351.*

²⁵² *Ciampa, R. Approaching Paul's Use of Scripture...*

Далее в своей работе мы попытаемся показать, как функционалистский подход может быть использован при создании нового перевода Библии. Попробуем разобраться, как «работает» теория скопоса на практике.

ГЛАВА 3. ПРОЕКТ «НОВАЯ БЕЛАРУСКАЯ БІБЛІЯ». НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ПЕРЕВОДА И ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА КНИГИ ИОНЫ

3.1. Формулировка переводческого задания

Любая теория может доказать свою эффективность лишь на практике. В данной главе мы покажем, как функционалистский подход может быть использован при реализации конкретного переводческого проекта. Основываясь на материале предшествующих разделов, мы попытаемся применить основные принципы функционализма при работе над переводом ветхозаветной книги Ионы на белорусский язык. Мы опишем реальную переводческую ситуацию и особенности концепции перевода, проанализируем оригинальный текст, особенности коммуникативной ситуации переводного текста.

В октябре 2010 г. в Минске прошла конференция «Шмат традыцыяў – адна мова», во время которой впервые зашла речь о необходимости создания нового перевода Библии на белорусский язык. Участники конференции отмечали, что белорусский язык является единственным европейским языком, который до настоящего времени не имеет полного перевода Библии, выполненного с оригинальных языков. В 2012 г. в рамках работы II Международного конгресса исследователей Беларуси, была создана рабочая группа. Новый переводческий проект получил название «Новая беларуская Біблія» (далее - НББ). Осенью того же года участники рабочей группы представили свое видение нового перевода на заседании Белорусского библейского общества (ББО). Проект с интересом был встречен многими членами ББО, хотя вплоть до настоящего момента не принято окончательное решение о том, готова ли эта организация координировать данный проект.

Поскольку не решены основные организационные и финансовые проблемы, переводческая группа не может полноценно приступить к своей непосредственной деятельности. Однако работа не останавливается: на данный момент идет обсуждение и детальная разработка концепции перевода и определяется план работы на ближайшее время. Автор данного исследования также является одним из участников проекта НББ, поэтому мы рассматриваем своё диссертационное исследование как вклад в создание нового перевода Библии. Свою основную задачу на данном этапе мы видим в детальной разработке концепции и основных методологических принципов перевода.

Основываясь на сформулированной в ноябре 2012 г. «Концепции нового перевода Библии на белорусский язык»²⁵³, мы сформулируем переводческое задание нового переводческого проекта. Исходя из параметров, заданных переводческим заданием, мы попытаемся разработать основные требования к новому переводу и те методологические принципы, которыми могла бы руководствоваться рабочая группа. Для того, чтобы показать, как функционалистский подход работает на практике, мы выбрали библейскую книгу Ионы. Выбор именно этого произведения объясняется следующими причинами: 1) ветхозаветные книги практически не переводились на белорусский язык; 2) книга Ионы является одной из самых коротких книг Ветхого Завета, поэтому с ней удобно работать в рамках исследования; 3) в книге присутствуют как повествовательные, так и поэтические элементы, что позволяет опробовать методологию перевода на материале, принадлежащем разным жанрам. После разработки основных требований к новому переводу, мы проведем детальный переводоведческий анализ текста книги Ионы, а также предложим свой перевод этой книги на белорусский язык и сопутствующие комментарии. В комментариях мы покажем, как коммуникативная функция перевода и герменевтические предпосылки аудитории влияют на принятие переводческих решений.

²⁵³ Сам документ см. в Приложении А.

Основываясь на информации, изложенной в «Концепции нового перевода Библии», мы можем сформулировать следующее переводческое задание.

Нетеоретическая формулировка: создать новый перевод Библии для на белорусский язык, который мог бы использоваться как для индивидуального чтения, так и в образовательных целях.

Теоретическая формулировка: Новый перевод призван дополнить существующие конфессиональные переводы и должен способствовать более глубокому и всестороннему пониманию Библии белорусским читателем, вне зависимости от степени его воцерковленности. Такой перевод должен отражать литературные особенности библейского текста и восприниматься как художественное произведение. При этом читатель должен осознавать, что текст принадлежит иной культуре, а потому в переводе должны быть отражены особенности культуры оригинального текста.

Аудитория: представители разных конфессий, академическое и интеллектуальное сообщество, литераторы, представители гуманитарных дисциплин.

Функция текста: перевод будет использоваться для индивидуального чтения, в образовательных целях, при цитировании в литературных произведениях.

Время и место использования: образовательные учреждения, домашнее чтение, учреждения культуры.

Средство передачи: книжное издание с иллюстрациями, с минимум подстрочных ссылок и комментариев, с введением к каждой книге. Возможно создание аудио-варианта.

Мотивы: созданные к настоящему времени переводы Библии на белорусский язык не удовлетворяют требованиям современного литературного белорусского языка, а также требованиям современной науки и созданы, как правило, внутри определенных конфессиональных традиций, что не позволяет им стать общенациональными.

Основные требования:

- 1) перевод должен осуществляться с оригинальных языков (еврейский, арамейский, греческий);
- 2) перевод основывается на текстологических источниках, принятых в современной библейской науке (*BibliaHebraicaStuttgartensia*, *BibliaHebraicaQuinta*, 28-е издание Nestle-Aland);
- 3) перевод стремится к максимально полной передаче смысла оригинального текста с учетом достижений современной лингвистики, истории, культурной антропологии, литературоведения, переводоведения и др.;
- 4) перевод стремится передать художественные качества библейского текста с учетом жанровых и стилистических особенностей оригинала;
- 5) перевод осуществляется на современный литературный белорусский язык и при этом опирается на авторитетные мнения представителей белорусской интеллектуальной и творческой элиты;
- 6) перевод создается коллегиально группой учёных, компетентных в разных сферах библеистики (представителей новозаветной и ветхозаветной библеистики, габраистов, филологов-классиков, богословов разных конфессий), а также белорусских лингвистов и литераторов.

Выше мы уже отмечали, что та информация, которая дается переводчику в переводческом задании еще не позволяет ему создать функционально адекватный перевод. Созданию такого перевода должен предшествовать по возможности тщательный анализ всех аспектов коммуникативной ситуации, что предполагает тщательное исследование прагматических, социокультурных, герменевтических и других экстратекстуальных факторов. Следует проанализировать основные характеристики целевой аудитории, тех предпосылок, из которых она исходит при восприятии и интерпретации текста, особенности той ситуации, в которой текст будет функционировать. На

основании подобного анализа можно разработать инструкции и рекомендации, которым переводчик будет следовать непосредственно в процессе перевода. Это позволит переводчику при встрече с конкретной переводческой проблемой принимать обоснованные решения и таким образом создать перевод, который будет адекватно функционировать в конкретной коммуникативной ситуации. Поэтому следующий наш шаг – анализ коммуникативной ситуации перевода.

3.2. Анализ коммуникативной ситуации перевода

В данном разделе мы проведем переводческий анализ коммуникативной ситуации нового перевода Библии на белорусский язык. Коммуникативная ситуация перевода – это совокупность параметров, которые определяют функционирование переводного текста в данном месте и в данное время. Всякий перевод как коммуникативный акт (т.е. создание переводного текста и его рецепция аудиторией) происходит внутри различных «рамок» (*frames*), которые влияют на все аспекты репрезентации и рецепции текста: на его создание, передачу и понимание. Существуют культурные, институциональные, религиозные, физические, социолингвистические и психологические факторы, которые формируют «когнитивные рамки» (*cognitiveframeworks*) коммуникативной ситуации. Тщательный анализ основных параметров коммуникативной ситуации перевода, определяющих ее специфику, позволит нам разработать конкретные методологические рекомендации, которым могут следовать переводчики.

Самым важным элементом такого анализа является предполагаемая аудитория перевода. Долгое время в теории перевода этому фактору не уделяли должного внимания. Акт коммуникации рассматривался как односторонний процесс передачи информации: от автора/переводчика – к аудитории, которая пассивно принимает текст. Современные теории перевода говорят о том, что все стороны коммуникации выполняют в ней активные, хотя и различные

функции. Аудитория не только воспринимает текст, но привносит в него свои собственные ожидания, ценности, нормы, предположения, опыт, перспективы, когнитивные рамки. Таким образом, аудитория оказывает большое влияние на то сообщение, которое она принимает и на которое определенным образом отвечает. Это означает, что при планировании перевода мы должны учитывать ожидания аудитории, поскольку именно они определяют, будет ли перевод воспринят как адекватный или нет. В свою очередь, ожидания аудитории перевода определяются действующими социальными, культурными, языковыми и переводческими нормами. Кроме того, при переводе библейских текстов особую роль будут играть богословские и герменевтические предпосылки, из которых исходит данная аудитория при прочтении Библии.

Все это означает, что необходимо исследовать основные характеристики аудитории перевода, ее богословские и герменевтические предпосылки. Кроме того, нам следует проанализировать особенности конфессиональной и языковой ситуации, которая сложилась в современной Беларуси. Важно также сказать о традиции переводов Библии на белорусский язык. Анализ коммуникативной ситуации предполагает также определение производителей перевода, формулирование социальных целей перевода, обсуждение организационных вопросов и рецензирования текстов. Ограниченный объем данного исследования заставляет нас опустить детали анализа, касающиеся организационных вопросов.

3.2.1. Целевая аудитория и социальные функции перевода

Как видно из переводческого задания, приведенного в предыдущем разделе, НББ предназначен для широкого круга читателей: верующие разных конфессий, представители гуманитарных дисциплин, читатели, не принадлежащие к первым двум категориям. Перевод не предназначен для специалистов-богословов и библеистов, которым доступны как оригинальные тексты, так и различного рода научные комментарии. Последняя группа

читателей, как правило, знакома с историческим, культурным, социальным контекстом оригинального текста.

Важно также отметить, что несмотря на достаточно широкую аудиторию, приоритетный статус имеют читатели, принадлежащие к христианским конфессиям. При этом данный перевод не будет иметь литургического статуса, поскольку в каждой из основных христианских конфессий существуют свои переводческие проекты, цель которых – создание литургического перевода Библии. Конфессиональные библейские комиссии следуют таким принципам и исходят из таких предпосылок, которые делают данные переводы адекватными только в рамках одной конфессии. Проект НББ, как утверждают его участники, стремится к созданию общенационального перевода, который предназначен для всех белорусов независимо от их конфессиональной принадлежности. Хотя перевод не принадлежит ни одной из конфессий, он должен учитывать особенности многовековой христианской традиции, существующей на территории Беларуси. Это позволит переводу быть приемлемым для представителей основных христианских конфессий – Православной и Католической Церкви. Но при этом перевод должен быть приемлемым и для читателей, не отождествляющих себя с какой-либо конфессией, но которые, тем не менее, в какой-то степени знакомы с христианской традицией.

В переводе следует использовать т.н. немаркированную лексику, которая бы не ассоциировалась непосредственно с какой-либо одной из существующих конфессий. При таком подходе необходимо избегать церковнославянизмов (характерных для православных переводов Библии), а также полонизмов (присущих католическим переводам): переводчики должны стремиться к использованию наиболее распространенной и общеупотребительной лексики. Так, греческое слово *κύριος* в православных переводах передается как «Гасподзь», «Госпад», в католических – «Пан». Первый и третий варианты являются конфессионально маркированными, в то время как форма «Госпад» не будет вызывать возражений у представителей различных конфессий.

3.2.2. Герменевтические предпосылки и ожидания аудитории

Любой переводной текст создается внутри определенного социокультурного контекста, важной частью которого является аудитория перевода. В любой культуре существуют определенные нормы, регулирующие процесс прочтения и оценки переводного текста. Переводческие нормы определяют, какой перевод будет считаться адекватным или неадекватным в данной коммуникативной ситуации. Нормы могут быть общими для всего социума или частными (специфическими), присущими отдельным группам данного общества. Сами нормы формируются совокупностью разных факторов, важнейшим из которых является совокупность герменевтических предпосылок данной аудитории. Анализ герменевтических принципов, из которых исходит та или иная аудитория при прочтении текста позволяет переводчику корректно определить переводческую стратегию и принимать взвешенные и обоснованные решения переводческих проблем, которые позволяют создать функциональный перевод. Также следует учитывать, что переводчик является первичным реципиентом оригинального текста, а также создателем переводного текста. Это означает, что его герменевтические предпосылки будут также играть важную роль в создании облика перевода.

Безусловно, ограниченные рамки данного исследования не позволяют нам подробно обсудить все те предпосылки и ожидания, с которыми подходит к прочтению Библии наша основная целевая аудитория. Кроме того, следует учитывать, что чем более разнообразен и менее специфичен состав аудитории, тем сложнее исследователю говорить о герменевтических предпосылках и ожиданиях. Намного легче определить герменевтические принципы, действующие в рамках одной традиции, чем определять их в нескольких группах. Чем специфичнее аудитория, чем более узкими являются рамки целевой аудитории, тем легче выделить какие-то особенности. Чем более инклюзивной становится аудитория, чем более широким становится ее круг, тем меньшим становится количество мотивов и предпосылок, общих для всех. Сложно найти те общие принципы, которые существуют между разными

группами, но именно эти принципы будут обеспечивать функциональность перевода для представителей разных конфессий. То, что характерно для одной аудитории, не обязательно справедливо относительно другой. Поскольку наша основная целевая аудитория достаточно разнообразна, то мы попытаемся выделить те предпосылки и принципы, определяющие параметры адекватности перевода, которые будут общими для всех.

3.2.2.1. Статус текста

Мы уже говорили, что наша первичная аудитория – это представители разных христианских конфессий. К вторичной целевой аудитории мы отнесли людей, не ассоциирующих себя с какой-либо христианской традицией, но которые осознают свою принадлежность к христианской культуре. Это означает, что для большей части нашей целевой аудитории Библия является Священным Писанием, т.е. авторитетным текстом, который имеет высокую богословскую ценность и который руководит жизнями людей. Если же мы говорим о вторичной целевой аудитории, то внутри нее Библия скорее будет восприниматься как авторитетный сборник древних ближневосточных текстов, который не имеет сакрального статуса, но который, тем не менее, сохраняет актуальность.

3.2.2.2. Взаимоотношения Ветхого Завета и Нового Завета

Важным является вопрос о взаимоотношении двух частей Библии - Ветхого и Нового Заветов. На протяжении столетий формировались разнообразные герменевтические модели, описывавшие взаимоотношения между двумя корпусами текстов: конфликтная («маркионовская»), типологическая, аллегорическая, «обетование - исполнение», «история спасения», диалогическая²⁵⁴. Выбор той или иной модели будет влиять на практические решения, принимаемые переводчиком.

²⁵⁴См. *Grilli, M.* Quale rapporto tra i due Testamenti? Riflessione critica sui modelli ermeneutica classici concernenti l'unità delle Scritture / *M. Grilli.* – Bologna, 2007. – 224 p.; *Scaiola, D.* Il Nuovo Testamento è nascosto nell'Antico e

То, что христиане называют «Ветхим Заветом», в иудейской традиции называется Танахом. Когда переводят Танах, то учитывают уникальность, неповторимость этих древнееврейских текстов, их независимость от христианской традиции. Термин «Ветхий Завет» указывает на определенное единство этого корпуса текстов с «Новым Заветом». Но какова эта связь? Типологическая и аллегорическая модели говорят о несамостоятельности ветхозаветных текстов, который утрачивает свою самостоятельность и «одомашнивается» в христианской среде. Создается впечатление, что существование Ветхого Завета оправдывается только Новым Заветом, предназначение первого – лишь в том, чтобы указывать и предугадывать реальность второго. При этом теряется уникальное послание самого Ветхого Завета, обращенного к читателям другой эпохи и совершенно иной культуры. В трех других моделях («обетование - исполнение», «история спасения», диалогическая) Ветхий Завет приобретает (в разной степени) большую самостоятельность, подчеркивается его культурная и богословская уникальность.

Переводчики должны помочь современному читателю увидеть ценность и своеобразие Ветхого Завета, уважать его *инаковость*. Единство между двумя Заветами должно основываться на взаимном признании, без какой-либо ассимиляции и редукции. Именно поэтому мы выбираем так называемую «диалогическую» модель, в которой за каждым из заветов сохраняется его уникальность и своеобразие.

От выбора герменевтической модели будут зависеть дальнейшие шаги переводчиков на практическом уровне. Например, как переводить имя Божие יהוה на белорусский язык: «Ягвэ», «Адонай», «Госпад»? Слово «Госпад» - традиционный способ перевода Имени Божьего, который будет вполне приемлемым в христианской традиции. Передача Имени как «Ягвэ» может подчеркивать отличие древнеизраильской религиозной традиции от

христианской. Следует ли слово $\pi\eta\gamma$ в Быт 1:2 при переводе с еврейского передавать как «дух» или как «Дух»? Первый вариант передает особенности концептуального мира ветхозаветной эпохи, подчеркивает уникальность той культуры; второй вариант отражает христианское прочтение этого текста, которое согласовано с догматикой Церкви, но при этом затемняет своеобразие мира древнего Израиля.

3.2.2.3. Восприятие текста: отчуждение или одомашнивание

Многовековая традиция литургического использования библейского текста, его интерпретации, а также частое обращение к нему в литературе «одомашнили» Библию. Многим христианам трудно увидеть, что Библия создавалась в совершенно другой, отличной от нашей, культуре.

Новый перевод должен помочь христианам взглянуть на библейский текст по-новому, почувствовать его принадлежность иной культуре, иному времени и пространству. В свое время с подобной проблемой столкнулись М. Бубер и Ф. Розенцвейг, о чем мы уже говорили в параграфе 1.2.1. Однако в нашем случае задача переводчика - не шокировать аудиторию, а попытаться сделать явной современному белорусскому читателю культурную и концептуальную матрицу, в которой возник библейский текст. Большая часть предполагаемой аудитории перевода не знакома с культурой оригинала. Перевод должен подчеркнуть инаковость текста особенно в тех случаях, где многие существующие переводы делают культурную дистанцию irrelevantной и даже несуществующей.

Современная аудитория привыкла во многом смотреть на остальной мир сквозь призму своей системы ценностей и культурных установок. Потому так важно было подчеркнуть принадлежность переводимых текстов совершенно другой культуре, от которой нас отделяет огромное расстояние во времени и пространстве. Безусловно, перевод должен быть понятен читателю. Но для того, чтобы сделать его доступным современной аудитории, переводчик вовсе не обязан подчинять текст оригинала вкусам и ценностям целевой культуры.

Наоборот, он должен помочь по-новому взглянуть на ставший привычным текст, научить уважать его инаковость. Этого можно достичь при помощи разных средств, снабдив, например, текст разнообразными паратекстуальными средствами: подстрочными примечаниями, краткими комментариями, вводными разделами. Подобного же эффекта можно достичь при помощи введения в текст перевода той информации, которая была частью культурного знания оригинальной аудитории, но неизвестной большинству современных читателей. Такая интенция переводчиков будет соответствовать референциальной коммуникативной функции перевода.

3.2.2.4. Ожидания от нового перевода и его взаимоотношения с прежними переводами.

Следует учитывать, что основная аудитория нашего перевода уже имеет опыт прочтения Библии на белорусском или русском языках (в последнем случае это будет, скорее всего, Синодальный перевод). Кроме того, у представителей христианских конфессий имеется в распоряжении официальные литургические тексты, а потому новый перевод должен быть не заменой, а дополнением к уже существующим переводам.

Каковы у читателей могут быть мотивы для чтения нового перевода? Неудовлетворенность существующими переводами может быть обусловлена тем, что часто переводы достаточно буквальны и не всегда следуют нормам современного белорусского языка. Кроме того, существующие переводы, как правило, не передают художественные аспекты оригинального текста. Поэтому у многих читателей совершенно отсутствует представление о том, что библейские тексты обладают высокой художественной ценностью. Библейские авторы достигают своих богословских целей при помощи самых разнообразных стилистических и риторических средств. Новый перевод должен репрезентировать эти литературные аспекты оригинального текста.

3.2.2.5. Актуальность для современного читателя

Поскольку целевая аудитория относится к Библии как к Священному Писанию, либо как к авторитетной книге христианской традиции, данные тексты продолжают сохранять актуальность для своих читателей. Новый перевод должен показывать, где библейские тексты, несмотря на свою древность и принадлежность другой культуре, могут сказать нечто людям, живущим в современной культуре. Это разновидность апеллятивной функции, которую можно назвать непрямой апеллятивной функцией (определенная реализация референциальной функции, при которой внимание читателей обращено к аналогиям между их собственной культурой и культурой текста). На первый взгляд, две интенции – показать «инаковость» текста и его актуальность – противоречат друг другу. Однако, как показывает опыт перевода самой К. Норд, такое сочетание вполне возможно²⁵⁵.

3.2.3. Анализ языковой ситуации в Республике Беларусь

3.2.3.1. Статус белорусского языка в Республике Беларусь

Одним из важнейших параметров коммуникативной ситуации нового перевода Библии является статус белорусского языка в современной Беларуси. Переводчик Библии на белорусский язык должен обязательно учитывать всю сложность и неоднозначность сложившейся ситуации.

Как отмечает директор Института белорусского языка НАН РБ А.А. Лукашанец, «в XXI столетие белорусский язык вошел с целым комплексом проблем, которые связаны как с его ролью в жизни современного белорусского общества, местом в коммуникативном и культурном пространстве, так и с особенностями развития и совершенствования ее системы»²⁵⁶.

Как отмечает тот же исследователь, белорусский язык «в современном социуме по-прежнему остается только одним из компонентов языковой ситуации и выполняет свои функции, конкурируя с другим, более сильным в

²⁵⁵ Nord, Ch. Making Otherness Accessible... P. 872.

²⁵⁶ Лукашанец, А.А. Беларуская мова ў пачатку XXI ст. / А.А. Лукашанец // Вестнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. - 2009. - №1. С. 4.

коммуникативном отношении языком»²⁵⁷. Официально в Беларуси существует два государственных языка – белорусский и русский. Однако в действительности оба языка обладают неодинаковым социальным статусом и степенью распространённости. По данным последней переписи населения (2009 г.), белорусы составляют 83,7 %, русские – 8,3%, поляки – 3,1, украинцы – 1,7 %. При этом своим родным языком белорусский назвали 60,8 % жителей Беларуси, русский – 37 %; однако в домашнем общении его использует только 26%, в то время как русский – 69,7 %²⁵⁸. Нам не встречались данные социологических исследований относительно того, какой процент людей использует белорусский язык в повседневной жизни за пределами дома, но этот процент намного ниже указанных 26 %. Таким образом, «пропорции использования белорусского и русского языков обусловлены не количественным соотношением этнических белорусов и этнических русских, но социокультурными факторами, релевантными на протяжении столетий... [Это] означает, что белорусский язык для граждан Беларуси в большей мере символ родины, страны-государства, необходимый атрибут национально-государственного суверенитета, чем реальное средство общения»²⁵⁹.

Современный литературный белорусский язык начинает формироваться в к. XIX– нач. XX вв. В 1918 г. вышла «Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевича (разработанная им орфография получила название «тарашкевіца»), что стало значительной вехой в развитии белорусского языка. В 1933 г. была проведена языковая реформа, направленная на сближение белорусского языка с русским²⁶⁰ (в частности, упомянутая выше «тарашкевіца» была заменена т.н. «наркамаўкай»). Как отмечает Мечковская, данная «русифицирующая кодификация имела, прежде всего, символическое и идеологическое значение: важно было продемонстрировать диктат Москвы и

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Данные взяты с официального сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь <http://census.belstat.gov.by>.

²⁵⁹ Мячкоўская, Н.Б. Мова і культура Беларусі. Нарысы / Н.Б. Мячкоўская. – Мн.: Права і эканоміка, 2008. С. 84–85.

²⁶⁰ О русификации белорусского языка подробно см. Станкевіч, Ст. Русіфікацыя беларускае мовы ў БССР і супраціў русіфікацыйнаму працэсу / Ст. Станкевіч. – Менск: Навука і тэхніка, 1994. – 79 с.

свертывание политики белорусизации»²⁶¹. В дальнейшем был предпринят ряд мер, направленных на еще большее сближение белорусского языка с русским. Советская власть проводила также целенаправленную политику по русификации населения Беларуси. Это выразилось в постепенном уменьшении численности белорусскоязычных школ, уменьшении тиражей и наименований белорусских книг, вытеснении белорусского языка из области официального общения и снижении его статуса.

В 1990 г. был принят закон о языках, цель которого состояла в постепенном расширении сферы использования белорусского языка. Отчасти процесс русификации замедлился благодаря обретению в 1991 г. Республикой Беларусь статуса независимого государства и начавшемуся процессу т.н. «второго национального возрождения». На основании референдума 1995 г. русскому языку был придан статус второго государственного языка, что на практике привело к еще большему снижению объемов коммуникации на белорусском языке, сужению круга его носителей.

В настоящее время белорусский язык исчез из сферы делопроизводства, судопроизводства и прочих сфер государственной деятельности. Большинство белорусских средств массовой информации являются русскоязычными, с каждым годом все меньшим становится присутствие белорусского языка в системе образования. Следует также отметить существенную политизацию языкового вопроса.

Учитывая такое состояние белорусского языка, Н.Б. Мечковская называет результаты последней переписи «экзистенциальным парадоксом белорусского языка». Этот парадокс она формулирует следующим образом: при сокращении коммуникации на белорусском языке возрастает его символическая ценность²⁶². Поясняя данную формулу, исследовательница пишет: «у белорусского языка его символические функции – этноконсолидирующая, эстетическая, метаязыковая – существенно более сильны, чем функции коммуникативные...

²⁶¹ Мячкоўская, Н.Б. Мова і культура Беларусі. С. 159.

²⁶² Там же. С. 231

Большинство населения страны, называя белорусский своим родным языком, не только не говорит на нем, но и не стремится овладеть им»²⁶³. Это означает, что в белорусском языке «видят не средство общения (в первую очередь), а должный атрибут нации, находящийся в ряду таких категорий, как государство, культура, ментальность; как государственная символика, сувернитет, политическая, религиозная, философская и эстетическая ориентация»²⁶⁴. И все же, в последние несколько лет можно говорить об определенном росте интереса к белорусскому языку, особенно со стороны молодого поколения. При этом следует отметить, что для городской молодежи, которая переходит к общению на белорусском языке, он не является материнским языком. Молодые люди в значительной степени из патриотических и профессиональных побуждений овладевают белорусским языком и в той или иной мере используют его в общении между собой.

Неоднозначной представляется и внутриязыковая ситуация, основная причина чего в сильном влиянии со стороны русского языка. Это влияние сказывается на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Внутриязыковую ситуацию также осложняет существование двух орфографических традиций, которые по-разному востребованы в разных сферах коммуникации и имеют разную социальную стратификацию. Одна орфографическая традиция получила название «тарашкевіца» (названная в честь Б. Тарашкевича), другая – т.н. «наркамаўка». Последний вариант официально используется в современной Беларуси: на нем ведется преподавание в учебных заведениях, составляются документы, издается периодика. «Тарашкевіца» ориентирована на письменную традицию 1920-х гг. и практику белорусской эмиграции. В условиях современной языковой ситуации выбор в пользу «тарашкевіцы» часто обусловлен идеологическими и политическими предпочтениями. Кроме того, в сознании многих носителей белорусского языка «тарашкевіца» ассоциируется с чистым белорусским

²⁶³ Там же. С. 88-89.

²⁶⁴ Там же. С. 83.

языком, не испытавшим столь сильной русификации, как «наркамаўка». Однако официально использование «тарашкевіцы» на территории Беларуси не разрешено. В отсутствие единой орфографической нормы многие усматривают одну из основных проблем современной внутриязыковой ситуации²⁶⁵.

Что означает все вышесказанное для переводчика Библии? Во-первых, независимо от того, в каком контексте предполагается использование перевода, одна из основных целей переводчиков – расширение коммуникативной сферы использования белорусского языка. Во-вторых, независимо от того, как воспринимается библейский текст (Слово Божие, памятник древней литературы, сборник этических предписаний и проч.), язык перевода будет иметь нормативный характер. В данном случае мы имеем в виду, что язык перевода во многом становится образцом языковой нормы (например, через постоянное обращение к какому-либо переводу как источнику цитат для литературных произведений). Этот фактор имеет особое значение в белорусской ситуации.

Проект «Новая Беларуская Біблія» стремится к тому, чтобы новый перевод приобрел общенациональное значение. Поскольку издание перевода планируется на территории Республики Беларусь, то переводчикам следует использовать официально признанную орфографию. Это поможет избежать ряда практических трудностей и сделает возможным саму публикацию перевода.

Кроме того, следует учитывать, что современный литературный белорусский язык формировался на основе народного языка вне непосредственной связи с предшествовавшей старобелорусской литературной

²⁶⁵ Следует также упомянуть о существовании смешанного языка на белорусской основе, который получил название «трасянки» (аналог украинского «суржика»). Существует два вида «трасянки»: первый – смесь белорусских и русских слов с сохранением белорусской фонетики, идиоматики и синтаксиса. Этот вариант распространен в сельской местности. Другой вариант – русский язык с белорусским произношением и сохранением определенного числа белорусской лексики и фразеологических оборотов. На этом варианте разговаривает молодежь в селе и значительное количество людей среднего возраста в городах.

традицией²⁶⁶. В отличие от современного русского литературного языка, современный белорусский язык также развивался без влияния со стороны церковнославянского языка. Так, в русском языке церковнославянская лексика стала основой для возвышенной формы языка, чего нельзя сказать о белорусском.

3.2.3.2. Статус белорусского языка в различных христианских конфессиях

В различных христианских конфессиях, действующих на территории Беларуси, положение белорусского языка также неоднозначно. В подавляющем количестве православных храмов на территории Беларуси богослужение совершается на церковнославянском языке: использование белорусского языка разрешено, однако в реальности оно ограничено всего несколькими приходами. Определенная часть прихожан настороженно относится к использованию белорусского языка в качестве богослужебного. Более лояльное отношение к белорусскому языку наблюдается со стороны верующих молодого возраста, в том числе и священнослужителей. Белорусский язык используют в учебном процессе ряд преподавателей богословских учебных заведений (Минские Духовная Семинария и Академия, Институт теологии БГУ).

В Православной Церкви отсутствует сформировавшаяся белорусскоязычная богословская традиция. Вопрос о статусе белорусского языка в ПЦ был поднят лишь в начале 1990-х годов. Тогда же был поставлен вопрос и о том, каким должен быть язык, на что опираться при формировании богословского языка. Библейская Комиссия БПЦ пытается сформировать особый литургический и богословский белорусский язык, ориентируясь на церковнославянское наследие (многими пользователями белорусского языка такой подход оценивается достаточно критически).

²⁶⁶ Впрочем, в частной беседе (28 апреля 2014 г.) известный белорусский филолог Ирина Будько говорила о некорректности данного распространенного утверждения. Впрочем, научные публикации, в которых бы исследовался данный вопрос, нам пока что неизвестны.

В Католической Церкви белорусский язык является одним из равноправных литургических языков, наравне с польским и русским и используется он более активно, чем в Православной Церкви. Католическая Церковь намного интенсивнее занимается переводом литургических и библейских текстов. Однако и здесь мы встречаемся с той же проблемой, что и в Православной Церкви: в своих переводах католики ориентируются на польскоязычную терминологическую традицию, что также не принимается многими носителями белорусского языка.

Трудно сказать что-либо определенное относительно использования белорусского языка в различных протестантских общинах из-за большого разнообразия внутри самого протестантизма, а также из-за отсутствия официальной информации. Во всяком случае, в настоящее время мы не знаем о существовании каких-либо официальных переводческих комиссий в протестантских деноминациях, также не существует официальных протестантских переводов Священного Писания.

Какие выводы можно сделать из всего сказанного? Во-первых, если переводчики стремятся к тому, чтобы их перевод имел статус общенационального, чтобы он не ограничивался рамками какой-либо одной конфессии - следует ориентироваться на нормы современного литературного языка, принятые всеми. В практическом плане это означает, что следует избегать конфессионально маркированной лексики. Переводчикам также следует учитывать особенности исторического развития белорусского языка в XIX-XX вв., которые обусловили недостаточную разработанность религиозно-богословской терминологии. Этому способствовали указанные нами выше причины: прерывание древней литературной традиции, невозможность совершения богослужения на белорусском языке, отсутствие устоявшейся языковой богословской традиции. Это означает, что здесь не приходится говорить о возрождении некоей традиции, скорее – о создании новой. И тут переводчикам следует ответить на вопрос, за счет каких ресурсов создавать библейско-богословскую терминологию: заимствования церковнославянской

лексики, создание неологизмов, использование ресурсов старобелорусской лексики? Какое бы решение ни было принято, следует помнить, что перевод во многом будет выполнять нормативную функцию в отношении языка.

3.2.4. Традиция переводов Библии на белорусский язык

Чтобы понять особенности коммуникативной ситуации нового белорусского перевода Библии, следует несколько слов сказать о тех библейских переводах, которые были созданы в течение XX века. Рассмотреть историю переводов, созданных до двадцатого столетия, не представляется возможным, поскольку этот вопрос выходит далеко за рамки нашего исследования²⁶⁷.

3.2.4.1. Индивидуальные переводы

Богатая традиция переводов Священного Писания на белорусский язык прервалась в XVII в. и возобновилась она лишь в 20-е годы XX века. Условно, все переводы Библии, выполненные в прошлом веке, можно разделить на два типа: конфессиональные и неконфессиональные. Первая группа переводов делится на три вида, в соответствии с тем, внутри каких конфессий осуществлялся перевод: протестантские, католические и православные. Такое перечисление в определенной степени соответствует хронологической последовательности инициатив по переводу Евангелий и всей Библии. Неконфессиональные переводы, как правило, делались отдельными людьми, которые не всегда отождествляли себя с какой-либо религиозной традицией.

Ветхозаветные книги переводились очень мало и, как правило, не с оригинальных языков. Многие переводы Нового Завета на белорусский язык сделаны непосредственно с греческого языка²⁶⁸, однако ни один из них так и не стал общепризнанным и авторитетным. Отчасти, это связано с указанными

²⁶⁷ К сожалению, до сих пор не существует полного исследования истории переводов Библии на белорусский язык. Наиболее полную на данный момент библиографию по белорусским переводам Священного Писания составил А. Авдеюк (см. *Аўдзеюк, А. Спраба ўкладання бібліяграфіі перакладаў Бібліі на беларускую мову / А. Аўдзеюк / Режим доступа: <http://salavejka.blogspot.com/2011/12/blog-post.html>. - Дата доступа: 21.09.2013).*

²⁶⁸ Например, переводы Лукаша Дзекуць-Малея и Антона Луцкевича, Яна Петровского, Анатоля Клышко.

выше особенностями языковой и конфессиональной ситуации в Беларуси. Кроме того, многие из них были сделаны в первой половине или в середине XX ст. и сейчас выглядят устаревшими.

Помимо переводов отдельных книг, также существует три полных перевода Библии. Хронологически первым полным был перевод известного белорусского филолога Яна Станкевича, который при помощи знатока древнееврейского языка Моисея Гитлина перевел всю Библию (издан в Нью-Йорке в 1973 г.). Этот перевод был сделан с оригинальных языков²⁶⁹, однако в нем используется настолько специфическая белорусская лексика (текст перенасыщен диалектными словами и авторскими неологизмами), что перевод было трудно понять многим носителям белорусского языка. Сам перевод Библии был попыткой реализации особого лингвистического проекта Станкевича по созданию т.н. «литвинского» языка. Иными словами, это был авторский перевод, в котором слишком сильно отражена языковая идеология автора перевода²⁷⁰.

Второй полный перевод был осуществлен католическим священником Владиславом Чернявским, который трудился в советской Беларуси во второй половине XX в. В своей работе над переводом о. Чернявский использовал множество самых разных переводов на другие языки, прежде всего польскую Библию Тысячелетия. В 2000-е гг. этот перевод подвергся значительному редактированию и сверен с т.н. Новой Вульгатой и в таком виде в 2011 г. перевод Чернявского был издан Белорусским Библейским Обществом. В качестве несомненного достоинства можно указать то, что этот перевод сделан на современный белорусский язык, правда, в рамках католической литургической традиции, имеющей в Беларуси свои языковые особенности.

²⁶⁹ В недавнем личном общении (20.10.2013 г.) В. Зайка сообщил, что М. Гитлин делал подстрочный перевод, с которого затем делал основной перевод Я. Станкевич.

²⁷⁰ Об этом переводе известный белорусский исследователь И. Чарота сказал следующее: «Перевод Я. Станкевича выделяется совершенством синтаксических конструкций... При этом для него характерны и просто невероятные вольности в выборе лексики, особенно – неподвластные анализу принципы словообразования. По сути, это результат необычной работы неординарного, но сильно запутавшегося в своих теоретических взглядах, а еще более в практических действиях, филолога» (Чарота, I.A. *Беларуская мова і Царква* / I.A. Чарота. -- Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2000. С. 76) (перевод с белорусского наш – М.С.).

Недостаток перевода состоит в том, что осуществлялся он не с оригинальных языков.

Еще один полный перевод был осуществлен известным белорусским писателем и переводчиком Василём Сёмухой и издан в 2002 г. Несмотря свои высокие художественные качества, он также сделан не с оригинальных языков, текстуальной основой послужил русский Синодальный перевод.

Итак, несмотря на то, что по количеству переводов разных библейских текстов Беларусь ни в чем не уступает другим развитым европейским культурам, однако вплоть до сегодняшнего дня не существует полного перевода Библии на современный белорусский язык, который бы был выполнен с оригинальных языков. Почти все переводы, сделанные в Беларуси в течение XX в., имеют либо один из двух, либо оба указанных недостатка: они либо отличаются излишним количеством диалектизмов и неологизмов, либо сделаны с языка-посредника. И, конечно же, что важно для нашей работы, ни один из переводов не использовал какие-либо достижения современной науки в области библеистики, лингвистики, теории перевода.

3.2.4.2. Переводы Библейских Комиссий (к. XX – нач. XXI вв.)

В 1989 г. возникла Белорусская Библейская Комиссия²⁷¹ Белорусского Экзархата (далее - ББК). Инициатором создания комиссии был митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет (Вахромеев). В состав комиссии, который частично менялся, входят священнослужители, богословы, филологи, профессиональные переводчики и литераторы²⁷². Основная цель ББК состоит в «подготовке такого перевода Священного Писания на современный белорусский язык, который бы стал приемлемым для Церкви»²⁷³. Подобный перевод, прежде всего, должен быть приемлемым для

²⁷¹ Беларуская Біблійная Камісія (бел); другое официальное название – Біблійная камісія Беларускага Экзархата Рускай Праваслаўнай Царквы.

²⁷² Подробно о деятельности комиссии см. Чарота 2000:113-135

²⁷³ Чарота, І.А. Беларуская мова і Царква. С. 113. В предисловии к переводу Евангелия от Матфея (1991 г.) Митрополит Филарет отмечал: «Главная цель предпринятого нашей Библейской Комиссией перевода – это соборное выработывание литургического стиля белорусского языка... Перевод Нового Завета должен стать

употребления в литургическом контексте. В качестве оригинального текста используется *TextusReceptus*. За образец ББК взяла церковнославянский перевод, который более одного тысячелетия используется в литургической традиции Церкви.

Свою задачу максимум ББК видит в следующем²⁷⁴:

- Выработать такой вариант церковно-белорусского языка, который бы не отказывался от древней славянской традиции и при этом отвечал бы современной кодификации.
- Создать такой перевод, который бы по своему значению приближался к Синодальному переводу, принятому разными христианскими конфессиями, несмотря на то, что он является выразительно православным по содержанию.

Перевод был начат с Нового Завета: за период с 1990 г. по 2014 г. переведены четыре Евангелия, Деяния Апостолов, Соборные послания. Завершается работа над переводом посланий ап. Павла. К переводу Ветхого Завета ББК еще не приступала. Процесс перевода идет очень медленно, что объясняется самыми разными причинами: отсутствием в БПЦ достаточного количества специалистов (библеистов, знатоков древних языков и др.), принципами работы самой комиссии и др.

Помимо невысоких темпов работы, ББК также испытывает и другого рода критику. Многие указывают в качестве недостатка использование в качестве базового текста т.н. *TextusReceptus*, в то время как большинство современных переводческих проектов во всем мире берет в качестве основы 27-е или 28-е критическое издание *Nestle-Aland*. Но самую серьезную критику ББК испытывает за выбор языка перевода (см. 3.2.3).

В Католической Церкви в Беларуси литургический перевод осуществляется «Секцией по переводу литургических текстов и официальных

основой богословствования на белорусском языке. Создавать богословские системы, развивать литургическое богословие, переводить богослужебные тексты невозможно, пока нет благословенного Церковью соборного перевода библейских текстов».

²⁷⁴Чарота, I.A. Беларуская мова і Царква. С. 118.

документов Церкви» Литургической комиссии при Конференции Католических Епископов Беларуси²⁷⁵ (далее – перевод ККЕБ). Один из важнейших принципов работы Секции: перевод должен осуществляться с оригинальных языков (древнееврейского, арамейского и древнегреческого)²⁷⁶. В настоящий момент сделан полный перевод новозаветного корпуса, а также лекционные части Ветхого Завета.

Как видно из предшествующего краткого описания, в Беларуси сложилась достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, только в XX в. было создано огромное количество самых разнообразных переводов как отдельных библейских книг, так и всей Библии. Но, несмотря на такое разнообразие переводов, ни один из них не стал общепризнанным и по целому ряду критериев не может отвечать тем требованиям, которые выдвигаются к современным переводам Библии.

Кратко проблему можно резюмировать следующим образом: в Беларуси нет полного перевода Библии, 1) сделанного с оригинальных языков и 2) на современном литературном белорусском языке. Таким образом, в Беларуси весьма остро стоит вопрос создания современной белорусской Библии. Этот вопрос является актуальным как для христианских церквей, так и для белорусского общества в целом.

3.2.5. Основные коммуникативные функции нового перевода

Основываясь на данном анализе, попробуем сформулировать те основные функции, которые должен выполнять новый перевод. Во-первых, перед новым переводом не стоит цели заменить уже существующие переводы, выполненные в рамках той или иной конфессии. Конфессиональные переводы, как правило, используются в литургическом контексте (хотя их создатели могут говорить и о

²⁷⁵ «Секцыя па перакладзе літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла» Літургічнай камісіі пры Канферэнцыі Каталіцкіх Біскупаў Беларусі (бел).

²⁷⁶ Подробнее об истории создания и принципах работы этой Секции см. *Крэміс Я., кс.* Гісторыя перакладу тэкстаў Святога Пісання на беларускую мову, здзейсненых Секцыяй па перакладзе літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла пры ККББ / Я. Крэміс / Режим доступа: <http://churchby.info/rus/621>. - Дата доступа: 20.07.2012.

целях, выходящих за литургические рамки). Тем не менее, конфессиональные литургические переводы (как и любые другие переводы), не всегда функциональны в других контекстах. Соответственно, новый перевод стремится не к вытеснению конфессиональных переводов, а к их дополнению и предназначен, прежде всего, для личного чтения и для использования в академических и образовательных целях.

Кроме того, литургические тексты, как правило, бывают достаточно буквальными, поэтому есть потребность в переводе, который бы отражал литературные качества и особенности оригинального текста. Данный перевод должен иметь высокую эстетическую ценность и отражать риторическую убедительность библейского текста.

Следует также учитывать, что сфера использования белорусского языка все более сужается. Это означает, что в обозримом будущем белорусский язык может оказаться под угрозой вымирания. Стоит ли переводить Библию на такие языки, и как повлияет на них подобный перевод? На наш взгляд, безусловно стоит, поскольку таким образом мы даем языку еще один шанс для выживания²⁷⁷. Поэтому перевод Библии может открыть для белорусского языка новые возможности. Опыт показывает, что перевод Библии:

- расширяет границы использования языка и помогает его развитию;
- способствует стандартизации орфографии (добавим: и всех остальных пластов языка, лексики, грамматики и даже стилистики);
- повышает престиж языка;
- укрепляет национальное самосознание.

Таким образом, основные коммуникативные функции нового перевода можно сформулировать следующим образом:

- Представить библейские тексты как литературные произведения, которые отличают высокие художественные качества. Библейские

²⁷⁷ См. коллективную монографию, подготовленную Институтом Перевода Библии (Москва, Россия) *Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения* / под ред. К.Т. Гадилия, Т.О. Майской. - М.: Институт перевода Библии, 2010. - 382 с.

тексты не только передают важную информацию (референциальная функция), но и вызывают сильные эстетические и эмоциональные переживания, что и является отличительным свойством литературного произведения: передача информации при помощи всех доступных стилистических и риторических средств.

- Сделать эксплицитной «инаковость» библейского текста, чтобы вызвать у читателя понимание иного происхождения древнего текста, его первоначальной обращенности к другой аудитории. Реализация этой функции предполагает подчеркивание определенных аспектов оригинального текста для того, чтобы породить опыт отчуждающего прочтения Библии.
- Содействовать расширению границ использования белорусского языка и повышению его престижа.

3.3. Переводческий анализ оригинального текста

В функционалистском подходе особое внимание уделяется тщательному изучению оригинального текста. Анализируя различные аспекты оригинального текста (семантика, синтаксис, стилистика и проч.), переводчик должен представлять, как он, в соответствии с переводческим заданием, может передать их средствами языка перевода. В непосредственной практической работе не всегда есть необходимость проходить все этапы анализа. В некоторых случаях переводчику достаточно лишь взглянуть несколько раз на текст и определить основные интратекстуальные характеристики. В других случаях может потребоваться более глубокий и детальный анализ.

При проведении анализа следует сохранять следующий порядок: от экстратекстуальных факторов – к интратекстуальным, но не наоборот, что является одним из условий правильной интерпретации текстуальных

характеристик. Это объясняется тем, что интратекстуальные факторы могут толковаться в зависимости от параметров коммуникативной ситуации.

Как правило, перевод библейской литературы требует достаточно тщательного переводческого анализа. Это связано, во-первых, с огромной временной дистанцией, которая отделяет период создания того или иного произведения и современного читателя. Кроме того, между авторами и первыми читателями библейских текстов и современной аудиторией существует огромная культурная дистанция. Также следует помнить и о том значении, которое Библия имеет для разных христианских традиций. В данном подразделе мы предлагаем анализ книги Ионы. Важно помнить, что наша работа посвящена не экзегезе данного произведения, а проблемам, связанным с переводом.

3.3.1. Анализ экстратекстуальных факторов

При анализе экстратекстуальных факторов мы будем следовать следующей схеме:

- автор текста;
- Время и место создания текста;
- адресат текста;
- мотивы и интенции автора;
- средство передачи текста;
- литературный и канонический контекст;
- коммуникативная функция текста.

Анализ экстратекстуальных факторов книги Ионы нам нужен настолько, насколько он может помочь нам в нашей основной задаче – разработке переводческой методологии и создании собственного перевода. Поэтому здесь мы ограничимся лишь самыми общими выводами, к которым пришла современная библейская наука.

3.3.1.1. Автор текста

В зависимости от того, кем был автор текста, мы по-разному будем оценивать его мотивы и интенции, а также различные элементы текста. Так, если автором книги был сам Иона, то данная книга воспринималась бы как биографическое произведение, описывающее реальную историю пророка. Соответственно, этот текст оценивался бы нами как исторический и на основании этого мы бы делали выбор соответствующей стратегии перевода.

Мы ничего не знаем о личности автора книги Ионы и особенностях его биографии. В самом тексте на это нет никаких эксплицитных указаний. Единственное, что мы можем сделать в данной ситуации – это предположить, к какой группе мог принадлежать автор. Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, как решается вопрос датировки. Вслед за израильским исследователем Бен Цви, мы считаем, что автор книги Ионы принадлежал к небольшому кругу образованной иерусалимской элиты (*literati*)²⁷⁸.

3.3.1.2. Время и место создания текста

Физические координаты коммуникативного акта являются одним из важнейших параметров функционирования текста. Ответы на вопросы «где» и «когда» являются ключевыми для понимания авторства текста, его первоначальной аудитории, а значит – и коммуникативной функции. Лишь указав временные и пространственные координаты коммуникативного акта можно идентифицировать дейктические элементы, присутствующие в тексте.

У исследователей не существует единого мнения относительно **времени** создания книги Ионы. В самом тексте отсутствуют какие-либо прямые указания, которые бы помогли нам ответить на этот вопрос. Были предложены разные варианты датировки книги, начиная с VIII в. до н.э. и заканчивая II в. до н.э. В настоящее время большинство экзегетов сходится во мнении, что книга Ионы была создана в послевоенный период. Однако более точная датировка

²⁷⁸См. также Handy, L. *Jonah's World. Social Science and the Reading of Prophetic Story* / L. Handy. – London/Oakville: Equinox, 2007. P. 11-22.

представляется затруднительной. Эрих Ценгер отмечает, что «среди новейших исследований большое распространение получила тенденция рассматривать книгу Ионы в качестве единого сочинения, созданного во второй половине IV в. или в начале III в. <...>»²⁷⁹.

В тексте мы также не обнаруживаем эксплицитной информации относительно **места** создания книги. Вполне возможно, что это был Иерусалим²⁸⁰.

3.3.1.3. Адресат

Информация о первоначальной аудитории оригинального текста, может пролить свет на интенции отправителя, на время и место коммуникации, на функцию текста и те предпосылки, с которыми подходил к прочтению текста первый читатель. По возможности, переводчик должен охарактеризовать социокультурные характеристики целевой аудитории (возраст, пол, образование, социальное происхождение, географическое происхождение, социальный статус и т.п.). Говоря об аудитории любого текста, также необходимо учитывать знания и ожидания аудитории. Основываясь на ожиданиях первичной аудитории книги, мы можем сделать определенные выводы относительно возможной первичной социокультурной функции текста.

У нас нет эксплицитной информации о первоначальной аудитории книги Ионы. По мнению Бен Цви, автор и первые читатели книги Ионы принадлежали к одной и той же социальной группе – небольшому кругу образованной иерусалимской элиты (*literati*), которая жила в Иерусалиме в персидский период (V-IV вв. до н.э.). Эти люди имели общее когнитивное пространство, обладали одними и теми же горизонтами знания и мысли²⁸¹. Они

²⁷⁹Ценгер, Э. Книга Двенадцати пророков / Э. Ценгер // Введение в Ветхий Завет / Под ред. Э. Ценгера. – М.: Библейско-богословский институт им. св. апостола Андрея, 2008. – 802 с.

²⁸⁰См. *Handy, L. Jonah's World. Social Science and the Reading of Prophetic Story* / L. Handy. – London/Oakville: Equinox, 2007. – P. 13.

²⁸¹*Ben Zvi, E. Sings of Jonah. Reading and Rereading in Ancient Yehud* / E. Ben Zvi. - Sheffield: Sheffield Academic Press, 2003. – P. 101. См. также *Handy, L. Jonah's World...* P. 11-22.

были прекрасно знакомы с библейской литературной традицией, поскольку сами были ее частью: они создавали, редактировали и читали книги.

3.3.1.4. Мотивы и интенции автора

В самом тексте нет прямых указаний на то, каковы были причины и цели создания книги Ионы. Ответ на этот вопрос мы можем получить из анализа интратекстуальных факторов, сопоставив его результаты с результатами анализа экстратекстуальных факторов.

3.3.1.5. Средство передачи текста

Под средством коммуникации понимается то, при помощи чего передается текст. В устной коммуникации это могут быть различные технические средства передачи информации (напр., телефоны, микрофоны). В письменной коммуникации - это средства публикации текста (газета, журнал, книга и т.п.). Конечно, не следует проводить жесткое разграничение между двумя данными видами коммуникации: существуют устные тексты, которые предназначены для воспроизведения в письменной форме и наоборот - есть письменные тексты, созданные для устного воспроизведения. Для таких случаев исследователи вводят понятие «сложное средство коммуникации» (*complexmedium*).

Средство передачи информации влияет на способ ее репрезентации, уровень эксплицитности, выбор типа предложений, виды связей, использование невербальных элементов и т.п. Это означает, что недостаточно просто указать на способ передачи текста, необходимо показать, как средство коммуникации влияет на организацию повествования, на процесс его создания и рецепцию.

Когда мы изучаем и переводим древнюю литературу, мы не всегда с уверенностью можем сказать, каким было первоначальное средство коммуникации. В том случае, если у нас нет надежной эксплицитной информации, которая бы помогла нам ответить на этот вопрос, можно

попытаться получить ответ, проанализировав интратекстуальные характеристики оригинала. Некоторые ключи к ответу могут дать знания об авторе текста, его мотивах и интенциях, а также о времени и месте создания текста. В некоторых случаях выбор средства передачи определяется культурными конвенциями.

Существовал ли текст книги Ионы изначально лишь в устной форме? Или она сразу создавалась в виде письменного документа? Либо следует говорить о некоторой комбинации двух этих форм? Уэндленд считает более верным третий вариант: текст книги Ионы, по его мнению, «первоначально был сформулирован на основании одной или нескольких устных версий, которые уже были в обращении к тому моменту. Трудно определить точную степень влияния устной версии на письменную. Впрочем, устный способ передачи оставил отчетливые следы на повествовании в форме таких средств, как рекурсия (большое количество точных повторений), фонологические акцентуации (напр., параномазия, аллитерация), прямая речь, резкий контраст характеров, графическая дикция...»²⁸². Практически без сомнений можно утверждать, что повествование об Ионе было записано таким образом, чтобы сохранить устную природу текста (*orality*). Т.е. произведение было составлено так, чтобы его можно было достаточно легко произносить вслух при последующем публичном воспроизведении. Многочисленные интратекстуальные характеристики книги Ионы (о которых речь пойдёт ниже) свидетельствуют о том, что текст был подготовлен для устной репрезентации и устной рецепции.

3.3.1.6. Канонический и литературный контекст

Несмотря на значительное отличие книги Ионы от остальных пророческих произведений, библейский канон помещает данное произведение в

²⁸²Wendland, E.R. Recursion and Variation in the “Prophecy” of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 2 / E.R. Wendland // *Seminary Studies*. – 1997. - Vol. 35:2. P. 195.

корпус т.н. «малых пророков», что является важным герменевтическим ключом к ее интерпретации. Независимо от того, является ли сборник Двенадцати пророков единой книгой²⁸³, которую следует читать последовательно, либо это просто собрание пророческих произведений – важно то, что книга Ионы рассматривалась в качестве пророческой. Она вступает в диалог как с другими пророческими книгами, так и с книгами всей Библии.

3.3.1.7. Коммуникативная функция текста

У нас нет эксплицитной информации относительно первоначальной функции книги Ионы. Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать интратекстуальные характеристики оригинального текста и сопоставить результаты этого анализа с результатами изучения экстратекстуальных факторов. Такое сопоставление позволит нам с большей или меньшей степенью уверенности говорить о коммуникативной функции текста в его первоначальном контексте.

3.3.2. Анализ интратекстуальных факторов

Интратекстуальные факторы – это те вербальные элементы (лексика, структура предложений, супraseгментарные характеристики и др.), при помощи которых автор передает свое сообщение. Интратекстуальные факторы, как правило, находятся под влиянием прагматических факторов (географический регион, происхождение отправителя, особые требования средства передачи сообщения, время и место коммуникации); они также могут быть под влиянием жанровых конвенций, специфической коммуникативной интенции отправителя, влияющей, в свою очередь, на выбор средства передачи информации.

²⁸³См, напр. *House, P.R. The Unity of the Twelve / P.R. House. – Sheffield: Almond Press, 1990. – 262 p.; Perspectives on the Formation of the Book of the Twelve: Methodological Foundations, Redactional Process, Historical Insights / Ed. by R. Albertz, J. Nogalski, J. Wöhrle. – Berlin: Walter de Gruyter, 2012. – 414 p.; Nogalski, J. Reading and Hearing the Book of the Twelve / J. Nogalski, M. Sweeney. – Atlanta: Society of Biblical Literature, 2000. – 236 p.*

Основываясь на ряде переводоведческих методологий анализа текста²⁸⁴, мы будем следовать следующей схеме интратекстуального анализа:

- жанровая принадлежность литературного произведения;
- текстологические проблемы данного текста;
- анализ композиционной структуры текста;
- анализ стилистических и риторических характеристик текста;
- определение ключевых концептов, технических терминов, образов;
- интертекстуальные связи с другими литературными произведениями;
- определение основной коммуникативной функции оригинального текста.

3.3.2.1. Жанровая принадлежность книги Ионы

Одной из важнейших задач в работе переводчика является определение жанровой принадлежности произведения. Жанр можно определить как исторически и культурно обусловленный тип дискурса, использующийся в определенном социокультурном контексте²⁸⁵. Жанровые конвенции, закодированные в тексте, передают интенции автора и ограничивают ряд возможных интерпретаций его сообщения. Таким образом, жанровая принадлежность текста задает рамки, внутри которых аудитория воспринимает и интерпретирует его²⁸⁶. Жанр произведения можно назвать когнитивной моделью, которая облегчает понимание и оценку текста, предлагая определенный набор стратегий прочтения.

Особенности конкретного жанра определяются совокупностью следующих характеристик: форма (структура и стиль), содержание (темы, мотивы) и социокультурная функция²⁸⁷. Жанровые конвенции определяют

²⁸⁴ Nord, Ch. Text Analysis in Translation...; Wendland, E. LiFE-Style Translating...; Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot...

²⁸⁵ Wendland, E. LiFE-Style Translating. A Workbook for Bible Translators. P. 113.

²⁸⁶ Ben Zvi, E. Sings of Jonah... P. 81-82.

²⁸⁷ Wendland, E.R. Text Analysis and the Genre of Jonah. Part 1 / E.R. Wendland // Journal of Evangelical Theological Studies. – 1996. – Vol. 39:2. P. 193.

выбор лексических, стилистических и структурных средств, которые используются автором при создании текста²⁸⁸. Задача аудитории состоит в том, чтобы распознать интенции автора посредством интерпретации коммуникативных ключей, заложенных в тексте. При этом важно, чтобы автор и его аудитория принадлежали к одному культурному пространству, внутри которого действуют одинаковые жанровые конвенции. Единое культурное пространство гарантирует то, что автор выбирает для выражения своих интенций в данной коммуникативной ситуации те средства, которые будут соответствовать ожиданиям аудитории и потому будут легко узнаны.

Автор текста и аудитория могут принадлежать разным культурам, в каждой из которых существует своя жанровая система. Это означает, что литературные конвенции оригинального текста могут быть неизвестны представителям другой культуры. Поэтому существует опасность неправильного определения жанровой принадлежности произведения, что, в свою очередь, может привести к неправильной интерпретации коммуникативных интенций автора.

Невнимание к жанровым особенностям текста может привести к ошибке, когда высказыванию будет предписываться неправильная функция. В ситуации перевода это означает, что переводчик будет выбирать языковые средства, которые приведут к неправильной интерпретации текста современной ему аудитории. Как следствие, текст не будет воспринят, понят, контекстуализирован и реструктурирован в другом языке релевантным современной аудитории образом²⁸⁹. Жанровый анализ позволяет переводчику определить, может ли жанровая структура оригинала быть передана в тексте перевода. Такой анализ важен для переводчика, потому что позволяет понять, как функционировал текст в своей культуре. Ответ на этот вопрос поможет нам определить, может ли данный текст выполнять ту же самую функцию в нашей культуре и если да, то что должен сделать для этого переводчик.

²⁸⁸ *Bergen, R.* Text as a Guide to Authorial Intention: An Introduction to Discourse Criticism / Journal of Evangelical Theological Studies. – 1987. – Vol. 30:3. – P. 328-330.

²⁸⁹ *Wendland, E.* LiFE-Style Translating... P. 114.

Изучая жанр книги, можно анализировать его формальный аспект (внутреннюю структуру и типологические черты), а также его коммуникативную функцию. От переводчика требуется не только выделение типичных черт того или иного произведения и идентификация его структуры: конвенциональные формы являются только первичным средством выражения авторского замысла. Необходимо еще и понимание того, как эти структурные элементы и вся книга в целом функционировали в первичном социокультурном контексте.

Древнееврейская литературная традиция не оставила нам описания своей жанровой системы. Это означает, что любая попытка классификации древнееврейской литературы будет в значительной мере условной и скорее будет отражать представления современных исследователей о структуре жанров древнееврейской литературы. Возможны две перспективы, из которых можно исходить при анализе жанра в социокультурном контексте: «универсального» наблюдателя (этическая точка зрения) или внутренняя перспектива (эмическая точка зрения). Учитывая относительное отсутствие знаний различных эмических (под)жанров, записанных в Библии и того, как они определялись, мы принимаем преимущественно этическую перспективу²⁹⁰.

Определить жанровую принадлежность книги Ионы не легко. В тексте мало экзегетически трудных мест, основной вопрос состоит в том, как ее интерпретировать в целом. Поэтому в одной из своих статей Уэндланд определил книгу Ионы как жанровый *crux interpretum*²⁹¹. Экзегеты относили книгу к самым разным жанровым категориям: аллегория, мидраш, притча, легенда, волшебная сказка, дидактическая история, «нарративная догматика», философский трактат, трагедия, краткая ироническая история, новелла, комедия, пародия²⁹². Наличие такого количества разнообразных мнений

²⁹⁰ Wendland, E. R. Towards a "Literary" Translation of the Scriptures: With Special Reference to a "Poetic" Rendition / E. R. Wendland // Acta Theologica Supplementum. – 2002. – Vol. 2. P. 170-171.

²⁹¹ Wendland, E. R. Text Analysis and the Genre of Jonah. Part 1. P. 191.

²⁹² Подробнее обзор различных мнений о жанровой принадлежности произведения см. Jensen, P. Obadiah, Jonah, Micah: A theological commentary / P. Jensen – New York-London: T&T Clark, 2008. P. 31-35; Bolin, T. Freedom

свидетельствует о серьёзных проблемах, связанных с интерпретацией книги Ионы.

Основная проблема с подобными классификациями состоит в отсутствии уверенности в том, что подобные жанры были известны в древнем мире. Как уже было сказано выше, мы не располагаем описанием жанровой системы древнееврейской литературы. Поэтому мы неизбежно вынуждены использовать те жанровые категории, которые известны нам. Следует также заметить, что библейские авторы не стремились к строгой категоризации и не давали каких-либо точных жанровых определений литературным произведениям. Встает законный вопрос: возможно ли в таком случае каким-то одним словом охарактеризовать жанр книги Ионы? Насколько наши представления о том или ином жанре будут отражать реальность самого текста? Относя древнее произведение к тому или иному жанру, пытаясь классифицировать его, не будем ли мы налагать чуждые тексту категории нашего времени? Несовпадение литературных характеристик древнего произведения с современными жанровыми категориями означает, что корректная интерпретация жанровой принадлежности книги Ионы потребует создания некоей гибридной, описательной комбинации.

В книге Ионы мы встречаемся с таким понятием, как манипуляция жанрами. Исследователи выделяют следующие поджанры, присутствующие в произведении: формулы, вводящие слово Божие (1:1; 3:1); мартирологий²⁹³ (1-я гл.); молитва (1:14; 4:2-3, 8б); благодарственные псалом (2:2-9); исповедание веры (1:9; 4:2б); пророческая проповедь (3:4); царское провозвестие (3:7-9); диспут (4:8-11). Таким образом, автор вплетает в повествовательную ткань своей книги самые разнообразные литературные формы, манипулируя ими. Такого рода манипуляции характерны для многих пророческих книг, однако в книге Ионы эта манипуляция происходит на самом высоком уровне – на уровне

Beyond Forgiveness: The Book of Jonah Re-examined / T. Bolin. - Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. P. 46-53.

²⁹³Эйделькинд, Я. К интерпретации Ионы / Я. Эйделькинд // Библия: Литературные и лингвистические исследования – 1997. - Вып. 1. С. 95.

целой книги. В данном случае под манипуляцией следует понимать такое использование литературных жанров, которое ведет к разрушению привычных стереотипов, не оправдывает читательских ожиданий и предположений. Фактически, в книге Ионы мы видим своеобразную игру жанрами. Так, Яков Эйделькинд считает, что книга Ионы представляет собой «пародийное произведение, вобравшее в себя целый ряд серьезных жанров (легенда о пророке, мартирология, благодарственный псалом, пророческая проповедь, литургическая молитва). Все эти жанровые формы нарочито стилизованы и иронически переосмыслены»²⁹⁴. Не соглашаясь с определением книги как пародии, отметим, что исследователь верно отметил указанную «игру» жанрами.

По ряду параметров книгу Ионы можно отнести к корпусу пророческой литературы²⁹⁵. Однако, по некоторым признакам (начальная фраза книги, ряд последовательных *wayyiqtol*'ов, наличие повествователя, повествовательная сюжетная линия, наличие нескольких героев и др.) можно сказать, что книга скорее напоминает традиционный древнееврейский жанр повествований о пророках²⁹⁶, чем классическое пророческое произведение. Данная книга настолько отличается от традиционных пророческих книг, что Бен Цви называет ее «атипичной»²⁹⁷. Иными словами, книга Ионы разрушала привычные модели прочтения пророческих книг и исторических повествований, на которые она могла, с первого взгляда, быть похожа²⁹⁸.

²⁹⁴ Там же. С. 92.

²⁹⁵ Можно назвать следующие характеристики: книга входит в состав Книги Двенадцати Пророков; затрагивает важные для пророческих книг темы: статус израильских народов в божественном домостроительстве, эффективность покаяния и пророчества; один из главных героев книги ассоциируется с пророком, хотя в самой книге непосредственно не назван пророком; открывается словом Господа к пророку; неоднозначность и многоплановость книги.

²⁹⁶ Ср. 3 Цар 17 – 4 Цар 9.

²⁹⁷ Об атипичных чертах книги Ионы см. *Ben Zvi, E. Sings of Jonah*. P. 80-98. Так, большинство пророческих книг представляют собой сборник пророческих видений и изречений, в то время как книга Ионы – это повествование о пророке. Пророческие тексты по большей части представляют собой записи пророческих провозвестий и видений, направленных к широкой аудитории. В книге Ионы мы обнаруживаем проповедь Ионы к Ниневии, состоящую всего из пяти слов (Иона 3:4). В большинстве пророческих книг говорится о взаимоотношениях Бога и народа/ов, в то время как в книге Ионы в основе сюжетной линии лежат взаимоотношения между Богом и пророком. Отметим также, что автор использует большое количество терминов и выражений, не характерных для других пророческих книг.

²⁹⁸ В основе исторических книг (в частности, «девторономической» истории) лежит тема взаимоотношений Бога и Израиля, в книге Ионы основная тема – взаимоотношения Бога и пророка, природа пророчества. В книге

Эти атипичные черты предоставляют читателю интерпретативный ключ к роли книги в совокупности пророческих книг иудейской общины персидского периода, для которой она и была написана. Учитывая такое соотношение книги Ионы и остальных пророческих книг, можно предположить, что первые читатели воспринимали ее как своего рода «**метапророческую**» книгу (т.е. пророческую книгу, посвященную таким проблемам, которые имеют значение для понимания смысла других пророческих книг)²⁹⁹. Можно сказать, что книга Ионы является своеобразным комментарием на все пророческие книги Библии.

В 48 стихах книги Ионы мы встречаем 14 вопросов, что является очень большим показателем для такого небольшого произведения. Использование вопросов особенно характерно для литературы мудрости, задачи которой – наставление, философское размышление. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что книга Ионы имеет дидактический характер.

Итак, подведем итог всему, сказанному выше. Книга Ионы является художественным произведением, которое можно отнести к повествовательному жанру. Она относится к группе пророческих текстов, но ряд характеристик (в том числе и ее повествовательный характер) делает ее атипичной для жанра пророческих книг. Книга имеет метапророческий характер. Поэтому кратко книгу Ионы можно охарактеризовать как **метапророческое повествование**. Кроме того, данное произведение, вероятно, имеет дидактический характер. Отсутствие информации о жанровой системе древнееврейской литературы не позволяет нам сказать большего о жанровой принадлежности данного произведения.

Далее мы должны обсудить вопросы основной темы произведения и его коммуникативной функции, которые непосредственно связаны с проблемой жанра.

Ионы также отсутствуют характерные для исторических произведений ссылки на Ассирию, Израиль, Иудею, Иерусалим, не упоминаются израильтяне (единственным израильтянином во всей книге является сам Иона). Эти, а также ряд других отличий, говорят о том, что книгу нельзя воспринимать как часть исторических повествований.

²⁹⁹Ben Zvi, E. Sings of Jonah. P. 85.

3.3.2.2. Композиция книги

Структура любой книги – это еще один ключ к значению текста, невнимание к которому может привести к неправильной интерпретации. Поэтому следующий шаг переводчика – определить композиционную структуру произведения и те основные сегменты, которые формируют макроструктуру и микроструктуру текста книги Ионы.

Повествование книги представляет собой последовательность из четырех эпизодов, которые совпадают с четырьмя главами книги³⁰⁰. Некоторые экзегеты также говорят о присутствии в книге хиастических структур³⁰¹. Вполне возможно, что автор книги Ионы действительно мог использовать хиазмы, но разнообразие решений, предложенных экзегетами, говорит о том, что найти однозначное решение вряд ли возможно и потому мы к нему больше возвращаться не будем.

Каждый из четырех эпизодов представляет собой законченное целое: действие разворачивается на определенном фоне, есть свои герои, законченная сюжетная линия. В центре повествования – взаимоотношения двух главных персонажей книги: Господа и Ионы. Темы четырех эпизодов можно суммировать следующим образом³⁰²:

- Эпизод I (1:1-16). Господь посылает Иону для проповеди в город Ниневию, однако пророк пытается убежать от Бога, попадая при этом в беду.
- Эпизод II (2:1-11). Иона оказывается внутри большой рыбы, откуда обращается к Господу с молитвой.

³⁰⁰ В структуре книги также можно заметить наличие двух симметричных частей: 1:1-2:10 и 3:1-4:11. При этом структурные элементы 1-2 глав параллельны соответствующим элементам 3-4 глав (так, обе части начинаются практически с идентичных слов Яхве, которыми Он обращается к Ионе - 1:1-2 и 3:1-2). См., напр., *Nixon, R. The Message of Jonah: Presence in the Storm / R. Nixon. – Leicester: InterVarsity Press, 2003. P. 24.*

³⁰¹ См., напр. *Trible, Ph. Rhetorical Criticism: Context, Method, and the Book of Jonah, Guides to Biblical Scholarship / Ph. Trible. - Minneapolis: Fortress, 1994. P. 237-244; Christensen, D. Reading Jonah in Hebrew / D. Christensen / Mode of access: http://www.bibal.net/04/proso/psalms-ii/pdf/dlc_reading-jonah-b.pdf. - Date of access: 15.07.2012.*

³⁰² *Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 129.*

- Эпизод III (3:1-10). Господь вновь посылает Иону в Ниневию. На этот раз Иона слушается Бога и приходит со словами пророчества в город. Жители Ниневии каются и Господь прощает их.
- Эпизод IV (4:1-11). Иона недоволен решением Господа. В ответ на это Бог вступает с Ионой в богословский диалог и преподает ему урок.

В каждом из указанных эпизодов можно выделить отдельные сцены, маркированные следующими важными характеристиками: смена времени, изменение в пространстве, смена участников и событий, которые находятся в центре внимания³⁰³.

В эпизоде I можно выделить четыре сцены:

- Господь посылает Иону (1:1-3);
- начинается морской шторм (1:4-6);
- моряки определяют причину шторма (1:7-12);
- моряки обращаются к Господу (1:13-16).

В эпизоде II можно выделить три сцены:

- Господь посылает большую рыбу, чтобы проглотить Иону (2:1-2);
- Иона молиться к Богу (2:3-10);
- Господь приказывает рыбе выпустить Иону (2:11).

В эпизоде III четыре сцены:

- Господь посылает Иону (3:1-2);
- Иона идет с проповедью в Ниневию (3:3-4);
- жители Ниневии каются (3:5-9);
- Бог милует жителей Ниневии (3:10).

Эпизод IV делится на четыре сцены:

- Иона сожалеет о милосердии Бога к Ниневии (4:1-4);

³⁰³Ibid. P. 130.

- Бог общается с Ионой за стенами города (4:5-6);
- Бог произращает растение (4:7-8);
- Господь дает ответ Ионе (4:9-10).

Поскольку наш перевод предназначен прежде всего для индивидуального прочтения и, соответственно, визуального восприятия, то потребуются графическое выделение каждого эпизода и составляющих его сцен. Диалоги и различные высказывания персонажей также следует выделять при помощи средств, присущих языку перевода.

3.3.2.3. *Тема произведения*³⁰⁴

Некоторые толкователи говорили о том, что главная тема книги Ионы – покаяние, примером которого были моряки-язычники и жители Ниневии. Однако тема покаяния затрагивается только в третьей главе и не появляется в остальных частях книги. Предполагали также, что «основная мысль книги – тщетность любой попытки пророка уклониться от миссии, возложенной на него Богом. Это толкование, как и предыдущее, относится лишь к небольшой части текста – к первой главе»³⁰⁵. Широко распространено мнение, что книга Ионы является своего рода сатирой, которая создана в определенной группе и нацелена на критику других групп внутри данного социума. Например – критика некоей группы, которая придерживалась «эксклюзивистской» или «ксенофобской» идеологии и противостояла идее спасения народов. Однако, данное предположение не подтверждается ни самим повествованием, ни историко-культурным контекстом того мира³⁰⁶. Как верно отмечает Я. Эйделькинд, подобные интерпретации идут «не от самого текста, а от *apriori* существующих у экзегета представлений о том, какую идейную борьбу

³⁰⁴ Обзор основных мнений о теме произведения см. *Simon, U. Jonah: The Traditional Hebrew Text with the New JPS Translation / U. Simon, J. Schramm. – Philadelphia: Jewish Publication Society, 1999. P. vii-xiii.*

³⁰⁵ Эйделькинд, Я. К интерпретации Ионы. С. 106.

³⁰⁶ «У нас нет никаких доказательств того, что идеология в духе «Езры» когда-либо доминировала в общине Йехуды на протяжении какого-либо значимого периода» (*BenZvi, E. Sings of Jonah. P. 103-104.*)

должен был отразить автор Ионы, коль скоро он жил в V-III вв. до н.э.»³⁰⁷. Среди возможных называлась и тема божественной суверенности, критика пророчества как института. Болин считает, что книга Ионы посвящена вопросам природы Бога и предназначения пророчества³⁰⁸. По мнению этого исследователя, центральная тема книги – это «утверждение абсолютной свободы, силы и суверенности Яхве над всем творением. Эти божественные атрибуты превосходят все человеческие представления о справедливости, милости или логике»³⁰⁹. В определении темы книги мы вполне соглашаемся с последним исследователем. Но важно не только и не столько *что* сказал автор, а то, *почему* и *для чего* он это сказал.

3.3.2.4. Коммуникативная функция текста

Одной из важнейших задач переводчика является определение коммуникативной функции, которую текст выполнял в своем социокультурном контексте. Это поможет нам определить авторскую интенцию и ряд возможных прочтений книги внутри первоначальной аудитории. Анализируя историческую, культурную и социальную матрицу той среды, в которой возникло произведение, можно определить возможные стратегии интерпретации книги Ионы внутри слепоглухой иудейской общины. Основываясь на ожиданиях первоначальной аудитории, мы можем сделать определенные выводы относительно первичной социокультурной функции текста.

Мы уже отмечали в подразделе 3.3.1.3, что автор и первые читатели книги Ионы принадлежали к одной и той же социальной группе – небольшому кругу образованной иерусалимской элиты (*literati*). По мнению Бен Цви, книга Ионы отражает внутреннюю рефлексия, самооценку данной группы. Самосознание *literati* было основано на понимании ими своей особой роли

³⁰⁷ Эйделькин, Я. Интерпретации Ионы. С. 108.

³⁰⁸ Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness: The Book of Jonah Re-examined / T. Bolin. - Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. P. 66.

³⁰⁹ Ibid. P. 183.

передатчиков божественных наставлений. Эти наставления содержались в текстах, к которым они одни имели непосредственный доступ: именно *literati* составляли, редактировали и издавали книги, считавшиеся авторитетными и богодухновенными. Именно эта группа посредством создаваемых книг выражала мысли и слова авторитетных пророков прошлого и самого Бога. Они также читали, перечитывали и объясняли эти слова другим и самим себе, т.е. выступали в качестве передатчиков и хранителей авторитетных текстов³¹⁰.

Именно *literati* стоят за образом пророка Ионы, который описывается как человек, не желающий осознать и принять ту роль, которую Бог отводит ему в Своих планах. Пророк утверждает, что знает Бога и может предсказать Его действия. Свое знание Иона черпает из авторитетных текстов, с которыми он (и, конечно же, сами *literati*) был прекрасно знаком. Иона, сын Амиттая («сын Истины») прекрасно начитан в религиозных текстах, принятых в качестве авторитетных в иерусалимской общине³¹¹. Его знание о Боге было почерпнуто из текстов Пятикнижия, пророков и псалмов и на этом знании основывал свои предположения о том, как должен действовать Бог. Ошибка пророка состояла в том, что он включал живого Бога в готовую богословскую схему. Но свобода Господа не ограничена ничем и предсказать развитие событий в божественном промысле невозможно даже на основании священных текстов. Автор рисует Иону в квазибурлескных тонах, что побуждало первых читателей относиться к себе с известной долей самоиронии. Таким образом, книга говорит о том, что знакомство с авторитетными текстами и интерпретационный контроль над ними не являются гарантиями верного богословия.

Книга Ионы имеет метапророческий характер и обращена к первым читателям этой книги – кругу образованной иерусалимской элиты. Она поднимает сложные вопросы о роли самих *literati*. Именно к ним был обращен

³¹⁰Ibid. P. 106.

³¹¹Недаром исследователи отмечают множество интертекстуальных связей, существующих между данным произведением и другими книгами Танаха. См., напр. Kim, P. *Jonah Read Intertextually* / P. Kim // *Journal of Biblical Literature*. – 2007. – Vol. 126:3. – P. 497-528; Timmer, D. *The Intertextual Israelite Jonah Face à l'Empire: the Post-Colonial Significance of the Book's Contexts and Purported Neoassyrian Context* / D. Timmer // *The Journal of Hebrew Scriptures*. – 2009. – Vol. 9. – Art. 9. – Mode of access: http://www.jhsonline.org/Articles/article_111.pdf. - Date of access: 22.07.2013.

вопрос о том, как следует читать авторитетные книги: чем более они читали и перечитывали книги и из них узнавали о Боге, тем менее они могли предсказать и даже понять отдельные события. Слова Бога, высказанные Им в одном контексте, нельзя *a priori* распространять на все случаи, делать их универсальным правилом. Бог не связан никем и ничем. Нельзя основывать свои представления о Боге и Его действиях на своей интерпретации текстов, какой бы правильной она ни казалась. Книга Ионы предупреждает об ограниченности того образа Бога, который существует даже в авторитетных книгах. Кроме того, в тексте обсуждается роль самих *literati* в Божьем замысле: книга даёт возможность правильно оценить свои возможности и свое место. Самокритике и самооценке данной общины способствовали также юмористические и сатирические черты книги³¹².

Если кратко, книга Ионы – размышление о Боге, об ограниченности знаний человека о Боге, даже если они почерпнуты из авторитетных текстов. Книга также о том, что обладание авторитетными текстами и контроль над их толкованием не обеспечивает полного и правильного знания о Боге. Первоначальная социокультурная функция книги Ионы – самокритика и саморефлексия той общины, внутри которой и создавалось данное произведение³¹³. Исходя из этого, можно сделать вывод, что книга Ионы имеет общую **апеллятивную** функцию.

3.3.2.5. *Стилистические и риторические особенности книги Ионы*

Переводчику необходимо определить и оценить стилистические и риторические характеристики оригинального текста. Слово «стиль» указывает на используемые автором средства и способы передачи содержания. Стиль – это совокупность художественных и лингвистических характеристик, которые либо служат различению одного текста от другого, либо соотносят друг с другом разные тексты. Стилистический анализ предполагает исследование

³¹²Ben Zvi, E. Sings of Jonah. P. 114.

³¹³Ibid.

композиционных и эстетических средств оригинала. Главный вопрос: «как и при помощи чего повествователь рассказывает историю»?

Риторика – искусство аргументации, использование специальных вербальных выражений с целью убедить слушателя/читателя. Риторический анализ фокусируется на аргументационной динамике, на том, как автор подает свой текст, при помощи каких средств он пытается изменить или убедить предполагаемую аудиторию принять определенные выводы, мнения, перспективы, убеждения, мотивации. Как автор использует различные формы для воздействия на свою аудиторию? Какие цели преследовал автор, используя различные стилистические средства и какие функции они выполняют?

Таким образом, анализ художественных и риторических средств оказывается единым взаимосвязанным процессом. Внимательное отношение к литературным особенностям данного текста, к тому *как* выстроено повествование, может способствовать более глубокому пониманию богословского значения текста, т.е. того, *что* означает повествование.

Исследования последних десятилетий показывают, что автор книги Ионы тщательно подбирал стилистические средства, благодаря чему его произведение имеет высокую художественную ценность³¹⁴. Это также свидетельствует о существовании у автора определенной риторической цели. Иными словами, для достижения определенных богословских целей автор использовал искусство³¹⁵. Книгу Ионы можно назвать шедевром риторики, превосходным примером умелой, эффективной религиозной коммуникации.

Все это делает интерпретацию книги Ионы более сложной, чем может показаться с первого взгляда. Высокие литературные качества книги, ее особая эмоциональная насыщенность, эстетическая привлекательность и риторическая убедительность являются настоящим вызовом для переводчика. Ограниченный

³¹⁴См. *Magonet, J. Form and Meaning: Studies in Literary Technique in the Book of Jonah* / J. Magonet. - Sheffield: Almond, 1983. – 184 p.; *Sasson, J. Jonah: A New Translation with Introduction, Commentary, and Interpretation* / J. Sasson. - New York: Doubleday, 1990. – 368 p.; *Trible, Ph. Rhetorical Criticism: Context, Method, and the Book of Jonah, Guides to Biblical Scholarship* / Ph. Trible. - Minneapolis: Fortress, 1994. – 264 p.

³¹⁵*Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them* / E.R. Wendland // *The Bible Translator*. – 1997. - Vol. 48:3. P. 308-309.

объем диссертации не позволяет провести подробный анализ стилистики и риторики книги Ионы, а потому мы ограничимся кратким описанием стилистических средств и риторических приемов, использованных автором³¹⁶. Передача указанных аспектов текста представляет серьезную проблему для переводчика. Не всегда переводческое задание требует воспроизведения риторических эффектов. Однако в ряде коммуникативных ситуаций перед переводчиком может стоять цель передать художественные аспекты оригинального текста и его риторическую силу.

К важнейшим стилистическим средствам, использованным автором книги Ионы, можно отнести повторение (*recursion*) и вариацию (*variation*)³¹⁷. Сюда также можно отнести частое использование прямой речи, гипербол и интертекстуальных связей³¹⁸. Данные стилистические средства используются для организации и демаркации текста, эмфазы, характеристики персонажей, презентации текста, создания многозначности. Наиболее значимыми риторическими эффектами книги Ионы являются ирония и загадка, которые создаются при помощи упомянутых стилистических средств повторения и вариации³¹⁹.

Повторение, разнообразие, ирония и загадка являются ключевыми компонентами «художественного кода» книги Ионы, а потому они играют решающую роль в ее интерпретации³²⁰. Далее мы вкратце рассмотрим каждый из элементов данного «кода», добавив к этому перечню особенности

³¹⁶ Подробное и тщательное изучение стилистики и риторики книги Ионы можно найти в *Trible, Ph. Rhetorical Criticism...*; *Wendland, E.R. Recursion and Variation in the "Prophecy" of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 1 / E.R. Wendland // Seminary Studies. – 1997. - Vol. 35:1. – P. 67-98; Wendland, E.R. Recursion and Variation in the "Prophecy" of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 2 / E.R. Wendland // Seminary Studies. – 1997. - Vol. 35:2. – P. 189-209; Wendland, E.R. Recursion and Variation in the "Prophecy" of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 3 / E.R. Wendland // Seminary Studies. – 1997. - Vol. 36:1. – P. 81-110; Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them / E.R. Wendland // The Bible Translator. – 1997. - Vol. 48:3. – P. 308-328.*

³¹⁷ *Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them. P. :308.*

³¹⁸ *Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 174-178.*

³¹⁹ *Wendland, E.R. Recursion and Variation in the "Prophecy" of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 1 / E.R. Wendland // Seminary Studies. – 1997. - Vol. 35:1. P. 68.*

³²⁰ *Ibid.*

композиционной структуры, использование интертекстуальных связей и вопросов.

а. Повторение

Частое повторение определенных лингвистических форм является одним из важнейших атрибутов художественного дискурса в различных литературных традициях. Однако в библейской прозе повторение стало конвенциональным средством, которое в древнееврейской культуре имело особое значение. При помощи повторения авторы подчеркивают наиболее важные темы и связывают воедино различные части повествования. В библейской поэзии такой стилистический прием наиболее ярко проявляется в многообразном использовании «параллелизмов», которые могут затрагивать все уровни текста (фонологический, морфологический, синтаксический, лексический и т.д.). В прозаических текстах повторение, в отличие от текстов поэтических, не столь очевидно. Однако и в них при внимательном изучении можно обнаружить, хоть и в меньшей степени, присутствие данного стилистического средства.

Автор книги Ионы использует повторение чаще, чем какую-либо иную литературную технику, так что общее число таких повторений является достаточно большим для книги столь малого объема³²¹. Повторения мы встречаем на всех уровнях построения текста, начиная с фонологического. Так, в некоторых местах книги мы можем встретить ритмико-акцентуальные повторения, повторение отдельных гласных (ассонанс) или согласных (аллитерация)³²². Иногда последовательность одинаковых звуков повторяется в важных переходных местах дискурса (например, помогая в построении перехода от 3 гл. к 4 гл.)³²³.

Важное место занимают повторяющиеся ключевые слова, которые играют в тексте структурообразующую функцию. Своеобразный каркас текста

³²¹ Подробно о лексических повторах в книге Ионы см. *Wilt, T. Lexical Repetition in Jonah / T. Wilt // Journal of Translation and Textlinguistics. – 1992. – Vol. 5:3. – P 252-264.*

³²² Примеры см. в *Wendland, E.R. Recursion and Variation in the “Prophecy” of Jonah...Part 1. P. 71-72.*

³²³ Ibid.

формируется рядом глаголов, которые повторяются на протяжении всей книги (вставать, идти, взывать, быть великим, спускаться, бояться, кидать, посылать, говорить, знать, быть злым, поворачиваться, благоговеть, быть хорошим, умирать). Столь же важным является частое повторение имен основных персонажей книги: Господь (26 раз), Элохим (15 раз), Иона (18 раз).

Кроме отдельных слов, важную роль в риторической стратегии автора выполняют целые фразы и синтаксические конструкции. Например, в 1:3 трижды повторяется выражение «в Фарсис (от лица Господня)», чем подчеркивается стремление Ионы убежать как можно дальше от Бога. Эти слова повторяются в обратном порядке в хиастической структуре, возможно, чтобы подчеркнуть действия Ионы, которые находятся в полной противоположности с волей Бога. В некоторых случаях задача переводчика будет состоять не в том, чтобы воспроизвести форму текста, т.е. хиастическое распределение слов, но передать функцию хиазма, т.е. подчеркнуть намерение Ионы убежать как можно дальше, в Таршиш, который располагался на краю известного тогда мира³²⁴.

Одна из первых проблем, с которой сталкивается переводчик при переводе повторяющихся терминов, касается вопроса «нормального стиля»: насколько естественным будет для языка перевода частое повторение одного и того же слова или фразы? Последовательный буквальный перевод может звучать совершенно неестественно в языке перевода. Однако, такая стратегия позволяет сохранить функцию единства и связности текста, которую данные элементы выполняют в оригинале. Для более искушенных читателей можно использовать определенные типографические средства, которые будут указывать на присутствие повторяющихся терминов, имеющих особое формальное и семантическое значение³²⁵. В тех случаях, когда перевод должен звучать естественно, следует отказаться от буквального подхода и передавать повторяющиеся слова контекстуально. Конечно, в таком случае повторяющиеся

³²⁴Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them. P. 310.

³²⁵Ibid.

термины более не могут быть структурным каркасом текста, зато у переводчика появляется возможность передать другую функцию данных элементов – эмоциональную насыщенность текста.

б. Вариация

Кроме повторяющихся слов и конструкций, автор использует и другое средство – вариацию (отступление от нормы и разнообразие форм). Очень часто эта техника используется автором в повторяющихся элементах текста, например, в виде синонимов, отступлениях от нормативных синтаксических конструкций и т.п. Таким образом, если повторение создает ощущение единообразия и привычного, то вариация подчеркивает особенность того или иного образа или предмета, создает ощущение «дефамилиризации». Переводчик должен определить вариативные элементы в тексте и тот общий вклад, который он вносит в создание текста. Можно выделить несколько видов вариации, которые использованы автором книги Ионы: лексико-семантические, пространственно-синтаксические, временно-прагматические³²⁶.

- *Лексико-семантические вариации* являются наиболее узнаваемым и распространенным типом модификации. Вместе с повторением они создают особый семантический эффект в развитии сюжета повествования Уэндланд говорит о пяти видах такой вариации: расширение, эллипсис, изменение порядка, грамматическая трансформация, замена³²⁷.
- *Пространственно-временная вариация* предполагает изменение привычного распределения синтаксических элементов³²⁸. Как правило, такой тип вариации используется для введения принципиально новой темы или агента в повествовании, а также эмфазы.

³²⁶Примеры см. в Wendland, E.R. Recursion and Variation in the “Prophecy” of Jonah... Part 1. P. 84.

³²⁷Ibid. P. 85.

³²⁸Ibid. P. 90.

- *Темпорально-прагматические вариации* выражаются в прерывании последовательного течения событий в повествовании, происходит смещение во времени к новому временному и ситуационному контексту³²⁹.

Самый лучший пример вариации мы находим в самом начале первой и второй частей книги (1:1-3 и 3:1-3). Указанные отрывки практически идентичны, но есть и весьма важные отличия. Так, в 1:2 и 3:2 Господь дает Ионе практически идентичные повеления וַיִּקְרָא אֱלֹהִים לְיֹנָתָן. Однако, если в 1:2 глагол קָרָא употреблен с предлогом לְ, то в 3:2 с предлогом לָא. Многие комментаторы не придают этому обстоятельству особого значения. Однако, скорее всего, в данном случае мы видим не просто пример стилистического разнообразия, но также и семантическую вариацию, смену тональности повествования. В переводе отразить подобную смену тональности можно при помощи разных предлогов, либо при помощи глаголов, имеющих различные семантические оттенки (*взывать, провозглашать, возвещать, обличать, проповедовать, сообщать и проч.*).

То, в какой степени эти различия и повторения могут быть воспроизведены в тексте перевода, будет зависеть от природы языка перевода и от коммуникативной ситуации перевода.

г. Структура

Повторение и вариация играют важную роль в организации повествования, проводя линии разграничения между отдельными эпизодами и связывая их воедино³³⁰. В качестве иллюстрации, возьмем вторую главу, в которой мы встречаемся с т.н. псалмом Ионы. Стихи 2:1-2 и 2:11 образуют внешнюю рамку, в которую включен большой раздел 2:3-2:10:

И повелел Господь большому *киту* проглотить Иону;

и был Иона *во чреве этого кита* три дня и три ночи...

³²⁹ Ibid. P. 93-98.

³³⁰ Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them. P. 315.

...и помолился Иона Господу Богу своему *из чрева кита*

И сказал Господь *киту*, и он *изверг* Иону на сушу

В данной хиастической конструкции мы находим ряд повторяющихся слов, которые создают базовую структуру хиазма, в то время как вариации («поглотил» - «изверг») обозначают начало и конец эпизода. В переводе можно постараться отразить эту структуру посредством сохранения как можно большего числа соответствующих лексических и синтаксических форм.

Внутри этого хиазма мы обнаруживаем благодарственную песнь Ионы; типичный псалом благодарения. Для него характерно повторение трех базовых структурно-функциональных элементов, которые являются отличительной особенностью данного лирического жанра: описание *кризиса* (конвенциональными поэтическими средствами); *средства* решения проблемы (воззвание к Богу); *результат* (божественное избавление). Дополнительный элемент – *ответ*, обещание поклонения, хвалы или жертвоприношения. Для отражения структуры этого тщательно организованного псалма могут быть использованы разнообразные графические средства, которые помогут показать основные параллельные элементы, а также ключевые семантические соответствия и контрасты³³¹.

д. *Интертекстуальность*

Интертекстуальность можно определить как использование библейским автором цитат, аллюзий, эха, мотивов из других библейских текстов, созданных ранее. Интертекстуальность помогает связать произведение с текстуальной и канонической библейской традицией.

Исследователи неоднократно отмечали существование интертекстуальных связей между книгой Ионы и другими библейскими текстами. Так, говорилось о связи книги Ионы и повествования о потопе из книги Бытия. Очевидной является и связь книги Ионы с 4 Цар 14:25, поскольку в обоих текстах упоминается «Иона, сын Амиттая». Очевидными являются и

³³¹ Ibid. P. 316-318.

связи с книгами «малых пророков»³³². В псалме Ионы (Иона 2) встречаются многочисленные аллюзии на другие библейские псалмы (напр., Псс. 42:8, 31:23, 18:5, 69:2, 30:4, 22:26, 3:9, 50:14, 116:16-18). В 3:4 можно увидеть очевидную отсылку к повествованию о Содоме и Гоморре (Быт 19:25). В 4:3 мы обнаруживаем аллюзию на 3 Цар 19:4 и на другие места, в которых пророк выражает желание умереть.

Передача аспектов интертекстуальности в переводе представляет серьёзную проблему. Не всегда возможно передать интертекстуальные элементы в переводе, особенно в том случае, если аудитория перевода не знакома с корпусом древнееврейской канонической литературы. Интертекстуальность может быть тематической (общие мотивы, темы) и явной (цитаты, аллюзии). Передача тематической интертекстуальности непосредственно в тексте невозможна, необходимо использование подстрочных примечаний, ссылок. Явную интертекстуальность можно передать в тексте перевода при помощи различных средств, например, графических.

е. Ирония

Ирония возникает в тех случаях, когда имеется определенное несоответствие между лингвистической формой высказывания и коммуникативным намерением. То есть ирония предполагает противоречие между тем, что сказано и тем, что подразумевается. Ирония, как правило, служит определенным дидактическим целям, например – для критики каких-то явлений. Кроме того, данное риторическое средство делает чтение произведения более увлекательным и побуждает читателя с большим вниманием отнестись к тексту. При помощи иронии автор также может подчеркивать какие-то ключевые темы своей книги.

В том, что ирония присутствует в книге Ионы, практически никто из экзегетов не сомневается. Так, иронически выглядит пророк, который не слушается Бога и убегает от Него на край земли. Столь же иронично выглядит

³³²См. Kim, P. *Jonah Read Intertextually* / P. Kim // *Journal of Biblical Literature*. – 2007. – Vol. 126:3. – P. 497-528.

молитва моряков-язычников, в то время как Иона пребывает в молчании. Вызывает улыбку и исповедание Ионы в 1:9, где он утверждает, что поклоняется Богу Всевышнему, но сам убегает от Него (1:10). В 4:1-2 Иона разозлен из-за того, что Бог милует жителей Ниневии, но в то же самое время он прекрасно знает, что Бог «благой и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеет о бедствии».

В книге Ионы мы встречаемся с иронией двух типов: текстуальной и контекстуальной. Первый тип является следствием определенного использования языка, а второй связан с неожиданным для читателей развитием событий в повествовании или поведением персонажей.

Примером текстуальной иронии может служить использование в 3:5 глагола *יָמַח*, который в Библии употребляется только в отношении народа Израильского, однако в этом стихе обозначает действия язычников-ниневитян. В 4:3 Иона, крайне расстроенный успешностью своей проповеди в Ниневии, говорит: «лучше мне умереть, нежели жить». Эти же слова говорит пророк Илия в 3 Цар 19:4, расстроенный тем, что его проповедь не имела успеха.

Контекстуальная ирония может основываться на контрасте в поведении двух персонажей или на нарушении героем повествования определенных конвенциональных моделей поведения³³³. Так, в первой главе из уст моряков-язычников мы слышим традиционную лексику благочестивого иудея, которую скорее можно было бы ожидать от пророка Божия³³⁴. В 1:3, вместо ожидаемого послушания воле Бога, Иона молча убегает от Господа в далекий город, что не могло не вызвать улыбку у людей, знакомых с повествованиями о пророках. С такой же ситуационной иронией мы встречаемся во второй главе, где Иона, находясь во чреве большой рыбы, использует для своей благодарственной песни ритм, характерный для псалмов плача³³⁵.

Ирония служит дидактическим и парентическим целям автора, позволяя ему более эффективно донести свои идеи до аудитории. Благодаря ей читатель

³³³ Ibid. P. 82.

³³⁴ Ibid. P. 86-87.

³³⁵ Ibid. P. 89.

втягивается в более глубокое и внимательное чтение текста. Кроме того, ирония может использоваться для критики тех идей или групп людей, с которыми дискутирует автор, подчеркивать ключевые тематические аспекты книги.

Методология перевода данного риторического средства будет зависеть от особенностей языка перевода и требований переводческого задания. Очевидно одно: буквальный перевод чаще всего не передает иронической тональности высказывания. Поэтому переводчику следует использовать те средства, которые существуют для передачи иронии в языке перевода.

ж. Загадка

В данном случае под загадкой мы будем иметь в виду риторическую стратегию автора, которая, благодаря особому расположению текстуального материала и особому использованию лингвистических средств, создает информационные «разрывы», вызывая у читателя вопросы, побуждая его к поиску ответов и более глубокому чтению текста. Используя данную стратегию, автор стремится сделать свое повествование более интересным и увлекательным, придавая ему большую коммуникативную эффективность³³⁶. Кроме того, загадка, как и ирония, может подчеркивать определенные ключевые элементы книги, а также служить дополнительным средством структурирования повествования³³⁷.

Загадка, как и драматическая ирония, может быть частью сюжета, а потому не является непосредственной задачей переводчика. Почему Иона отказался послушаться Бога в 1:3? Почему он молчит? Что спровоцировало такую реакцию? Мотивы его поступка остаются нам неизвестными вплоть до 4:2. Здесь, как и в ряде других эпизодов книги, мы встречаемся с техникой «отложенной информации», благодаря которой создается загадка.

³³⁶Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them. P. 321.

³³⁷Подробнее о загадке и ее функции см. Wendland, E.R. Recursion and Variation in the “Prophecy” of Jonah...Part 3.

В 3:4 Иона проповедует в Ниневии, однако о дальнейших его действиях ничего не сообщается. В 4:1-3 мы узнаем, что Иона был огорчен решением Бога помиловать ниневитян, однако в 4:5 пророк ведет себя так, будто он ничего об этом не знает: он просто выходит из города для того, чтобы посмотреть, что будет происходить далее. Энигматический характер книги Ионы виден и в последнем вопросе Бога в 4:11: каков был ответ пророка? Понял ли он урок, преподанный ему Господом, или по-прежнему отказывается принять волю Бога? Ответы на эти вопросы должны быть оставлены читателю и комментатору, поскольку они лежат за пределами законной переводческой процедуры³³⁸.

В книге Ионы автор несколько раз использует неоднозначные высказывания, оставляя читателя перед вопросом об их точном значении. В данном случае мы имеем дело не с обычными экзегетическими трудностями (т.е. с отсутствием достаточной текстуальной или контекстуальной информации), а с намеренным созданием двусмысленности³³⁹. После того, как жребий, брошенный моряками, указал на Иону, в 1:8 мы встречаем вопрос *הֲגִידָה־נָא לָנוּ בְאִשֶׁר לְמִי־הָרַעָה הַזֹּאת לָנוּ*. Как понимать этот вопрос: спрашивают ли они Иону как того, кто может знать виновника шторма или как того, кто сам является виновником шторма? С подобной двусмысленностью мы встречаемся и в 3:4, где употреблен глагол *נָפַח*, описывающий судьбу Ниневии. Данный глагол может означать как полное разрушение города (как в случае Содома и Гоморры в Быт 19:25), так и покаянное изменение (как в случае с молодым Саулом в 1 Цар 10:9). Какое из этих значений подразумевал автор? Или, может быть, сразу два?

Автор книги Ионы использует загадку для реализации различных целей. Во-первых, данное риторическое средство вносит свой вклад в общее единство и связность текста. Во-вторых, данное средство подчеркивает ключевые тематические аспекты книги. Кроме того, благодаря загадке автор придает

³³⁸Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them. P. 322.

³³⁹Ibid. P. 323.

своему произведению убедительность и вызывает интерес у читателей. Переводческое задание НББ требует поиска тех средств, при помощи которых можно передать риторические особенности книги.

На этом мы вынуждены окончить общий анализ книги Ионы. Были проанализированы лишь те аспекты, которые имеют особое значение для перевода книги Ионы в конкретной коммуникативной ситуации. В следующей главе мы подробнее обсудим переводческие проблемы, с которыми может столкнуться переводчик при работе с данной книгой, а также будут предложены их решения, исходя из требований переводческого задания.

ГЛАВА 4. ПЕРЕВОД КНИГИ ИОНЫ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК: РЕШЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В Главе 4, основываясь на результатах предыдущего исследования, мы предпринимаем функционалистский перевод книги Ионы с древнееврейского языка на белорусский. Этому предшествует более детальная разработка концепции перевода НББ, для чего анализируются концепты «литературный перевод Библии» и «отчуждающий перевод», а также формулирование основных переводческих инструкций, которым должны следовать переводчики при создании нового перевода. Полный текст перевода можно увидеть в Приложении В.

4.1. Концепция литературного перевода

Из анализа коммуникативной ситуации НББ мы видим, что в новом переводе должны быть отражены литературные аспекты оригинального текста, его художественные, жанровые и стилистические особенности. Такой тип перевода можно назвать литературным. Выражение «литературный перевод» используется во многих переводческих проектах, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что литературность понимается и реализуется совершенно по-разному, что может быть объяснено существованием разных критериев. Поэтому необходимо кратко объяснить, что мы понимаем под литературным переводом в данной работе, а затем – что такое литературный перевод Библии и на основании каких критериев мы будем создавать его.

4.1.1. Понятие литературного перевода

Библейские тексты создавались внутри определенной культуры, в которой существовала своя литературная система и представления о том, каким критериям должны соответствовать литературные произведения. В последнее время исследователи обращают все большее внимание на литературные

аспекты библейских текстов, которые помимо своего религиозного и нравственного значения свидетельствуют о наличии высоких художественных качеств³⁴⁰.

От того, как переводчик понимает, что такое литература, зависят его практические действия при работе с конкретным текстом. Что позволяет нам говорить о тексте как о «литературном»? Было дано множество определений тому, что такое «литература» и в наши задачи не входит формулирование еще одного. Мы лишь обратим внимание на социокультурный аспект литературности. Гидеон Тури говорит о том, что «в каждой культуре <...> определенные черты, модели, техники (включая способы перевода!) и <...> тексты, которые используют их, скорее *рассматриваются* в качестве литературных, нежели *являются* литературными в “эссенциалистском” смысле...»³⁴¹. Это означает, что литературным текст является не сам по себе, но лишь с точки зрения той культурной системы, внутри которой он возникает и функционирует. Вне этой системы текст может не восприниматься таковым. Иными словами, литературность текста – явление прагматическое и определяется местом и функцией текста в системе культуры. Это означает, что одни и те же тексты (и те средства, при помощи которых они создаются) могут восприниматься как литературные, а могут и потерять данное свойство. Именно позиция текста в системе и его культурно-семиотическая функция позволяют проводить различие между текстом литературным и нелитературным. Поскольку культурные нормы и представления о критериях литературности меняются, то библейские произведения не могут автоматически рассматриваться как литературные произведения в рамках нашей культуры. Всё сказанное имеет непосредственное отношение к переводу. Тури предлагает

³⁴⁰ Так, ученые указывают на существование разработанной системы жанров, развитой образной системы, большой плотности образного и символического языка, разнообразных синтаксических конструкций, продуманной композиционной структуры, большое количество аллюзий на прежние тексты. Кроме того, многие библейские тексты обладают высокой степенью эмоциональности и риторической убедительности. См. *Alter, R. The Art of Biblical Narrative / R. Alter. - New York: Basic Books, 1981. – 195 p.*; *Berlin, A. Poetics and Interpretation of Biblical Narrative / A. Berlin. - Sheffield: Almond Press, 1983. – 180 p.*; *Sternberg, M. The Poetics of Biblical Narrative. Ideological Literature and the Drama of Reading. Bloomington: Indiana University Press, 1985. – 580 p.*; *Bar-Efrat, S. – Narrative Art in the Bible / S. Bar-Efrat. - Sheffield: Almond Press, 1989. – 295 p.*

³⁴¹ *Toury, G. Descriptive Translation Studies and Beyond. P.170-171.*

проводить различие между «переводом литературного текста» и «литературным переводом текста»³⁴². И в том и в другом случае, любой текст воспринимается с точки зрения целевой аудитории.

В первом случае («перевод литературного текста») речь идет о переводе текста, который рассматривается в качестве литературного в культуре оригинала. Очень часто в категорию «литературных переводов» попадали любые переводы такого оригинального текста. В более утонченной версии данного подхода к таким переводам относились те, которые стремились удержать (лучше сказать, реконструировать) внутреннюю систему взаимоотношений между различными элементами оригинального текста. Как правило, когда мы говорим о библейских текстах как о литературных произведениях, то имеем в виду, что они были таковыми в своей культуре и внутри своей литературной системы. Это означает, что многие переводы Библии можно было бы охарактеризовать как «переводы литературного текста». С переводческой точки зрения литературность оригинального текста не делает его перевод также литературным, даже если при этом используется современный литературный язык. С точки зрения нашей системы подобные переводы не являются литературными, поскольку они не соответствуют тем требованиям и нормам, которые выдвигаются к такого рода текстам. Это означает, что «литературность» оригинального текста и даже его тщательное воспроизведение в языке перевода не являются достаточными условиями для того, чтобы переводной текст воспринимался как литературное произведение в принимающей культуре. Наоборот, такой перевод может быть отвергнут, поскольку он слишком старается воспроизвести литературные черты оригинала³⁴³. Чем выше степень формального соответствия переводного текста оригиналу, тем выше вероятность потери «прагматического подобия» (подобия коммуникативной функции).

³⁴² Ibid. P. 166-180.

³⁴³ Ibid. P. 169.

Когда мы говорим о «литературном переводе текста», то подразумеваем, что перевод должен отвечать *хотя бы некоторым* требованиям, которые в принимающей культуре выдвигаются к литературным текстам³⁴⁴. Поскольку переводной текст является частью своей культуры, то восприятие его в качестве литературного будет зависеть от того, насколько он соответствует действующим в данной культуре нормам. Эти требования могут в разной степени влиять на переводной текст, а это означает, что литературный перевод – это понятие, которое имеет разные степени реализации³⁴⁵. В большей или меньшей степени подобное «одомашнивание» оригинала происходит всегда. Даже от буквальных переводов требуется определенная стилистическая маркированность (хотя бы на фонологическом уровне), чтобы перевод звучал естественно. Часто критерием «литературности» текста является его благозвучие, мелодичность и ритмичность языка при восприятии на слух³⁴⁶.

Переводчик должен решить, из какой системы координат он будет исходить при создании своего перевода: будет ли это система координат оригинальной культуры или принимающей? Читатель перевода может воспринять текст как литературный только в том случае, если текст перевода соответствует нормам его культуры. Если же переводчик сохраняет в своем переводе литературные маркеры культуры оригинала, то он должен предупредить читателя о том, что перевод является переводом литературного текста, созданного в рамках другой культуры на основе критериев, отличных от тех, что существуют в принимающей культуре.

4.1.2. Литературный перевод Библии

Несмотря на то, что практика перевода библейских текстов как литературных произведений существует давно, о теоретических основаниях такого подхода говорилось немного. Уже де Ваард и Найда говорили о существовании в Библии литературных текстов, которым присущи особые

³⁴⁴ Ibid. P. 170-171.

³⁴⁵ Ibid. P. 171.

³⁴⁶ Wendland, E. LiFE-Style Translating. A Workbook for Bible Translators. P. 70.

свойства. Однако эти ученые не дали четких рекомендаций относительно того, как передавать их в переводе. Впервые теоретические вопросы, связанные с литературным переводом Библии, стали обсуждать (независимо друг от друга) Э. Уэндленд и А.С. Десницкий³⁴⁷.

Наиболее полно концепция, принципы и методология такого перевода были представлены в уже упомянутой книге Эрнста Уэндленда «Литературно-функциональный подход к переводу. Учебник для библейских переводчиков» (см. 1.2.10). Он говорит о литературном переводе Библии как о попытке (письменного, устного или визуального) воспроизведения художественных и риторических свойств библейского текста в новой коммуникативной ситуации при помощи функционально эквивалентных средств, существующих в языке перевода³⁴⁸. Уэндленд называет такой тип перевода «литературно-функциональным эквивалентом» и предлагает искать эквиваленты на уровне целых жанров. Таким образом, литературно-функциональный эквивалент (который сам Уэндленд называет радикальным «одомашниванием» или «приручением» текста³⁴⁹) можно считать разновидностью «гомологичного» перевода (в терминологии К. Норд). Принципы литературного перевода можно сформулировать следующим образом³⁵⁰:

- Ориентация на передачу *дискурсных* черт библейских текстов в их жанровом многообразии: переводятся не отдельные высказывания, а сложно организованные тексты.
- Передача *прагматической функции* текста, т.е. воспроизведение коммуникативной ситуации оригинала для новой аудитории.

³⁴⁷Десницкий, А.С. Перевод Библии как литературный перевод / А.С. Десницкий // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии / Под ред. М.Е. Алексеева и др. - М.: ИПБ, 2003. – С. 333 – 366; Wendland, E. R. Towards a “Literary” Translation of the Scriptures: With Special Reference to a “Poetic” Rendition / E.R. Wendland // Acta Theologica Supplementum. – 2002. – Vol. 2. - P. 164-201. Уэндленд разрабатывал концепцию литературного перевода Библии в нескольких своих публикациях, среди которых можно назвать Wendland, E.R. Translating the Literature of Scripture: A Literary-Rhetorical Approach to Bible Translation / E.R. Wendland. - Dallas: SIL, 2004. – 509 p.

³⁴⁸Wendland, E. R. Towards a “Literary” Translation of the Scriptures: With Special Reference to a “Poetic” Rendition. P. 185.

³⁴⁹Wendland, E.R. Translating the Literature of Scripture... P. 87.

³⁵⁰Ibid. P. 165.

- При определении значения текста учитывается имплицитная информация и представления аудитории, то есть текст воспринимается в широком *контексте*, включающем в себя и разнообразные культурные явления, не обязательно выраженные в явном виде в некоторых текстах.
- Особое внимание уделяется передаче риторических и *художественных* черт с учетом того, как звучит текст перевода при его прочтении вслух.
- Отдельные книги Библии и сама Библия как сборник текстов воспринимаются в их целостности и полноте в *синхронической* перспективе (прочитываются как тексты, относящиеся к одному моменту во времени), что не исключает принципиальной возможности и диахронического анализа (исследования того, как менялись сами тексты и их понимание с течением времени).

Уэндланд говорит о том, что такой перевод должен восприниматься аудиторией перевода в качестве литературного произведения³⁵¹. При этом степень «художественности» перевода, то есть степень следования литературным нормам принимающей культуры может быть разной: от поиска эквивалентного жанра до отражения отдельных художественных аспектов в буквальных переводах. Это означает, что литературный перевод может реализовываться на разных уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, дискурсном. Для того чтобы перевод можно было охарактеризовать как литературный, важно, чтобы по крайней мере один из указанных аспектов был реализован последовательно и с определенной риторической целью³⁵². Анализ коммуникативной ситуации помогает определить, какие именно литературные аспекты оригинала и в какой степени следует передавать. Таким образом, даже буквальному переводу может быть придано литературное измерение, если он будет осуществлен искусно,

³⁵¹Wendland, E. R. Towards a “Literary” Translation of the Scriptures. P. 181.

³⁵²Wendland, E. LiFE-Style Translating. A Workbook for Bible Translators. P. 74.

следуя литературным нормам культуры перевода и учитывая ожидания аудитории³⁵³.

Многие библейские тексты соответствовали самым высшим художественным стандартам своей культуры. Это означает, что перевод такого текста должен быть столь же эстетически привлекательным для своего читателя, насколько привлекательным был оригинальный текст для своей аудитории. По меньшей мере, литературный перевод должен попытаться приблизиться к возможному уровню стилистического совершенства и риторического эффекта, какой только возможен в данной коммуникативной ситуации и насколько это позволяет образование, компетенция, опыт переводчика. Конечно же, если цель перевода состоит в воспроизведении «прагматического подобия» (максимально возможного подобия коммуникативных функций), то формальное сходство переводного текста с оригиналом будет во многом утеряно.

В какой степени литературные особенности оригинального текста могут быть отражены в конкретном переводе? Какие факторы будут оказывать на это влияние? Одним из таких факторов является **культурная маркированность текста**³⁵⁴. Чем выше степень принадлежности текста конкретной культуре, тем сложнее его переводить и тем большее количество преобразований необходимо осуществить переводчику. Чем большее количество культурно-маркированных элементов употребляет автор, тем больше усилий потребует от переводчика при их передаче в литературном переводе. И наоборот: чем меньше степень принадлежности текста к конкретной культуре, тем меньше трансформаций потребует при его переводе.

Хатим и Мэнсон также отмечают, что необходимо учитывать **степень динамичности** или **статичности** текста³⁵⁵. «Динамические» тексты, в отличие от «статических», содержат большое количество нового и непредсказуемого, множество разнообразных риторически «маркированных» форм, которые

³⁵³ Ibid.

³⁵⁴ Hatim, B. *Discourse and the Translator* / B. Hatim, I. Mason. - London: Longman, 1990. P. 188.

³⁵⁵ Hatim, B. *The Translator as Communicator* / B. Hatim, I. Mason. - London: Routledge, 1997. P. 26-29.

отличны от привычных. Следует также учитывать, что чем больше **риторических средств** употреблено в оригинальном тексте, тем более убедительно и эмоционально должен звучать язык перевода³⁵⁶. Кроме того, степень воспроизведения художественных средств и риторической убедительности во многом зависит от способа репрезентации переводного текста. Чем более буквальным будет перевод, тем меньшей степенью риторической убедительности и художественной привлекательности он будет обладать³⁵⁷. Чем более идиоматическим и литературным будет перевод, тем больше риторических черт оригинала он сможет передать с точки зрения художественных норм и конвенций языка перевода. Все это означает что «видимость» присутствия переводчика в литературном переводе будет много большей, чем обычно.

Как все сказанное выше относится к новому переводу Библии на белорусский язык? В распоряжении большинства читателей НББ находятся различные переводы Библии на белорусском и русском языках, которые в целом можно охарактеризовать как буквальные. Благодаря этим переводам читатели вполне могут получить представление о формальных аспектах оригинала. Однако такие буквальные переводы не всегда соответствуют нормам литературности, существующим в нашей культуре (либо соответствуют им лишь отчасти, например, на фонетическом или лексическом уровнях). Поэтому подобные переводы не воспринимаются как художественные тексты. Литературный перевод может помочь воспринять библейский текст не только как памятник древней литературы, но и как художественный текст, в той или иной степени соответствующий критериям литературности принимающей культуры. Такой перевод позволит читателям ощутить эстетическую привлекательность и риторическую силу оригинального текста.

Следует отметить, что в контексте нашей коммуникативной ситуации вряд ли возможен полный литературно-функциональный эквивалент, о котором

³⁵⁶Wendland, E. R. Towards a "Literary" Translation of the Scriptures... P. 182.

³⁵⁷Ibid. P. 183.

говорит Уэндланд. Такой перевод слишком серьезно расходился бы с теми ожиданиями, которые существуют у белорусских читателей относительно перевода Библии. Это означает, что в наши задачи не будет входить поиск существующего или создание нового эквивалентного литературного жанра. В нашей коммуникативной ситуации литературный перевод не может сделать библейский текст полностью «своим», Библия не может стать частью корпуса белорусской литературы. Поэтому мы ограничимся использованием тех художественных, стилистических, риторических и композиционных средств, которые позволят читателю воспринять наш перевод в качестве художественного произведения.

4.2. Концепция отчуждающего перевода

Особенности коммуникативной ситуации перевода НББ предполагают, что этот перевод должен помочь читателям осознать принадлежность ветхозаветных текстов иной культуре, отличной от нашей собственной. Такой тип перевода, подчеркивающий инаковость оригинального текста, в современной теории перевода называется «отчуждающим» переводом. Чтобы лучше понять задачи переводчиков, создающих перевод такого типа, необходимо сказать несколько слов о концепте отчуждения.

4.2.1. Концепция отчуждения в библейском переводе

В разделе 1.2.7 мы уже говорили о Лоуренсе Венути и его теории отчуждающего перевода, обсуждая развитие переводоведения в XX ст. В данном подразделе мы продолжим обсуждение концепции отчуждающего перевода, но уже в связи с проблемой перевода Библии.

Как мы помним, впервые противопоставление одомашнивающего и отчуждающего перевода появилось в XIX в. в трудах Ф. Шлейермахера. Идеи немецкого богослова и переводчика обрели новую жизнь в конце XX в., однако

теперь уже в контексте дискуссий о переводческой этике, которые возникли в этот период в англо-американском мире. Как уже было сказано выше, критика тотального «одомашнивания» переводных текстов и их приспособления к ценностям англо-американского мира, которую высказывал Лоуренс Вентути, могла бы быть вполне оправданной, если бы она не выходила за пределы англоязычной культуры. Однако у него стратегия отчуждения становится универсальным принципом, который распространяется на все культуры.

Несмотря на то, что мы не можем полностью принять подобный подход, следует признать, что сам принцип отчуждения (не обязательно в интерпретации Вентути) может оказаться весьма полезным в определенных коммуникативных ситуациях, в том числе и в библейском переводе. Причем выбор отчуждающего перевода может быть продиктован самыми разными идеологическими установками. Так, выбор данной стратегии при переводе Библии может объясняться стремлением показать принадлежность Библии иному онтологическому измерению (например, в случае литургического перевода). Стратегия отчуждения также необходима в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть принадлежность библейских текстов иному культурному пространству, отличному от нашего. Выше мы уже говорили о том, что Ветхий Завет прочитывается в ситуации гегемонии христианского богословия, что не позволяло увидеть уникальности ветхозаветных текстов и их несводимости к Новому Завету.

Поскольку необходимость в использовании стратегии отчуждения может быть продиктована разными мотивами, это означает, что не может быть универсальных средств создания отчуждающего перевода и их выбор зависит от параметров конкретной коммуникативной ситуации. Часто отчуждение ассоциируется с буквальным типом перевода, использованием архаичной лексики и необычного синтаксиса (соответственно, одомашнивающий перевод часто отождествляется с идиоматическим типом перевода). Так, Вентути отстаивает «гетерогенный дискурс», который включает в себя «обильное смешение архаизмов, коллоквиализмов, цитат, нестандартной пунктуации и

орфографии, и просодический эксперимент»³⁵⁸. Впрочем, было бы неверным говорить о том, что использование архаического языкового стиля и буквальный перевод являются единственными возможными средствами создания отчуждения. Более того, вопрос средств реализации различных стратегий нельзя свести исключительно к проблеме стиля, поскольку язык является лишь одним из средств, которым может воспользоваться переводчик. Противостояние между двумя подходами стоит рассматривать в более широком контексте взаимоотношения культур, а не только двух лингвистических систем. Концепция одомашнивания говорит о замене культуры оригинала культурой перевода, а концепция отчуждения – о сохранении отличительных характеристик культуры оригинала.

Сказанное означает, что не важно, какие языковые средства будут использованы переводчиком. Главное, чтобы в конкретной коммуникативной ситуации язык породил определенные культурные ассоциации; если это отчуждающий перевод – то ассоциации, связанные с культурой оригинала, если одомашнивающий – то с культурой перевода. В некоторых переводческих ситуациях важно «выстроить мост» над пропастью, существующей между двумя культурами. В иных ситуациях задача переводчика состоит в том, чтобы сохранить эту пропасть открытой, подчеркивая дистанцию, но делая при этом другую культуру доступной через объяснение ее инаковости. Отчуждающий перевод должен разрушать культурные конвенции целевой культуры и требует от переводчика способности в определенной степени отойти от норм родной культуры для порождения опыта прочтения «чужого»³⁵⁹. Одомашнивающий перевод, в свою очередь, должен минимизировать отчужденность оригинала.

4.2.2. Концепция отчуждения в переводе «Новая Беларуская Біблія»

После всего сказанного, мы можем вернуться к обсуждению нашего перевода. Выбор стратегии отчуждения в проекте НББ объясняется

³⁵⁸Venuti, L. The Translator's Invisibility... P. 231-232.

³⁵⁹Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. P. 16.

необходимостью знакомства читателя с культурой оригинала (см. 3.2.2.3). Нужно помочь читателю осознать принадлежность библейских текстов древнему средиземноморскому миру, мировоззрение, культурные и социальные модели которого сильно отличаются от современного мира. Современный читатель привык читать ветхозаветные тексты сквозь призму своих ценностей, культурных представлений. Поэтому переводчики должны попытаться показать те культурные концепты, реалии, которые помогут понять современному читателю культуру оригинального текста. Это можно сделать разными способами. Один из способов – снабдить перевод примечаниями, которые будут содержать комментарии, поясняющие культуру оригинала, язык, текстологические проблемы. Однако возможна и другая стратегия: сделать культуру оригинала понятной посредством эксплицитной информации внутри самого текста. Именно такой подход выбрали К. Бергер и К. Норд в своем новом переводе новозаветных текстов на немецкий язык.

Так, в описании Нового Иерусалима в Откр 21:18-21 недостаток знаний у современных читателей о культурном контексте раннего христианства уменьшает апеллятивную функцию данного отрывка. Описывая стены Небесного Града, состоящие из различных драгоценных камней, автор Апокалипсиса исходил из предположения о том, что его аудитория прекрасно знакома со всеми этими камнями, а потому не нуждается в дополнительной эксплицитной информации. Значительная же часть современных читателей не обладает подобными знаниями. Поэтому переводчики Норд и Бергер решили эксплицировать цвета камней для того, чтобы читатели смогли осознать эстетическую привлекательность Нового Иерусалима и то, что для автора и его первоначальной аудитории была важна не столько их стоимость, сколько красота. Помимо этого, отрывок Откр 21:18-21 мог иметь еще одну важную функцию. Данное видение Иоанна находится в конце последней книги Библии и идет вслед за описанием ужасов и потрясений последних времен. Видение Нового Иерусалима является кульминацией Нового Завета. Поэтому авторы перевода предполагают, что данный текст имеет еще и апеллятивную функцию,

являя нам красоту нового творения Божия. Апеллятивную функцию оригинала невозможно передать посредством простого технического описания того, как устроен Новый Иерусалим. Для этого нам необходимо знать цвета камней, из которых построен Небесный Град³⁶⁰.

Можно не соглашаться с данным решением переводчиков, однако их выбор последователен и вполне объясним. Выбранный ими подход показывает различия в системе ценностей и эстетике, которые существуют в мире оригинала и перевода. То, что является прекрасным в одной культуре, может совершенно иначе восприниматься в другой. Описание Нового Иерусалима могло восхищать жителя Римской империи I-II столетия, но представителю современной немецкой культуры он может показаться слишком холодным из-за обилия золота и драгоценных камней. Слишком разными оказываются культурные ценности: для немцев очень важны домашнее тепло и комфорт и вообще все, что связано с концептом *Gemütlichkeit*, чего как раз они и не находят в тексте книги Откровения³⁶¹.

Этот пример хорошо иллюстрирует принцип, который мы попытаемся реализовать в своем переводе. С одной стороны, сделать древний текст понятным современному читателю через экспликацию части коннотаций, которые возникали у первоначального читателя при чтении данного текста. С другой стороны, позволить современному читателю понять, что эстетическая и ценностная система мира, в котором возник оригинальный текст, отличается от наших установок.

³⁶⁰ Ради экономии места приведем лишь буквальный перевод немецкого текста: «Городские стены сделаны из яшмы, а сам город из золота, чистого как стекло. Основания городской стены прекрасны, поскольку они построены из драгоценных камней, имеющих обилие разных цветов. Первый камень в основании – яшма, второй – голубой сапфир, третий – красный агат, четвертый – светло-зеленый изумруд, пятый – красно-коричневый оникс, шестой – желто-красный сердолик, седьмой – золотой кварц, восьмой – берилл, зеленый, как море, девятый – сияющий желтый топаз, десятый – халцедон, мерцающий зелено-золотым светом, одиннадцатый – красная бирюза, двенадцатый – пурпурный аметист. Двенадцать ворот – двенадцать жемчужин, каждые ворота сделаны из одной жемчужины. Главная улица города – из золота, чистого как стекло».

³⁶¹ Nord, Ch. Dealing with Purposes in Intercultural Communication... P. 164.

4.3. Определение макростратегии перевода

4.3.1. Определение понятий «стратегия», «макростратегия», «микростратегия»

Мы уже неоднократно говорили, что основным фактором, определяющим процесс создания перевода, является коммуникативная функция переводного текста. Именно она определяет выбор переводческой стратегии, а также операции, которые переводчик будет использовать при решении конкретных переводческих проблем. В данном разделе, на основании проведенного ранее анализа коммуникативной ситуации перевода НББ, мы попытаемся определить макростратегию его создания. На этом основании в дальнейшем можно будет выбирать способ решения конкретных переводческих проблем. Но сначала нам следует дать определение таким понятиям как стратегия, макростратегия и микростратегия.

Термин *стратегия* обозначает совокупность целенаправленных действий, которые предпринимаются для достижения определенной цели оптимальным образом³⁶². Любая стратегия предполагает планирование деятельности, что, в свою очередь «предполагает составление плана какой-либо деятельности. При этом всякая деятельность осуществляется в определенных условиях, а само планирование необходимо учитывает специфику этих условий»³⁶³.

Переводческая стратегия – это совокупность действий, предпринимаемых переводчиком для создания функционального в данной коммуникативной ситуации переводного текста. В переводческой деятельности можно выделить два типа стратегий: макростратегии и микростратегии.

Макростратегию можно определить как общую программу осуществления переводческой деятельности, которая определяет способы

³⁶² *Kearns, J. Strategies / J. Kearns // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge 2009. P. 282.*

³⁶³ *Сдобников, В.В. Стратегия перевода: общее определение / В.В. Сдобников // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. - № 1:13. - С. 165-172.*

достижения переводческих целей. Макростратегия определяется не произвольно, а на основе анализа конкретной коммуникативной ситуации³⁶⁴. Таким образом, основным фактором определения макростратегии перевода является совокупность параметров коммуникативной ситуации, которая и определяет ее специфику³⁶⁵.

Макростратегия определяет основной тип, облик, ориентацию переводного текста. Разные исследователи используют разную терминологию для обозначения макростратегий; формальная эквивалентность и динамическая эквивалентность(Найда); семантический перевод и коммуникативный перевод (Ньюмарк); документальный перевод и инструментальный перевод (Норд); макростратегия, ориентированная на оригинальный текст и макростратегия, ориентированная на переводной текст (Шёлдагер)³⁶⁶. Как бы ни назывались макростратегии, все они говорят о двух типах переводческой ориентации: 1) ориентация на передачу формы и значения оригинала и 2) ориентация на целевой текст и на тот эффект, который он производил на читателей. Далее мы будем следовать терминологии, которую употребляет в своих работах К. Норд и говорить о документальном и инструментальном переводах. И тот, и другой тип перевода являются двумя крайними точками одного континуума, между которыми может существовать множество разнообразных вариантов.

Микростратегия – это способ решения конкретной переводческой проблемы, который переводчик выбирает, исходя из концепции перевода и общей стратегии перевода. В отличие от макростратегий, микростратегии

³⁶⁴ Ср. определение, которое В.В. Сдобников дает термину «стратегия», что соответствует нашему пониманию термина «макростратегия»: стратегия перевода – это «программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации. По сути, стратегия перевода – это общее представление переводчика о тех задачах, которые ему предстоит решить в процессе перевода, и характере способов достижения цели, с которой осуществляется перевод, представление о специфике планируемых переводческих действий и их назначении. Это представление формируется у переводчика не произвольным образом, а на основе анализа той коммуникативной ситуации, в которой перевод осуществляется» (Сдобников, В.В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода / В.В. Сдобников // Вестник НГЛУ. Проблемы перевода и переводоведения. – 2011. - № 14. - С. 114-124.).

³⁶⁵ Сдобников, В.В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода. С. 115.

³⁶⁶ Schjoldager, A. Understanding Translation / A. Schjoldager, G. Henrik, I. Klitgård. - Aarhus/Copenhagen: Academica, 2008. – 312 p.

относятся не к целому тексту, а к отдельным фрагментам текста. О решении конкретных проблем, связанных с переводом книги Ионы на белорусский язык мы будем говорить в разделе 4.5.

4.3.2. Определение макростратегии перевода НББ

Итак, макростратегия – это программа принятия переводческих решений на макроуровне, принять которую необходимо до начала переводческого процесса. Предпочтение заранее не может быть отдано ни одной из макростратегий. Как уже было сказано выше, выбор делается на основании тщательного анализа коммуникативной ситуации переводного текста. Для определения микростратегии, переводчик должен ответить на следующий вопрос: будет ли переводной текст являться свидетельством первоначальной коммуникации между автором оригинала и его аудиторией – или инструментом новой коммуникации? Переводчик, выбирающий документальный перевод, является свидетелем коммуникации между автором оригинального текста и его первоначальными читателями. В таком случае в центре внимания будет находиться форма оригинала и его семантическое значение. В переводе такого типа переводчик будет стремиться к максимальному сохранению формы оригинального текста и потому переводной текст (в зависимости от конкретной ситуации) будет в разной степени буквальным. Инструментальный перевод предполагает, что переводчик является посредником между автором оригинала и его сегодняшними читателями. При таком подходе, в зависимости от коммуникативной ситуации, переводной текст будет в разной степени адаптирован к нормам целевой культуры.

Исходя из результатов анализа коммуникативной ситуации, мы можем сделать вывод, что новый перевод Библии на белорусский язык должен восприниматься как художественное произведение, отвечающее всем тем требованиям, которые выдвигаются в отношении такого рода текстов в культуре перевода. Это означает, что аудитория перевода должна иметь тот же опыт прочтения и восприятия текста в качестве литературного, какой имела

первоначальная аудитория, читавшая оригинальный текст. Такой перевод должен передавать художественные, стилистические и риторические аспекты оригинала средствами языка перевода (экспрессивная функция). Иными словами, новый перевод должен стремиться к передаче прагматической функции оригинального текста, а не его формальных характеристик и семантического значения.

Кроме того, коммуникативная ситуация требует от переводчика создания такого текста, который бы позволял почувствовать инаковость оригинального текста, его принадлежность другой культуре, отличной от нашей. Эта инаковость текста должна быть не только осознана, но и понята современным читателем (референциальная функция). При этом читатели должны понимать, что древний текст, несмотря на все отличия, по-прежнему сохраняет свою актуальность (непрямая апеллятивная функция). Такая задача требует принятия стратегии отчуждения.

Как видно, переводной текст должен в определенной степени выполнять в своей коммуникативной ситуации функции, подобные тем, которые выполнял оригинальный текст в своей культуре. Используя терминологию Норд, такого рода перевод можно определить как инструментальный гетерофункциональный перевод.

4.4. Определение практических инструкций

После анализа коммуникативной ситуации перевода и определения макростратегии, необходимо сформулировать ряд практических инструкций, которыми необходимо руководствоваться при встрече с конкретными переводческими проблемами. Безусловно, в реальной переводческой ситуации такие инструкции были бы более детальными и охватывали бы больший спектр возможных проблем, с которыми может столкнуться переводчик. При этом следует помнить, что цель таких списков состоит в том, чтобы сформулировать

общий подход к переводческим проблемам в рамках конкретного проекта, а не в том, чтобы предлагать однозначные и универсальные решения. Здесь мы приводим лишь один из возможных списков подобных инструкций.

4.4.1. Средство коммуникации

Перевод книги планируется издать в виде отдельной книги, снабженной иллюстрациями. Собственно тексту книги Ионы будет предшествовать краткое введение, в котором будет дана информация об авторе книги, времени и месте ее создания, основных богословских текстах. Вводный раздел предоставит читателю также информацию о целях перевода и особенностях его осуществления.

4.4.2. Деление на макросегменты

В нашем переводе мы решили использовать стандартное деление книги Ионы на главы, принятое в BHS, но при этом решили отказаться от традиционного деления на стихи. Такое решение продиктовано концепцией перевода. Деление на главы и стихи является семиотическим знаком, которое дает определенный ключ к интерпретации и восприятию текста. Задача нашего перевода состоит в том, чтобы представить книгу Ионы как художественное произведение, а потому мы должны следовать литературным нормам, принятым в культуре перевода. В нашей культуре мы, как правило, не делим подобные тексты на стихи, но используем деление на более крупные текстуальные сегменты: главы, абзацы, параграфы и т.п. Кроме того, мы знаем, что в первоначальном тексте нумерация стихов и глав отсутствовала и была введена позднее для облегчения работы с текстом. По этой причине мы отказались от привычного деления на стихи. Кроме того, отсутствие нумерации облегчает восприятие текста как цельного литературного произведения. Безусловно, это может создать определенные трудности при сопоставлении данного перевода с другими переводами, однако наша основная цель – не

облегчение задачи аналитикам, а возможность прочесть текст как художественное произведение.

Мы также решили отказаться от привычных названий, которые используются для крупных текстуальных сегментов (рус. «глава», бел. «раздзел») и воспользоваться иной терминологией. По ряду параметров книга Ионы похожа на драматическое произведение, предназначенное для постановки на сцене:

- четко разграниченные сцены, каждая из которых имеет своих героев и свои «декорации» (в гл. 1 – это корабль в море, в гл. 2 – чрево большой рыбы, в гл. 3 – город Ниневия, в гл. 4 – окрестности Ниневии);
- наличие повествователя;
- обилие диалогов;
- эмоциональная насыщенность;
- драматическая напряженность.

По этой причине мы решили заимствовать название крупных сегментов текста из области драматургии и использовать белорусский термин «дзея» (рус. «действие»). Использование этого слова в качестве семиотического знака, который связан в нашей культуре с театральным миром, позволит читателю расширить свое восприятие библейского текста. При этом мы ограничиваемся использованием лишь этого слова, отказавшись от иной конвенциональной терминологии и соответствующего графического деления текста, чтобы не делать переводческую интерпретацию навязчивой.

4.4.3. Функция перевода

Всякий текст состоит из совокупности функциональных единиц, создающих общую функцию всего текста. Сохранение функциональных элементов оригинала в переводном тексте может привести к изменению прагматической функции текста. Для сохранения функции оригинального

текста в переводе может потребоваться изменение функциональных элементов. Один из способов сохранения прагматической функции – использование техники компенсации: в том случае, если в переводе невозможно создать гомологичную функцию какого-либо элемента, то существует возможность ее создания в другом сегменте текста. Главное требование – сохранение базовой функции текста, в то время как отдельные элементы могут менять свою функциональность.

Из переводческого анализа видно, что новый перевод должен сохранить базовую апеллятивную функцию оригинала и подчиненную ей эмотивную. Кроме того, наш перевод имеет дополнительную референциальную функцию. Соответственно, такой структуре функций (базовая – апеллятивная, вторичные – эмотивная и референциальная) и должны быть подчинены все остальные функциональные элементы текста. Это означает, что переводчик должен использовать доступные ему средства для передачи риторических особенностей оригинала, его эмоциональной насыщенности, а также предоставить читателю информацию о культуре оригинала.

4.4.4. Экзегетические решения

Для решения экзегетических проблем ориентироваться на наиболее авторитетные современные исследования. При переводе книги Ионы в качестве основных будут использованы работы Е. Бен Цви, Т. Болина, П. Йенсона, Дж. Магоне, Дж. Сэссона, Ф. Трайбл, Э. Уэндленда.

4.4.5. Язык перевода

При переводе необходимо использовать современный литературный белорусский язык с ориентацией на существующую официальную норму. Поскольку перевод предназначен для представителей разных конфессий, необходимо избегать таких лексических единиц, которые имеют однозначную конфессиональную маркированность: в католической традиции конфессионализмы создаются за счет заимствования польской лексики, в

православной – за счет использования ресурсов церковнославянского языка. Например, следует избегать таких терминов, как «Пан» (рус. «Господь») и «Баранак» (рус. «Агнец»), принятых в католической литургической традиции.

4.4.6. Стил ь перевода

Переводчик должен постараться передать стилистическое своеобразие каждой книги Ветхого Завета. Недопустима «стилистическая унификация», когда все книги звучат одинаково.

4.4.7. Имплицитная информация

Одно из требований к переводу – показать культуру оригинала, что может потребовать раскрытия имплицитной информации³⁶⁷. Показать «культурную инаковость» можно при помощи разных средств, например, используя архаическую лексику и «отчуждающий» синтаксис. Однако такой перевод будет звучать неестественно и вряд ли будет соответствовать современным художественным нормам. Отчужденность может создаваться не только за счет лингвистических и синтаксических средств. Показать инаковость текста можно при помощи экспликации некоторых аспектов культурной имплицитной информации. Это можно реализовать при помощи паратекстуальной информации: ссылок, примечаний, приложений и т.п. Однако, такого рода информация может отвлекать от самого текста и снижать уровень восприятия его как целостного произведения. Поэтому в некоторых случаях оправданным может быть эксплицирование части культурной имплицитной информации в самом тексте, без использования паратекстуальной информации. Такого рода средства будут использоваться там, где недостаток знаний о культуре оригинала может привести к неправильной интерпретации отрывка, либо будет уменьшать его апеллятивную функцию. Впрочем, совершенно отказаться от

³⁶⁷ При этом необходимо проводить различие между лингвистической и культурной имплицитной информацией. Лингвистическая имплицитная информация находится в самом тексте и выражается при помощи грамматических и синтаксических структур данного языка. Культурная имплицитная информация лежит за пределами текста и относится к той коммуникативной ситуации, в которой текст был создан.

паратекстуальных средств не представляется возможным, а потому часть информации о культуре оригинала также будет представлена во введении и в примечаниях в конце текста.

От переводчика также требуется экспликация лингвистической имплицитной информации. Так, древнееврейскому языку присущ паратаксический тип синтаксических связей между частями сложного предложения. Однако в белорусском языке более распространен гипотаксический синтаксис, в котором связь между простыми предложениями в составе сложного выражена эксплицитно при помощи различных служебных слов. Сохранение паратаксиса допустимо и вполне ожидаемо, если коммуникативная ситуация требует создания буквального перевода. Однако наш тип перевода требует того, чтобы отношения между частями сложного предложения были очевидными для читателя.

4.4.8. Перевод образной речи

К образной речи относятся метафора, метонимия, эвфемизмы и другие тропы. В тех случаях, когда элемент библейской образной речи хорошо знаком современному читателю, его необходимо сохранить. В тех случаях, когда образная речь может быть непонятна аудитории, необходимо заменить ее образной речью языка перевода. Если же данный элемент играет важную роль в сохранении культурной инаковости оригинального текста, его следует сохранить.

4.4.9. Перевод идиом

Если идиомы имеют «повседневное» значение и являются устоявшимися фактами обыденного языка, то их можно вполне заменить белорусскими идиоматическими выражениями. Употребление библейских идиом дает читателю представление об идиоматике древнееврейского языка и создает впечатление особого «библейского» стиля, который так характерен для многих переводов и часто воспринимается читателями как неотъемлемая составляющая

библейских переводов. Если же идиомы несут особое богословское значение, то переводчик вправе как оставить их, так и заменить идиомами белорусского языка в том случае, если они недостаточно хорошо зафиксированы и отражены в конфессиональных переводах.

4.5. Решение переводческих проблем

В данном разделе мы обсудим те переводческие проблемы, с которыми мы встречаемся в книге Ионы, а также покажем способы их решения, исходя из требований переводческого задания и тех инструкций, которые были сформулированы в предыдущем разделе. Следует оговориться, что объемы работы не позволяют нам подробно обсуждать все переводческие проблемы, которые можно обнаружить в книге Ионы. Внимание будет уделено лишь самым важным из них. Детальная экзегеза оригинального текста не входит в наши задачи, а потому в дальнейшем мы остановимся лишь на тех экзегетических проблемах, которые будут представлять особый интерес именно для перевода. Для удобства анализа мы будем исходить из той структуры произведения, которая была указана в разделе 3.3.2.2.

4.5.1. Эпизод I (1:1-16)

Данный эпизод вводит основных героев, задает тон и динамику всему произведению. Действие данного эпизода разворачивается следующим образом: Господь решает посредством Своего пророка предупредить жителей Ниневии о том, что мера творимого ими зла достигла предела. Однако, по неизвестной причине, Иона отказывается исполнять данное ему поручение и решает убежать в город Таршиш. Господь решает остановить пророка и насылет сильный ветер, который поднимает на море большой шторм. Посредством жребия, команда корабля узнает, что именно Иона является причиной шторма. Пророк признает свою вину, после чего моряки

выбрасывают его в море и шторм заканчивается. Доминирующая коммуникативная функция – референциальная³⁶⁸.

4.5.1.1. Сцена 1 (1:1-3)

1:1

BHS	: וַיְהִי דְבַר־יְהוָה אֶל־יוֹנָה בֶן־אָמִתַּי לֵאמֹר :
Бел	... Госпад загадаў Ёну, сыну Амітаеву:

Книга Ионы открывается глаголом וַיְהִי, который в данном случае является дискурсивным маркером, сигнализирующим о начале нового повествования³⁶⁹. Обычно данный глагол стоит в начале нового раздела или целой книги и связывает новый раздел с предшествующим повествованием. При этом וַיְהִי практически никогда не используется для начала абсолютно нового повествования³⁷⁰. Это означает, что книга Ионы является частью некоего большего повествования. Основная проблема заключается в том, что данный дискурсивный маркер стоит в начале целой книги, без какого-либо очевидного предшествующего текста. Нет никакой информации ни о времени, ни об обстоятельствах действия³⁷¹. Отсутствует и привычное для пророческих книг указание на происхождение пророка. Как отмечает Бен Цви, книга Ионы открывается *in medias res*³⁷². Возможно, что повествователь намеренно отступает от принятых конвенций для того, чтобы показать неконвенциональный характер всей книги³⁷³. Иными словами, мы встречаемся с совершенно необычным, атипичным началом целой пророческой книги. Создается ощущение, что Иона 1:1 намеренно написано так, чтобы вызвать у читателей недоуменный вопрос: что же осталось опущенным в начале книги? Автор призывает читателей к тому, чтобы восстановить в воображении контекст

³⁶⁸Обсуждение коммуникативных функций см. 2.2.4.

³⁶⁹Tucker, W. *Jonah: a handbook on the Hebrew text* / W. Tucker. - Waco: Baylor University Press, 2006. P. 11-12.

³⁷⁰Van der Merwe., *Ch. A Biblical Hebrew. Reference Grammar* / Ch. van der Merwe, J. Naudé, J. Kroeze. - Sheffield: Sheffield Academic Press, 1999. P. 166.

³⁷¹Ср. Ис. Нав. 1:1, Суд. 1:1, 1 Цар 1:1-3, 2 Цар 1:1, Руфь 1:1, Эсф. 1:1.

³⁷²Ben Zvi, E. *Sings of Jonah*. P. 46.

³⁷³Trible, Ph. *Rhetorical Criticism: Context, Method, and the Book of Jonah*, *Guides to Biblical Scholarship* / Ph. Tribble. - Minneapolis: Fortress, 1994. P.125.

истории, некое большее повествование, частью которого является книга Ионы. Такая неконвенциональность начала сразу привлекает внимание аудитории к образу пророка и заставляет искать предшествующий «потерянный» текст или может быть интертекст произведения³⁷⁴. Вполне возможно, что начало книги Ионы вызывало у читателей целый ряд разных интертекстуальных ассоциаций, но ни одна из них не была доминирующей.

Перед переводчиком книги Ионы стоит вопрос, как передать такое необычное начало книги *inmediates*, которое у первых читателей вызывало ощущение недосказанности?

- Можно использовать слова, обозначающие обстоятельства времени: рус. «давным-давно», «во время оно», «однажды»; бел. «аднойчы», «некалі было» и др. Однако в таком случае отсутствует указание на возможные интертекстуальные связи с другими текстами.
- Можно сделать буквальный перевод и передать всего лишь форму глагола: «и было» (рус.), «і было» (бел.), «было» (бел.). Предполагается, что читатель должен знать, какую функцию выполнял данный элемент в культуре оригинала. Подобное решение сохраняет формальные черты оригинала, но не передает его функциональных характеристик.
- Можно постараться передать функциональный аспект этого слова при помощи многоточия, которое выполняет в культуре перевода подобную функцию: «...загадаў Госпад» (бел.). Такое решение указывает на существование предшествующей информации и побуждает читателя искать ее.

Учитывая особенности переводческого задания, мы должны попытаться передать эту художественную особенность произведения, которую автор создает намеренно. Поэтому мы выбираем третий вариант перевода.

³⁷⁴См. Ben Zvi, E. Sings of Jonah. P. 90. Традиционно считается, что книга Ионы является продолжением 4 Цар 14:25. Книга Ионы также может быть связана с предшествующими книгами в каноническом сборнике Малых пророков. Однако данные решения не представляются однозначными.

Использование многоточия в начале произведения также не является обычным способом начала книги в культуре перевода. Такое начало произведения вызывает у современного читателя недоумение, удивление, ощущение того, что нечто утрачено в начале. Создается впечатление, что мы читаем обрывок какой-то книги, начало которой утеряно, что сразу привлекает внимание читателя, создает ощущение некоей загадки, интриги.

Сопряженное сочетание דְּבַר־יְהוָה может указывать на отношения обладания³⁷⁵ или может быть субъектным генетивом³⁷⁶. В первом случае данное выражение может быть переведено как «слова Госпада», во втором как «Госпад сказаў». Большинство комментаторов склоняются к первому варианту, однако мы следуем второму решению, переводя данную фразу глаголом «загадваць» (передает смысл «дал поручение», «послал с поручением»).

Есть несколько возможностей передачи имени Божьего יהוה на белорусский язык: «Аданай», «Госпад», «Ягвэ», «Гасподзь», «Пан». Последние два варианта имеют отчетливо конфессиональную окраску: «Гасподзь» используется в переводе БК БПЦ, «Пан» - в переводе ККЕ. Перевод «Госпад» является традиционным христианским способом передачи имени יהוה и будет приемлемым для всех конфессий. Перевод «Ягвэ» может создавать ощущение «отчужденности», однако может вызвать отторжение у читателей-христиан. Поэтому мы останавливаем свой выбор на варианте «Госпад».

Имя пророка יֹנָתָן означает «голубь». В ветхозаветных текстах образ этой книги не имел положительных коннотаций: он ассоциировался у оригинальных читателей со звуками стога (Ис 38:14, 59:11; Иез 7:16), отсутствием понимания (Ос 7:11), полетом (Пс 55:7), бессилием (Ос 11:11). Впрочем, иногда голуби приносили добрые вести (Пс 68:14). Таким образом, само имя вносило дополнительные оттенки в характеристику пророка, который пытается убежать от Бога и который не способен понять своей роли в божественном замысле. В целом, образ голубя указывал на негативные черты в характере Ионы, вступая в

³⁷⁵ см. IBHS 9.5.1.g

³⁷⁶ см. IBHS 9.5.1.a&b

контраст с позитивными характеристиками Бога. Патроним Ионы יָוֹנָה указывает на такие атрибуты, как надежность, верность, доверие. По мнению Бен Цви, сочетание имен Иона («голубь») и Амита́й («истина») в самом начале книги создает иронический тон всего произведения³⁷⁷.

Перед переводчиком стоит выбор: либо сохранить форму имени (бел. Ёна), либо передать значение имени (бел. «голубь»). Выбор первого решения позволяет отразить в переводе те потенциальные интертекстуальные связи, которые могут существовать между нашей книгой и отрывком из 4 Цар. Второй вариант позволяет передать возможные ассоциации, которые подразумевал автор книги, давая своему герою такое «звучащее» имя. Правда, в таком случае следует учитывать возможную разницу в культурах, поскольку у современной христианской аудитории образ голубя будет вызывать скорее положительные, нежели отрицательные ассоциации. Практически всегда переводчики выбирают первый вариант. Тимоти Уилт в своем французском переводе был одним из немногих, кто выбрал второй вариант «Pigeon» (фр. «голубь»)³⁷⁸. Такой выбор, наравне с поэтической формой перевода, позволил переводчику с самого начала показать читателю, что книга Ионы является притчей – сложной, наставительной, убеждающей и увлекающей³⁷⁹.

В своем переводе мы передаем имя пророка традиционно как «Ёна», сохраняя связь главного персонажа книги и историческим пророком Ионой в 4 Цар. Характер пророка можно попытаться передать иными средствами (например, посредством комментария в вводной статье к переводу). Патроним יָוֹנָה по указанным выше причинам мы оставляем без перевода, передавая написание данного имени в соответствии с белорусской орфографией как «Амітай».

1:2

³⁷⁷Ibid.

³⁷⁸Wilt, T. Pigeon: une traduction de Yônâh / T. Wilt // Le Sycomore. – 2003. – Vol. 13. - P. 5-17.

³⁷⁹Ibid. P. 12.

BHS	קוֹם לְךָ אֶל־גִּיּוֹנָה הָעִיר הַגְּדוֹלָה וְקרא עָלֶיהָ כִּי־עָלְתָה רַעְתֶּם לְפָנָי :
Бел	Спяшайся да Ніневы, вялікага гораду! Абвясці прысуд ейным жыхарам, бо больш не магу цярпець іхніх злачынстваў!

Стих 1:2 открывается двумя императивами, между которыми отсутствует соединительный союз³⁸⁰. Такая конструкция, называемая асиндетон часто может сопровождаться третьим императивом, которому предшествует союз *waw*³⁸¹. Благодаря асиндетической синтаксической конструкции создается особый динамизм повествования и эмоциональная насыщенность текста. Основная идея вводится вторым императивом, который сохраняет свое семантическое значение, а первый императив употребляется адвербиально и имеет скорее функциональное, нежели семантическое значение³⁸². Таким образом, вся фраза קוֹם לְךָ приобретает значение повеления, подчеркивает важность поручения и требует незамедлительной реакции со стороны адресата: «Иди немедленно!», «Иди незамедлительно!», «Не медли! Вставай!».

Буквальные переводы не передают этой особенности оригинального синтаксиса, снижая динамику текста. Поскольку литературный перевод требует передачи функциональных аспектов оригинального текста, то могут быть предложены разные варианты перевода данного выражения, которые бы позволили сохранить динамизм книги в переводе: «Спяшайся да Ніневы!»; «Не марудзячы ідзі да Ніневы!»; «Ідзі неадкладна да Ніневы...»; «Хутчэй ідзі да Ніневы!». В некоторых русских переводах мы встречаем следующие решения: «Встань, иди» (СП), «Отправляйся в путь!» (РБО), «Отправляйся к Ниневию» (Десн), «Собирайся, ступай» (МБО). Перевод МБО несколько замедляет действия Ионы, который, прежде чем отправиться к Ниневию, должен еще и «собраться»; но ведь Господь побуждает пророка идти как можно скорее, без всякого промедления. Переводы РБО и Десн передают категоричность повеления Бога, но не передают эксплицитно необходимости делать это как

³⁸⁰ Данная конструкция встречается в Ветхом Завете 9 раз, из них 2 раза – в книге Ионы (1:2, 3:2). Трижды она появляется в пророческих формулах послания (ср. 3 Цар 17:9; Иер 13:4-6; Иезек 3:22).

³⁸¹ *Trible, Ph. Rhetorical Criticism...* P. 125; *Sasson, J. Jonah...* P. 69-70.

³⁸² *Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text.* P. 13.

можно скорее. Иногда в употреблении двух этих императивов видят особый богословский смысл: «встань» - призыва Бога к восхождению, а Иона все делает в противоположном направлении – чем дальше, тем ниже он спускается (77), удаляясь от Бога.

Название города Ниневия (נִינְוֶה) могло вызывать у читателя оригинального текста ряд ассоциаций, которые могут быть неизвестны современному читателю. Обычно образ Ниневии в книге Ионы интерпретируется, исходя из упоминания этого города в других текстах Ветхого Завета, где он представлен как самый страшный враг Израиля и как воплощение зла всего языческого мира³⁸³. В книгах пророков Наума и Софонии Ниневия выступает в качестве символа Ассирийской империи, известной своими жестокими завоеваниями и яростью. Под влиянием этих двух пророческих книг формировалось восприятие экзегетами Ниневии в книге Ионы: пророк послан к злейшим врагам Северного Царства для проповеди покаяния³⁸⁴. Однако истоки образа Ниневии в книге Ионы следует искать не в ветхозаветной, а в персидской и эллинистической литературе. В средиземноморской литературе указанных эпох Ниневия рассматривалась как легендарный город, символ некогда могущественной и богатой столицы великой империи. Слава этого города давно минула и, вследствие своего морального разложения, он был разрушен и более не восстановлен³⁸⁵. Именно такое восприятие Ниневии формирует интерпретативную матрицу, исходя из которой и следует прочитывать всю книгу в целом.

Такой набор ассоциаций может быть неизвестен современному читателю, который будет искать интертекстуальные связи с тем корпусом текстов, который ему доступен – а это, прежде всего, ветхозаветные тексты. В этом проявляется разница предпосылок первоначальной аудитории оригинала и аудитории перевода. Перед нами пример прагматической переводческой

³⁸³ В ветхозаветных текстах этот город упоминается 11 раз, из них 6 раз – в книге Ионы.

³⁸⁴ Андре Лакок и Пьер-Эммануэль Лакок в своем комментарии приводят даже такое сравнение: «Where is the Auschwitz survivor who would go to Berchtesgaden or Berlin carrying God's salvation?» (цит. по *Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness...* P. 133).

³⁸⁵ *Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness...* P. 145-146.

проблемы, которая не может быть решена в тексте перевода. Поскольку она важна для понимания текста, то эта информация должна быть приведена в предисловии к переводу и может выглядеть следующим образом: «К тому моменту, когда была написана книга Ионы, Ниневия, столица Ассирийской империи, была уже давно разрушена. Автор книги Ионы рассматривал Ниневию как легендарный город прошлого, который был воплощением могущества, богатства и роскоши. Но в итоге этот город был разрушен и никогда не восстановлен. Таким образом, название города Ниневия ассоциировался в древнем средиземноморском мире с абсолютным разрушением, с образом города, который исчез навеки, как Содом и Гоморра».

В стихах 1:2 и 3:2 мы встречаемся с практически тождественными высказываниями, которые, однако, имеют одно весьма серьёзное отличие. Так, если в 1:2 глагол אָרָא употреблен с предлогом לָע, то в 3:2 с предлогом לָא. Некоторые исследователи утверждали, что לָע и לָא взаимозаменяемы, поэтому выбор предлога в 1:2 легко понять как стилистическое предпочтение, сделанное автором для создания аллитерации; этими же соображениями объясняется и выбор соответствующего предлога в 3:2. Однако уже создатели древних переводов книги Ионы (напр., Септуагинты) видели в выборе разных предлогов более глубокое семантическое различие. Выражение אָרָא לָע потенциально несёт негативное коннотативное значение приближения беды, угрозы, несчастья для объекта провозвестия³⁸⁶. Выражение אָרָא לָא (3:2) является нейтральным и не имеет негативного оттенка. Русские переводы СП, МБО и Десн не делают различия между предлогами («проповедуй», «призови» в 1:2 и 3:2), а РБО передаёт отмеченный нюанс («обличай» в 1:2 и «объяви» в 3:2)³⁸⁷. В нашем переводе мы пытаемся передать данное отличие в употреблении предлогов с глаголом אָרָא: «абвясціць прысуд»(1:2), «папярэдзіць»(3:2). Первый вариант отражает тот отрицательный оттенок, который сообщается глаголу אָרָא предлогом לָע. Второй вариант оставляет надежду на изменение, покаяние

³⁸⁶ Ibid. P. 75; Ben Zvi, E. Sings of Jonah. P. 34-39; Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text. P. 14. Ср. 1 Цар 13:2,4; Плач 1:15.

³⁸⁷ Этот же нюанс отмечен и во многих англоязычных переводах, напр. ESV, NAS, NET, NIV, RSV.

жителей Ниневии. Выбор перевод также будет зависеть от того, как мы понимаем следующую клаузу.

Слово נָפְטָר здесь использовано метонимически, т.е. представляет собой жителей Ниневии. Точная природа того зла (הַפֶּטֶר) которое совершили жители Ниневии, не уточняется до 3:8, где сказано, что оно состояло в סַחֵף (насилии). Термин נָפְטָר является одним из ключевых для всей книги Ионы и употребляется в отношении всех основных персонажей книги: Ниневитян (1:2, 3:8, 10), моряков (1:7,8), со стороны Бога (3:10), самого Ионы (4:1,6). В каждом из этих случаев слов נָפְטָר имеет нюансы значения. Употребление этого термина – один из способов создания единств текста; в нашем переводе слово נָפְטָר будет переводиться разными белорусскими словами, в зависимости от контекста.

Идиома $\text{לִפְנֵי עֵלְתָּהּ} + \text{имя собственное/местоимение}$ редко встречается в Библии. В комментарии к своему переводу книги Ионы А.С. Десницкий отмечает, что смысл данной фразы можно понять как указание на то, что «злодеяния Ниневии достигли некоей критической точки, за которой должно последовать наказание»³⁸⁸. В своем переводе мы можем попытаться передать этот смысловой аспект фразы следующим образом: «больш не магу цярпець іхніх злачынстваў».

Книга Ионы начинается совершенно неожиданно, но, несмотря на это, в первых двух стихах читатель встречается со знакомым жанром пророческой литературы, где Бог обращается к пророку (1:1) и дает ему поручение (1:2). Далее события должны были бы развиваться вполне ожидаемо: пророк принимает слово Бога, идет к жителям Ниневии и провозглашает пророчество. Однако следующий стих полностью переворачивает ожидания читателей и далее события развиваются совершенно неожиданно. Таким образом, если в стт. 1-2 преобладают конвенции (хотя некоторые черты разрушают их), то в последующих разделах начинают преобладать особенности. В художественном переводе необходимо показать этот переход от спокойного, традиционного,

³⁸⁸ Десницкий передает данную фразу в своем переводе следующим образом: «творимое в ней зло переполнило чашу Моего терпения». Ср. Юнц «к небу вопиют их грехи».

конвенционального вступления – к совершенно неожиданному развитию событий.

1:3

BHS	וַיִּקָּם יוֹנָה לְבָרֶחַ תַּרְשִׁישָׁה מִלִּפְנֵי יְהוָה וַיֵּרֶד יָפוֹ וַיִּמְצָא אֶנְיָהוּ בָּאָה תַרְשִׁישׁ וַיִּתֵּן שְׂכָרָהּ וַיֵּרֶד בָּהּ לְבוֹא עִמָּהֶם תַּרְשִׁישָׁה מִלִּפְנֵי יְהוָה:
Бел	І Ёна пайшоў... але ў процілеглы бок, у Таршыш, на самы край зямлі, каб уцячы ад Госпада. Сышоўшы да Яфо, ён сустрэў карабель, што якраз прыплыў з Таршышу. Аддаўшы належную плату, прарок спуściўся ў яго, каб выправіцца ў Таршыш, прэч ад Госпада.

Иона, вместо того, чтобы исполнить повеление Господа, решает убежать от Него. Для этого он сначала спускается в морской порт Яфо, который лежал за пределами Израиля и, как полагал Иона, за пределами влияния Бога. Там он находит корабль, который пришел из Таршиша и вновь отправлялся туда. Иона решает убежать вместе с экипажем корабля в город Таршиш, точное местоположение которого неизвестно.

Первые слова данного стиха, казалось бы, оправдывают ожидания читателя, знакомого с пророческой литературой. Обычно вслед за божественным повелением в форме императивов следует повторение тех же глаголов в индикативной форме, которые говорят о послушании пророка: וַיִּקָּם לַיהוָה и ответ וַיִּלְךָ (ср. 3:2). Встречаясь в 1:2 с фразой וַיִּקָּם יוֹנָה, читатель ожидает, что Иона, как и подобает пророку, выполнит повеление Господа. Но тут же читатель оказывается в полной растерянности: вместо того, чтобы выполнить данное ему поручение, пророк «встает» только для того, «чтобы убежать» (לְבָרֶחַ) от Бога. Причем он убегает в Таршиш, город, находившийся на Западе, в противоположной стороне от Ниневии и, предположительно, ассоциировался с самой далёкой географической точкой древнего ближневосточного мира. Такое поведение Ионы, разрушающего все привычные представления о поведении пророка, не могло не вызывать сильную реакцию со стороны читателя (это могла быть как ироничная улыбка, так и негодование). Пикантность ситуации

усиливается тем, что автор, преследуя риторические цели, не открывает читателю мотивов Ионы вплоть до 4:2-3. Такой неожиданный поворот событий, приводящий читателей в замешательство и удивление, должен быть четко маркирован в литературном переводе.

Кроме того, как и в стихе 1:2, мы встречаемся с прагматической переводческой проблемой. Название города «Таршиш» (תַּרְשִׁישׁ) ровным счетом ничего не сообщает современному читателю, а ведь именно на противопоставлении двух городов (Ниневии и Таршиша), которые расположены на противоположных сторонах света (восток-запад), и построен весь стих 1:3. Без понимания этого противопоставления современный читатель может утратить существенную часть имплицитной информации, доступной первоначальной аудитории. Название «Таршиш» указывает на отдаленный портовый город или регион на побережье Средиземного моря на запад от Палестины³⁸⁹. Исследователи не установили точного местоположения города. Были сделаны различные предположения: Тартесс на юго-западе Испании, Карфаген, Сардиния. Возможно, что Таршиш не относится к какому-либо конкретному порту, но является общим термином, указывающим на отдаленное Средиземноморское побережье в целом. Большинство переводов передает это слово как «Таршиш», однако в таком случае теряется имплицитное противопоставление намерений Господа и Его пророка.

Как поступить переводчику? Решить эту проблему можно следующими способами:

- перевести буквально (но тогда остается не раскрытой имплицитная информация);
- перевести буквально, сделав подстрочное примечание о значении названия «Таршиш», благодаря чему имплицитная информация оригинала становится доступной читателю перевода;

³⁸⁹ Аркадио дель Кастильо утверждает, что Таршиш находился недалеко от Красного моря, то есть на юго-западном направлении от Израиля (*del Castillo, A. Tarshish in the Book of Jonah / A. del Castillo // Revue Biblique. – 2007. – Vol. 114:4. – P. 481-498.*). Впрочем, это никак не влияет на интерпретацию Таршиша как города, который находится в противоположной стороне от Ниневии.

- сделать имплицитную прагматическую информацию эксплицитной в самом тексте перевода, указав, что город находился в противоположной стороне.

Учитывая, что цели нашего перевода, мы выбираем третий вариант, который позволяет передать указанное противопоставление.

В этом стихе мы также встречаемся с хиазмом, который особым образом подчеркивает желание Ионы убежать как можно дальше от Господа (СП):

А И встал Иона, чтобы бежать **в Фарсис от лица Господня,**

В и пришел в Иоппию,

С и нашел **корабль,**

Д отправлявшийся **в Фарсис,**

С¹ отдал плату за провоз

В¹ и **вошел** в него,

А¹ чтобы плыть с ними **в Фарсис от лица Господня.**

Хиастическая структура предложения была одним из доступных автору оригинала риторическим средств. Этот литературный прием, хорошо известный в древнем мире, вряд ли знаком широкому кругу современных читателей. Наша задача требует передачи функции хиазма, т.е. интенсификации намерений Ионы убежать как можно дальше от Бога. В белорусском языке этот же интенсифицирующий аспект можно передать другими средствами. В 1:3а – через раскрытие имплицитной информации «... у Таршыш, **на самы край зямлі**», которая одновременно решает прагматическую переводческую проблему (Таршиш был, по представлениям евреев, самым дальним уголком мира, находился на самом краю земли) и подчеркивает стремление и надежду Ионы спрятаться от Бога, найти место, где Его нет. В 1:3б Таршиш упомянут как место, откуда приплыл корабль и по этой причине мы должны оставить его в тексте. В 1:3в Таршиш вновь упомянут с той же интенсифицирующей целью, что и в 1:3а; чтобы избежать очередного повторения, было решено исключить

это слово из текста перевода, переводя повторяющуюся здесь фразу מִלְפָּנֵי יְהוָה как «прэч ад Госпада».

4.5.1.2. Сцена 2 (1:4-6)

В Сцене 2 мы видим реакцию Бога на действия Ионы. Когда корабль находился в открытом море, Бог насыляет сильный ветер, так что поднимается большой шторм. Первым всю серьезность ситуации ощущает корабль, которые начинается бояться за свое дальнейшее существование. Затем всю лютость шторма осознают моряки и в панике начинают обращаться к своим богам и выкидывать из корабля все находившиеся там вещи – возможно, желая тем самым успокоить море, либо для того, чтобы облегчить корабль. Иона же по-прежнему делает попытки скрыться от Бога. В то время как все, находящиеся на корабле, пытаются каким-то образом избежать нависшей над ними беды, пророк спускается в трюм корабля, где впадает в глубокий сон.

1:4

BHS	וַיְהִי הַטָּיִל רוּחַ-גְּדוֹלָה אֶל-הַיָּם וַיְהִי סַעַר-גְּדוֹל בַּיָּם וַהֲאֲנִיָּה הַשָּׂבָה לְהַשָּׁבֵר:
Бел	Тады Госпад кінуў на морашалёны вецер. Узнялася жудасная бура! Карабель ахавіў жах: яшчэ крыху – і ён раструшчыцца...

В начале данного стиха мы встречаемся с синтаксической конструкцией *waw-x-qatal*, которая создает разрыв в повествовательной линии и выражает идею незамедлительной, мгновенной реакции со стороны Бога³⁹⁰. Такая конструкция имеет функцию топиализации и используется либо для смены участников повествования. Кроме того, благодаря такой синтаксической конструкции создается риторический приём анадиплосис. Таким образом, в центре внимания оказывается ответ Бога на действия Ионы. Перед читателем разворачивается своеобразный диалог в действиях между Богом и пророком. Иона сделал свой шаг, следующий вопрос, который задает читатель: «а что же Бог? как поступит Он»? Чтобы подчеркнуть такую особенность синтаксиса

³⁹⁰Niccacci, A. Syntactic analysis of Jonah / A. Nicacci // Linguistic Analysis – 1996. – Vol. 46. P. 18-19.

оригинала, мы использовали перевод «тады Госпад» («тогда Господь»), который можно понять как «в ответ на это...».

В данном предложении мы также встречаемся с тремя независимыми клаузами, которые находятся во взаимоотношении паратаксиса, характерного для древнееврейского синтаксиса. Паратаксис оставляет открытым точные взаимоотношения между клаузами, который должен быть прояснен переводчиками. Анализ разных переводов показывает неизбежную субъективность в установлении гипотетических связей между частями данного предложения. Мы сделали 1:4б подчиненным по отношению к 1:4а, а клаузу 1:4в оставили независимой.

В этом стихе дважды употреблено прилагательное «לְגָדִים», в отношении «רָעָם» и «רָעָם», которое также имеет важное значение в композиции всей книги. В зависимости от требований переводческого задания, можно попытаться сохранить семантическое значение данного слова, передавая его каждый раз одним и тем же словом языка перевода: «**большой** ветер», «**большая** буря». Но такое решение не подходит для литературного перевода, поскольку частое повторение одного и того же слова в рамках одного стиха и даже всей книги выглядит стилистически неприемлемым с точки зрения норм современного белорусского языка. Поскольку этот общий термин в разных контекстах может иметь разное значение, потребуется использование разных слов языка перевода в каждом конкретном случае. Ветер был настолько «большим», что смог поднять «большую» бурю, так что корабль едва не начал «трещать по швам» (см. ниже). Многократное повторение в тексте прилагательного «לְגָדִים» создает гиперболический эффект и эмоциональную насыщенность. По этой причине в белорусском переводе мы сознательно выбрали эмоционально нагруженные прилагательные, чтобы передать серьезность той ситуации, в которой оказался корабль и его экипаж: ветер «шалёны», буря «жудасная».

Во фразе וְהָאֲנִיָּהּ הַשָּׂבָה לְהַשְׁבֵּר мы видим ассонанс, который предаёт звук ломающихся балок корабля под натиском мощной бури. Глагол שָׁבַר обычно употребляется в отношении одушевленных объектов. Здесь этот глагол

описывает действия неодушевленного объекта (корабля), который таким образом персонифицирован и представлен как живое существо. Данный риторический прием известен как просопопея и состоит в приписывании неодушевленному предмету свойств одушевленного объекта. Такие действия корабля подчеркивают лютость шторма, который может стать причиной кораблекрушения. Обычно в переводах эта фраза передается идиоматически³⁹¹. Ментальный глагол בַּשָּׁר описывает внутреннее состояние корабля. Потому мы постарались в своем переводе описать тот внутренний ужас, который мог «испытывать» корабль: «карабель ахапіў жах». Для того, чтобы сохранить в переводе общий эффект, создаваемый в оригинале ассонансом, мы переводим инфинитив לְהִשָּׁבֵר глаголом «раструшчыцца», который описывает разрушение корабля, вызванное воздействием внешних сил, но не в результате столкновения с каким-либо объектом. Кроме того, это слово также вызывает ассоциации с треском и звуком ломающегося дерева.

1:5

BHS	וַיִּרְאוּ הַמַּלְאָכִים וַיִּזְעַקוּ אִישׁ אֶל-אֶלְהֵיָו וַיִּטְלוּ אֶת-הַפְּלִים אֲשֶׁר בְּאֲנֵיהָ אֶל-הַיָּם לְהִקָּל מִצְּלִיָּהֶם וַיִּזְנֶה יָרֵד אֶל-יָרְכָתַי הַסְּפִינָה וַיִּשָּׁבֵב וַיִּרְדָּם:
Бел	Спалоханыя маракі пачалі крычаць да сваіх багоў, выкідаючы тыя рэчы, што былі ў караблі, у Мора, каб супакоіць яго. А Ёна, тым часам, спуściўся ў спод карабля і заснуў глыбокім сном.

В стихе 1:5 мы видим реакцию людей, находившихся на корабле, на начавшийся шторм. Выражение $\text{וַיִּרְאוּ הַמַּלְאָכִים}$ говорит, скорее всего, об особо сильном страхе, даже панике, которая охватила моряков: за борт корабля летят разные вещи, слышны крики о помощи, обращенные к разным богам. Реакция Ионы на происходящее вокруг вызывает не только удивление, но и смех: вместо помощи морякам, он спокойно спускается в трюм и засыпает.

³⁹¹ «... καὶ τὸ πλοῖον ἐκινδύνευεν συντριβῆναι» (LXX); «...et navis periclitabatur conteri» (Vulg); «The ship threatened to break up» (RSV, JB); «The ship was on the point of breaking up» (NAB); «The ship expected itself to crack up» (Sasson); «Le navire se vit en train de se briser» (Wilt).

Определенную трудность представляет перевод фразы וַיִּטְלוּ אֶת-הַכֶּלִים אֲשֶׁר בַּאֲוִיָּה אֶל-הַיָּם לְהַקֵּל מֵעָלֵיהֶם. Проблема заключается в инфинитиве цели לְהַקֵּל, после которого отсутствует объект действия³⁹²: что же в таком случае хотели «сделать легким» моряки? Большинство переводов понимают данную фразу как попытку «облегчить корабль» (чтобы сделать его более управляемым?). Поскольку последнее существительное в данном стихе, которое стоит перед инфинитивом – это слово «море», то Трайбл считает, что моряки выкидывали вещи не для облегчения корабля, а для «облегчения» (*appease*) моря³⁹³. Тогда выкинутый за борт груз корабля можно понять как своеобразное жертвоприношение, которое должно было умирить море. Сэссон дополняет это наблюдение, говоря, что глагол טול с предлогом לְ обозначает мотивацию, стоящую за выбрасыванием вещей, а не направление³⁹⁴. Таким же образом понимает данное место и Т. Уилт. Еврейское слово חַי в древних ближневосточных текстах обозначает божество хаоса и именно так оно понимается в данном стихе книги Ионы. Чтобы отразить данную интерпретацию, Уилт переводит חַי не просто как море, а как «lameredeChaos»³⁹⁵.

В своем переводе мы принимаем интерпретацию, предложенную Трайбл, Сэссон и Уилтом. Образ моря как божества стихии вполне согласуется с древними ближневосточными мифологическими представлениями. Выбор такой интерпретации, как минимум, не противоречит оригиналу и делает язык перевода более образным и живым. Кроме того, такой перевод даст возможность современному читателю ощутить присутствие в тексте иного концептуального мира, отличного от нашего (где море уже не воспринимается как живое существо, обладающее божественной природой). Выбор такого перевода согласуется с нашим переводческим заданием, хотя был бы неуместным и невозможным, например, в переводе литургическом.

³⁹²Trible, Ph. Rhetorical Criticism... P. 18; Sasson, J. Jonah... P. 99.

³⁹³Trible, Ph. Rhetorical Criticism... P. 18.

³⁹⁴ Впрочем, Болин возражает против такой интерпретации: комбинация לטול употребляется только в Иона 1:5; а такое толкование инфинитива было бы более уместным в стихе 11, где моряки спрашивают, как успокоить море. Он также отмечает, ссылаясь на Геродота, что выкидывание вещей за борт во время шторма было обычной практикой в древности. Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness... P. 79-81.

³⁹⁵См. Wilt, T. Pigeon: une traduction de Yônâh. P. 13.

Конструкция *waw+x+qatal* (וַיִּזְנֶה יָרֵד) подчеркивает контраст между одновременными действиями моряков и Ионы³⁹⁶: «а Ёна, тым часам...». Спустившись в трюм корабля (יִרְכְּתֵי הַסְּפִינָה), пророк засыпает (וַיִּרְדָּם). Глагол דָּרַם появляется в Ветхом Завете всего 11 раз (из них дважды – в книге Ионы). Часто этот глагол указывает на глубокий сон, во время которого может быть дано божественное откровение, либо ассоциируется с состоянием, близким к смерти (ср. Быт 15:12; Иов 4:13; 33:15). Поскольку в данном случае речь не идет об откровении, употребление глагола דָּרַם в данном стихе – это первый намек на желание Ионы умереть (которое он будет высказывать в четвертой главе). Но этот же глагол можно понять и как еще одну попытку героя скрыться от Бога. Для обозначения обычного сна в еврейском языке существует глагол שָׁכַב; это означает, что глагол דָּרַם употреблен в данном случае намеренно и указывает на завершённую последовательность действий Ионы: «спустился» - «лёг» - «заснул». Переводчики Септуагинты, стремясь передать ироничность ситуации, переводят данный глагол как *καὶ ἔρρευχεν* - «захрапел».

Перед переводчиком стоит задача: как перевести глагол דָּרַם, учитывая, что для обозначения обычного сна в еврейском языке существуют иные глаголы? Перевод «заснул» не передает необычности этого сна. Возможен перевод «глубоко заснул», а особенности такого сна в библейских текстах можно оговорить во вступительной статье к книге. Удачным нам представляется перевод А.С. Десницкого «заснул мертвым сном», который передает указанный выше аспект данного состояния. В белорусском переводе мы переводим как «заснуць глыбокім сном».

1:6

BHS	וַיִּקְרַב אֵלָיו רֵב הַחִבְלִי וַיִּזְנֶה לוֹ מֵהַלֶּקֶת נִרְדָּם קָרָא אֶל-אֱלֹהֵי אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל וַיִּתְעַשֶׂת הָאֱלֹהִים לָנוֹ וְלֹא נִאֲבָד:
Бел	Да Ёны падб'яжаў стырnavы і ўсклікнуў:

³⁹⁶См. *Niccacci, A. Syntactic analysis of Jonah. P. 19-20; Sasson, J. Jonah... P. 99; Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text. P. 22.*

	- Як ты можаш спаць?! Уставай! Звярніся да свайго боства - можа падбае яно пра нас і мы не загінем!
--	--

Капитан команды моряков является первым человеком во всей книге, который произносит какие-либо слова. Его речь состоит из трех типов высказываний: восклицание, императив и декларация. Первое и третье предложения в речи капитана вводятся частицами (מֵה־לָּךְ и אֵינִי), первая из которых выражает удивление и даже негодование, а вторая – надежду перед лицом опасности. Между негодованием и надеждой находится призыв к молитве, который начинается асиндетической синтаксической конструкцией קָרָא קוּם. Эти слова вновь повторяют призыв Бога, обращенный к Ионе.

Трудно сказать, кем был רַב הַחַיִל и каковы были его функции. Сэссон, на основании анализа древних свидетельств, полагает, что это выражение обозначает рулевого корабля, задача которого - управление судном³⁹⁷. Поэтому мы можем выбрать один из следующих белорусских вариантов: «стырnavы», «кармач», «стырнік»³⁹⁸.

Фраза מֵה־לָּךְ נִרְדָּם может также представлять определенную проблему для переводчика. Какова функция данного высказывания? Является ли она вопросом, который выражает желание кормчего получить от Ионы объяснения о причине его сна? Или это высказывание лучше понимать как восклицание, обозначающее удивление и недоумение? Мы склоняемся ко второму варианту, интерпретируя данное высказывание как выражение удивления³⁹⁹, негодования и даже раздражения⁴⁰⁰. Поэтому при переводе возможно использование частиц и определенных знаков препинания (напр. «?!»), которые будут передавать негодующее удивление кормчего.

Переводческой проблемой является и перевод слова יָחַוּ: передавать ли это слово с большой буквы или с малой? Поскольку референтом является Яхве, Бог Ионы и соответственно, Бог христиан, то традиционно это слово пишут с

³⁹⁷ См. *Sasson, J. Jonah...* P. 103.

³⁹⁸ Ср. в Острожской Библии «корьмникъ».

³⁹⁹ Ср. Иов 9:12; 22:12; Еккл. 8:4; Ис 45:9,10.

⁴⁰⁰ Ср. 3 Цар 19:9, 13.

заглавной буквы, чем в нашей культуре подчеркивается Его уникальность и единственность. Однако таковы ли были представления человека, обращавшегося к Ионе? Из текста понятно, что моряки были язычниками, а потому Яхве не мог быть для них единственным Богом, но был для них лишь одним из богов. Помня требование переводческого задания, мы передаем данное слово со строчной буквы, тем самым отражая реалии ближневосточного мира, а не наши богословские установки. И вновь отметим, что в иной системе координат (например, в литургическом переводе) вполне оправданным будет перевод с заглавной буквы. Возможен перевод на белорусский язык «боства» (рус. «божество») который позволяет избежать противопоставления «бог/Бог»⁴⁰¹ и более соответствует религиозным представлениям моряков и Ионы.

Мы намеренно выбрали в этом отрывке лексику, которая передает динамичность ситуации («падбяжаў», «усклікнуў», «жа»)⁴⁰². Обычно глагол עָרַב передается как «приблизился», «подошел». Однако указанные глаголы являются слишком «спокойными» для такой беспокойной, можно сказать безумной ситуации. Кроме того, они говорят о намеренности действий кормчего. Однако в ситуации суеты и паники, которая происходила на корабле, он скорее мог случайно наткнуться на спящего Иону или, увидев издалека, подбежать к нему, но уж никак не подойти.

4.5.1.3. Сцена 3 (1:7-12)

Действие третьей сцены также происходит на корабле, но в центре внимания автора уже находятся мысли и чувства команды. Моряки посредством жребия пытаются определить, кто является причиной постигшей их беды. Они узнают, что причиной шторма является попытка Ионы убежать от Господа. Далее следует краткий диалог между пророком и моряками, во время которого они пытаются выяснить, что необходимо сделать для успокоения

⁴⁰¹См. *Wilt, T. Pigeon: une traduction de Yôhân. P. 13.* См. вариант, который предлагает в своем переводе Уилт «Tadivinite/Celuiqui est Divin»

⁴⁰²Ср. «подошел», «пришел», «сказал» в переводах СП, РБО, МБО, Десн.

моря. Диалог, посредством которого автор раскрывает мысли и чувства героев, занимает центральное место данной сцены, а потому ее основная функция – экспрессивная.

1:7

BHS	וַיֹּאמְרוּ אִישׁ אֶל־רֵעֵהוּ לְכוּ וְנִפְיֵלָה גּוֹרְלוֹת וְנִדְעָה בְּשִׁלְמֵי הָרָעָה הַזֹּאת לָנוּ וַיִּפְּלוּ גּוֹרְלוֹת וַיִּפְּלֵהוּ הַגּוֹרֵל עַל־יוֹנָה:
Бел	Тым часам маракі пачалі радзіцца паміж сабою: - Давайце кінем лёсы і даведаемся, з якой прычыны гэтае няшчасце напаткала нас. Лёсы ўпалі на Ёну...

Не совсем понятно, происходит ли действие данного стиха одновременно с разговором кормчего с Ионой или уже после него? В ряде случаев вполне можно обойтись без указания обстоятельств времени. Однако литературный перевод выдвигает особые требования к связности текста. Поэтому в нашем случае необходимо эксплицировать время действия для более очевидной связи между 1:6 1:7. Мы склоняемся к мнению, что разговор моряков происходит параллельно с беседой кормчего и Ионы. По этой причине мы использовали выражение «тым часам». В другой переводческой ситуации данная информация может быть оставлена имплицитной. Такая интерпретация также означает, что рефернтами фразы *וַיֹּאמְרוּ אִישׁ אֶל־רֵעֵהוּ* являются моряки.

Жребий указывает на Иону. В еврейском тексте трижды повторяется словосочетание «бросать жребий» (вар. «упал жребий»): *וַיִּפְּלוּ גּוֹרְלוֹת, וְנִפְיֵלָה גּוֹרְלוֹת, וַיִּפְּלֵהוּ הַגּוֹרֵל*. Поскольку такое частое повторение в переводе будет воспринято как стилистическая ошибка, мы оставляем данную фразу лишь в разговоре моряков и для того, чтобы показать результат произведенного действия. Из последующих событий (1:9-10) складывается впечатление, что команда корабля не сразу увидела в самом Ионе причину бедствия. Лишь после того, как Иона признает, что убегает от Бога, которому он служит, они понимают, что ответственность за шторм лежит на пророке.

1:8

BHS	וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו הַגִּידָה־נָא לָנוּ בְּאֲשֶׁר לְמִי־הָרָעָה הַזֹּאת לָנוּ מִה־מְלֹאכְתֶּךָ וּמֵאַיִן תְּבוֹא מָה אֶרְצֶךָ וְאִי־מִנָּה עִם אֶתָּה:
Бел	Скажи нам, - спыталі яго маракі, - хто вінны ў нашай бядзе? З якой мэтай ты тут? Адкуль ідзеш? З якой ты зямлі? Да якога належыш народу?

Пожалуй, главная проблема данного стиха – интерпретация фразы בְּאֲשֶׁר לְמִי־הָרָעָה הַזֹּאת לָנוּ. Понимать ли ее как утверждение или как вопрос? Если это утверждение, то в чем смысл повторения (ведь моряки уже знают, кто является виновником проблемы)? Либо эта фраза приведена просто как повтор того же самого утверждения? Многие экзегеты считают, что эти слова являются позднейшей интерполяцией, попавшей в текст с полей рукописи. Эту фразу можно также понять как обвинение: «скажи нам ты, виновник нашей беды...». Не отвергая возможности подобной интерпретации, мы все же считаем, что перед нами вопрос, который моряки адресуют Ионе. Из последующего текста можно сделать вывод, что моряки воспринимают Иону как избранника богов, который должен помочь в определении главного виновника происходящего шторма – некое божество, стоящее за разбушевавшейся стихией. Позже моряки понимают, что Иона убегает от Яхве, Бога неба и суши, который и является подлинной причиной бури.

1:9

BHS	וַיֹּאמֶר אֵלֵיהֶם עֲבָרִי אֲנִכִּי וְאֶת־יְהוָה אֱלֹהֵי הַשָּׁמַיִם אֲנִי יְרֵא אֲשַׁר־עָשָׂה אֶת־הַיָּם וְאֶת־הַיַּבֵּשָׁה:
Бел	- Габрэў я! Пакланяюся Госпаду, Богу нябёсаў, творцу мора і сушы! – такім быў адказ.

Иона отвечает лишь на последний из заданных ему вопросов (риторическое средство, известное как *hysterionproteron*). Ответ пророка звучит

торжественно («панегерически»⁴⁰³), как своеобразная вероисповедная формула⁴⁰⁴. Стоящая вначале безглагольная конструкция עֲבָרִי אֲנֹכִי подчеркивает идентичность пророка. Как отмечает Трайбл, ритм фразы «עֲבָרִי אֲנֹכִי» ласкает слух Ионы, его чувство национальной гордости⁴⁰⁵. Эта богословская формула звучит комично: исповедуя Яхве как всемогущего Бога «неба, моря и суши», владеющего всем, Иона пытается убежать от Него. Глагол אָרַח с прямым дополнением אֶת־יְהוָה в данном стихе приобретает богословское значение и обозначает поклонение кому-либо, почитание кого-либо/ чего-либо.

В художественном переводе необходимо отразить указанные особенности оригинала: данный стих должен звучать торжественно, возвышенно, чего можно достичь в языке перевода при помощи определенных синтаксических средств. Так, перевод עֲבָרִי אֲנֹכִי как «я габрэй» будет показателем обыденной немаркированной речи, а вынесение существительного на первое место «габрэй я!» в сопровождении восклицательного знака будет указывать на эмфазу, которую Иона делает на собственной персоне. Во второй части высказывания вынесение вперед глагола («пакланяюся») будет создавать торжественное звучание, характерное для вероисповедных формул. Такая синтаксическая последовательность в белорусском языке характерна скорее для книжной, нежели разговорной речи и потому позволяет создать ощущение особой возвышенности.

1:10

BHS	וַיִּרְאֵוּ הָאֲנָשִׁים יְרָאָה גְדוֹלָהּ וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו מִהֲזֹאת־עָשְׂתָּ כִּי־יָדְעוּ הָאֲנָשִׁים כִּי־מִלְפָנָי יְהוָה הוּא בְּרַחֲמֵי הַגִּיד לָהֶם:
Бел	... Але я ўцякаю ад гэтага Бога, - працягнуў Ёна. Неймаверны страх ахапіў тых людзей, калі пачулі яны такія словы:

⁴⁰³ *Sasson, J. Jonah...* P. 127.

⁴⁰⁴ Трайбл относит ответ Ионы к жанру исповеданий: «Иона делает исповедание веры в некультовом контексте и перед моряками не-яхвистами. Он использует конвенциональную речь в неконвенциональной ситуации» (*Trible, Ph. Rhetorical Criticism...* P. 141).

⁴⁰⁵ *Trible, Ph. Rhetorical Criticism...* P. 141.

- Што ж ты нарабіў! – усклікнулі маракі.
--

Фразу $\text{לֵאמֹר הַיָּם יִדְרֹגוּ בְּיָדָיו}$ большинство современных комментаторов считают не вопросом, а скорее восклицанием моряков. Следующие за этим слова $\text{כִּי יִדְרֹגוּ בְּיָדָיו הַיָּם הֲוֵא בְרַח בְּכִי הַיָּם לָהֶם}$ синтаксически представляют собой фоновую информацию, которая поясняет причину страха моряков⁴⁰⁶. Такие синтаксические конструкции можно передавать по-разному: 1) перевести отдельным пояснительным предложением; 2) поместить эти слова в скобки, что в белорусском языке является конвенциональным способом организации дополнительной информации; 3) сделать их частью прямой речи самого Ионы. В последнем случае становится понятной логическая последовательность высказываний и фраза моряков $\text{לֵאמֹר הַיָּם יִדְרֹגוּ בְּיָדָיו}$ в таком случае будет однозначно понята как восклицание. Все сказанное потребует от нас реорганизации данного стиха, чтобы сделать логические связи между частями предложения более ясными.

Выражение $\text{וַיִּרְאֵהוּ וַיִּדְרֹגוּ הַיָּם בְּיָדָיו}$ является т.н. *figuraetymologicum*, которое усиливает интенсивность идеи, выраженной глаголом⁴⁰⁷. Будучи естественной для древнееврейского языка, данная конструкция, как правило, теряет свою силу при переводе. Иногда такие выражения, переведенные буквально, становятся наиболее узнаваемыми маркерами т.н. «библейского стиля», который, по мнению многих, должен характеризовать переводы Библии. Учитывая требования переводческого задания, мы решили отказаться от буквального перевода и интенсивность страха моряков передали при помощи прилагательного «неймаверны».

Важное место во всей книге занимает тема раба, который убегает от своего господина, что в древнем ближневосточном мире считалось серьезным преступлением. В нашей книге в качестве такого беглого раба выступает Иона, убегающий от своего господина - Бога Яхве⁴⁰⁸. Именно этим объясняется страх моряков, которые посчитали, что подобный поступок пророка навлек беду на

⁴⁰⁶Niccacci, A. Syntactic analysis of Jonah. P. 23; Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text. P. 34-35.

⁴⁰⁷ В книге Ионы встречается также в 1:16; 3:2; 4:2; 4:6.

⁴⁰⁸См. BenZvi, E. SingsofJonah. P. 65-79.

весь экипаж корабля. Эта культурная информация крайне важна для понимания всей книги в целом и данного стиха в частности. Поскольку объяснение подобной информации выходит за пределы собственно перевода, то данные образ можно пояснить во введении к книге. Отчасти этой цели служит переструктурирование стиха: предложение начинается с многоточия и противительного союза «але» (рус. «но»), что создает контраст между исповеданием Иной универсальной власти Яхве в предыдущем стихе и его собственной попыткой убежать от этого Бога.

1:11

BHS	וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו מִה־נִּצְעָשָׂה לָךְ וַיִּשְׁתַּחֲוֶה הָיָם מִעֲלֵינוּ כִּי הָיָה הַזֶּה וְסֵעָר:
Бел	А Мора, тым часам, злавала ўсё больш... - Што ж нам рабіць з табой, каб Мора суцішылася?! – спыталі маракі Ёну.

Главная проблема этого стиха – является ли фраза $\text{וְסֵעָר הַזֶּה הָיָה}$ частью речи моряков или словами автора? Указывает ли она мотив, объясняющий действия моряков - или предоставляет фоновую информацию, описывающую ситуацию, внутри которой происходит все действие? Синтаксис текста не позволяет нам отдать предпочтение ни одному из вариантов и, как говорит Сэссон, в данном случае «решение будет чисто интерпретативным»⁴⁰⁹. В своем переводе мы делаем данную фразу репликой автора, описывающей ту драматичную ситуацию, на фоне которой происходит диалог моряков и пророка. Кроме того, мы выносим данную реплику вперед, перед вопросом моряков и ставим после нее многоточие, что должно усилить драматический эффект происходящего: море, которое с каждой минутой становится все более неистовым, требует немедленного принятия решений.

Два причастия וְסֵעָר הַזֶּה образуют гендиадис и описывают всё усиливающуюся интенсивность и неистовство бури⁴¹⁰. В переводе мы

⁴⁰⁹ Sasson, J. *Jonah*... P. 123.

⁴¹⁰ Ibid.

попытались передать эту особенность при помощи фразы «мора злавала ўсё больш», которая также помогает сохранить образ моря как живого существа.

1:12

BHS	וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם שְׂאוּנִי וְהִטִּילְנִי אֶל־הַיָּם וַיִּשְׁתַּקֵּם הַיָּם מֵעַלְיָכֶם כִּי יוֹדַע אָנֹכִי כִּי בְשָׁלִי הִסָּעַר הַגָּדוֹל הַזֶּה עֲלֵיכֶם:
Бел	- Вазміце мяне і выкінце ў Мора, - адказаў Ёна. – Тады яно сціхне. Вызнаю, што менавіта я – прычына гэтай жудаснай буры.

Сэссон считает, что немаркированный синтаксис выражения כִּי יוֹדַע אָנֹכִי (вместо ожидаемого כִּי אָנֹכִי יוֹדַע) указывает на то, что Иона осознает свою вину в происходящем. Данная фраза может иметь юридический оттенок: «я признаю, я знаю, я сознаю» в том смысле, что человек принимает некое юридическое решение⁴¹¹. Таким образом, Иона не просто осознает свою вину, но дает им поручение кинуть его за борт. В белорусском языке глагол «вызнаваць» вполне передает эту юридическую коннотацию слов Ионы. Для того, чтобы подчеркнуть осознание пророком своей вины, мы передаем фразу כִּי יוֹדַע אָנֹכִי как «менавіта я – прычына...».

4.5.1.4. Сцена 4 (1:13-16)

1:13

BHS	וַיַּחְתְּרוּ הָאֲנָשִׁים לְהַשְׁיֵב אֶל־הַיַּבֶּשֶׁת וְלֹא יָכְלוּ כִּי הָיְתָה הַלְּיָד וּסְעָר עֲלֵיהֶם:
Бел	Маракі пачалі адчайна веславаць да сушы, але нічога ў іх не атрымліваўся, бо Мора злавала ўсё больш і больш...

В данном стихе особый интерес представляет глагол חָרַח, который буквально переводится «копать». В книге пророка Иезекеиля (8:8; 12:5,7,12) этот глагол описывает действия человека, который проделывает в стене дыру; в Ам 9:2 этим глаголом описываются действия людей, которые пытаются скрыться от Бога и «прорыться» в Шеол. В книге Ионы этот же глагол создает образ моряков, которые отчаянно стремятся достичь берега, а потому

⁴¹¹ Ibid. P. 125.

буквально «вкапываются» в воду, «вгрызаются» в нее. При переводе этого слова возможны разные варианты. Буквальный перевод «моряки стали «копать» (воду)» будет звучать неестественно. Можно попытаться передать интенсивность работы моряков и те усилия, которые они прилагают для достижения берега: для этого можно употребить естественный для такой ситуации глагол «грести», добавив к нему наречие «усиленно». Можно также попытаться найти некое образное выражение в языке перевода, которое бы передавало те же импликации, что и глагол оригинала. Каждый из вариантов вполне допустим, однако учитывая скопос нашего перевода, мы выбрали третий вариант «адчайна веславаць».

1:14

BHS	וַיִּקְרָאוּ אֶל־יְהוָה וַיֹּאמְרוּ אֵלֶּהּ יְהוָה אֵל־נָא נֹאכְדָה בְּנֶפֶשׁ הָאִישׁ הַזֶּה וְאֶל־תִּתֵּן עָלֵינוּ דָם נָקִיא כִּי־אַתָּה יְהוָה כְּאֲשֶׁר תְּפַצֵּת עֲשִׂית׃
Бел	Тады яны ўзмаліліся: - О, Госпадзе! Няхай мы не загінем з-за гэтага чалавека! Не спагані з нас крыві нявіннай! Таму што гэта – Твая воля!

Данный стих является кульминацией всего раздела: моряки призывают имя Бога Израилева, признавая, что милости следует искать лишь у Него.

Фраза וַיִּקְרָאוּ является идиомой, которая в данном контексте означает «призывать божество». Здесь мы передаем эту фразу глаголом «ўзмаліліся», который отражает критичность ситуации моряков. Этот глагол также отражает важный богословский нюанс: моряки-язычники уже призывают не какого-то бога из целого ряда других богов (1:5), а Яхве как единого, кто может спасти в данной ситуации.

Пожалуй, наибольшую трудность представляет выражение כִּי־אַתָּה יְהוָה כְּאֲשֶׁר תְּפַצֵּת עֲשִׂית. Говорит ли эта фраза об универсальной свободе Бога реализовывать свою волю? Или речь идет о конкретном случае – об открывшейся воле Бога через метание жребия, в котором Иона был явлен как причина шторма? С этим выражением мы встречаемся и в ряде других текстов (Ис 46:6-7, Пс 115:3-4, Пс

135:5-6, 15) в контексте запрещения идолопоклонства. Во всех этих отрывках утверждается, что Яхве является единственным истинным Богом, Его могущество и власть распространяется на все уголки вселенной, а потому Он может делать то, что желает. Тема универсальной свободы Бога, не ограниченной никакими условиями, является ключевой для всей книги. Однако Такер считает, что указанная фраза в 1:14 скорее относится к конкретному проявлению этой свободы⁴¹². Синтаксис предложения показывает, что цель этой фразы – дать фоновую информацию, а потому референт фразы должен быть в самом повествовании. Данная фраза ставит вопрос об ответственности моряков за судьбу Ионы. Моряки понимают, что бегство Ионы является причиной шторма. Но остановится ли Яхве, если они выкинут Иону в море? Не будут ли они виновны в смерти пророка? Моряки желают, чтобы Господь знал: ответственность за данную ситуацию несет сам Яхве, ибо именно Его воля была открыта в метании жребия. Тем самым моряки пытаются обезопасить себя от греха. Их неуверенность коренится в осознании непредсказуемости и неограниченности свободы Господа, который может покарать их даже после обнаружения причины шторма.

1:15

BHS	וַיִּשְׂאוּ אֶת-יִוְנָה וַיִּטְלְהוּ אֶל-הַיָּם וַיַּעֲמֵד הַיָּם מִזַּעַפּוֹ:
Бел	І, падняўшы Ёну, кінулі яго ў Мора – і яно ўтаймавала сваю ярасць.

Существительное זַעַף появляется в тексте еврейской Библии только шесть раз; в трех случаях это слово обозначает гнев человека (Притч 19:12; 2 Пар 16:10; 28:9) и в двух относится к гневу Божьему (Ис 30:30 и Мих 7:9). Данный стих является единственным случаем, где это слово употреблено в отношении неодушевленного объекта. Как и корабль в 1:4, море в данном случае персонифицируется. В большинстве переводов эта особенность оригинала теряется. Если в оригинале само море является субъектом действия, то в некоторых переводах таковым становится «ярость» (Десн.), «волнение» (РБО).

⁴¹²Tucker, W. *Jonah: a handbook on the Hebrew text*. P. 44.

В СП и МБО субъектом действия является море, однако глагол «утих» не столь очевидно передает образ моря как активно действующего субъекта. Безусловно, выражение «море утихло» по своему происхождению является метафорическим, однако оно стало столь привычным, что море здесь уже не ощущается как нечто одушевленное. В белорусском переводе мы решили использовать выражение «утаймаваць ярасць», которое сохраняет образный язык оригинала.

1:16

BHS	וַיִּרְאֻהוּ הַצֹּמְשִׁים יָרָאָה גְדוֹלָה אֶת־יְהוָה וַיִּזְבְּחוּ־זֶבַח לַיהוָה וַיִּדְרוּ נְדָרִים:
Бел	У трапятанні схілілі гэтыя людзі калены перад Ягвэ, прыняслі ахвяру і зарокі.

Успокоение моря служит доказательством всемогущества Яхве, что побуждает моряков к выражению своего трепета перед Ним в виде приношения жертв и обетов. Сравнивая стихи 1:5,10,16 мы можем заметить, как возрастает страх моряков: וַיִּרְאֻהוּ הַמַּלְחָיִם (1:5), וַיִּרְאֻהוּ הַצֹּמְשִׁים יָרָאָה גְדוֹלָה (1:10), וַיִּרְאֻהוּ הַצֹּמְשִׁים יָרָאָה גְדוֹלָה אֶת־יְהוָה (1:16). Но изменяется не только интенсивность страха, но и его качество: страх перед стихией уступает место благочестивому преклонению Яхве. Хвастливая декларация Ионы в 1:9 становится реальностью в действиях моряков-язычников. По этой причине глагол יָרָא можно передать выражением «схіліць калены», которое имеет оттенок благочестивого преклонения.

4.5.2. Эпизод II (2:1-11)

Во втором эпизоде место действия меняется и читатель вместе с пророком опускается с поверхности моря вглубь него. Неоднократные попытки Ионы скрыться от Бога завершаются тем, что пророк, оказываясь в морской пучине, достигает самой низкой точки земли. Когда положение Ионы становится безвыходным, он обращается к Богу, который спасает его, после чего начинается движение в противоположном направлении: если до этого момента Иона все время опускался, то теперь начинается его «восхождение». В

центре внимания автора оказываются мысли и чувства пророка, на что указывает наличие 27 референций на 1 л. ед. ч., которые встречаются в восьми стихах молитвы.

Основным структурным элементом данного эпизода является молитва Ионы (2:3-10), которая находится в обрамлении двух повествовательных разделов (2:1-2 и 2:11). По структуре и содержанию псалом можно отнести к традиционным благодарственным псалмам, хотя ритм (3/2) скорее говорит о его принадлежности к псалмам плача. В этом можно увидеть еще одно проявление иронии, присущей книге Ионы. Многие комментаторы указывали на несоответствие между содержанием псалма и окружающим контекстом, на основании чего многие исследователи делали вывод, что данный псалом является позднейшей вставкой. Впрочем, целый ряд древних и современных экзегетов отстаивали изначальную принадлежность данного псалма тексту произведения. Скорее всего, автор книги следовал традиционной древнееврейской литературной технике, когда в повествовательные разделы вставлялись поэтические произведения. Общность языка псалма Ионы и традиционных текстов Псалтири можно объяснить общностью образов и мотивов, которые древнееврейские поэты использовали для создания поэтических текстов⁴¹³. У нас нет возможности подробно обсуждать вопрос, является ли псалом 2:3-10 позднейшей вставкой или изначально принадлежал тексту произведения⁴¹⁴. Далее мы рассматриваем данный текст в качестве интегральной части книги Ионы, независимо от того, как решается вопрос происхождения данного псалма.

Основным местом действия второй главы становится живот большой рыбы, внутри которой Иона, вспоминая угрожавшую ему опасность, возносит благодарение Господу за дарованное спасение. Псалом 2:3-10 имеет следующую структуру:

⁴¹³*Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness...* P. 118-120.

⁴¹⁴См. *Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness...* P. 98; *Sasson, J. Jonah...* P. 208; композиционные аргументы за оригинальность псалма см. *Wendland, E.R. Text Analysis and the Genre of Jonah. Part 2 / E.R. Wendland // Journal of Evangelical Theological Studies.* – 1996. – Vol. 39:3. P.:384-386.

- введение (2:3), в котором раскрывается краткое содержание псалма;
- описание бедственного положения, в котором оказался Иона (2:4-7а);
- описание избавления (2:7б);
- призывание Господа (2:8);
- наставление, благодарение за избавление и обетование (2:9-10).

Как и все благодарственные псалмы, молитва Ионы после вступительной хвалы содержит повествовательную часть, в которой описывается ситуация опасности, описанная традиционными поэтическими средствами без указания конкретных обстоятельств⁴¹⁵. Вслед за этим идет просьба о помощи, за которой следует божественное избавление. После опыта беды и избавления благодарный автор псалма становится учителем общины и призывает ее к сохранению верности в отношениях с Господом. Заканчивается псалом обещанием принесения жертв и исполнения обетов, а также прославлением Господа. Язык благодарственных псалмов универсален, его можно отнести к любому человеку в любую эпоху, столь же универсален и псалом Ионы.

Раздел 2:4-8 представляет определенную трудность для интерпретации. В данном отрывке описывается тот опыт опасности, который переживает Иона. В 2:4 говорится о физических страданиях пророка, которые ему причиняет водная стихия. Ст. 2:5 описывает чувство отверженности Ионы Богом. В 2:6 содержится дальнейшее описание физических страданий от водной стихии. В 2:7а мы вновь встречаемся с чувствами Ионы, которые он переживает при спуске к основаниям гор. В 2:7б говорится об избавлении от опасности. В 2:8 приводится просьба Ионы о помощи. Схематически данный отрывок можно изобразить следующим образом:

- 2:4 – физические страдания;
- 2:5 – чувства;
- 2:6 – физические страдания;

⁴¹⁵ В отличие от других благодарственных псалмов, в начале молитвы Ионы отсутствует ярко выраженное прославление и благодарение.

- 2:7а – чувства;
- 2:7б – избавление от опасности;
- 2:8 – просьба о помощи.

Такая структура описания физического и эмоционального состояния Ионы может оказаться не вполне понятной современному читателю. Стих 2:5, который фокусируется на чувствах и мыслях пророка, нарушает последовательность физических страданий. Если поместить 2:5 после 2:7а, то мы видим логическое построение тем, с прогрессией от меньшей опасности к большей. Кульминацией этого опыта страданий становится самое тяжелое испытание – чувство богооставленности. Кроме того, просьба о помощи в 2:8 хронологически идет после описания избавления, дарованного Богом в 2:7б.

Скопос нашего перевода требует создания одомашнивающего инструментального перевода гомологического типа. Принимая во внимание данное требование, мы переструктурировали отрывок 2:3-8, стремясь при этом сохранить образность, идеи и логическую последовательность оригинального текста: 3– 4– 6– 7а – 5– 8– 7б – 9 – 10⁴¹⁶.

4.5.2.1. Сцена 2 (2:1-2)

BHS	וַיִּמְזַן יְהוָה דָּג גָּדוֹל לְבָלֵעַ אֶת־יוֹנָה וַיְהִי יוֹנָה בְּמִעְי הַדָּג שְׁלֹשָׁה יָמִים וְשְׁלֹשָׁה לַיְלֹת: וַיִּתְפַּלֵּל יוֹנָה אֶל־יְהוָה אֱלֹהָיו מִמִּעַי הַדָּגָה:
Бел	Тады Госпад зрабіў так, што Ёну праглынула вялікая рыба, ва ўлонні якой ён заставаўся тры дні і тры ночы. І тады Ёна пачаў маліцца:

Как уже было сказано выше, стихи 2:1-2 и 2:11 являются прозаическим обрамлением поэтической части 2:2-10. Как и в первой главе, Бог использует силы природы, посредством которых Он пытается вразумить Своего пророка. Главная цель Господа – заставить строптивца выполнить данное ему поручение проповедовать в Ниневии. Большая рыба, внутри которой Иона возносит своё

⁴¹⁶Мы позаимствовали данное решение из Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 151-154.

благодарение Богу, становится местом спасения от враждебной морской стихии и является ответом Господа на отчаянные призывы Ионы.

Глагол יָרַי мы передаем как «заставаюсь», вместо традиционного «был», благодаря чему не просто указывается период пребывания Ионы внутри рыбы, но и появляется дополнительный оттенок защиты, поскольку рыба, как мы увидим далее, выступает здесь скорее не в качестве орудия наказания, но как инструмент спасения. Такой перевод дает читателю необходимую интерпретативную перспективу, поскольку очень часто пребывание в животе у рыбы понималось как наказание от Бога, которое настигло Иону.

В 2:2 мы опускаем מִמְּעַי הִלֵּךְ, поскольку эта же фраза употреблена в 2:1. Повторение одного и того же элемента в двух соседних предложениях с точки зрения стилистики современного белорусского языка будет излишней.

4.5.2.2. Сцена 2 (2:3-10)

В данной сцене находится псалом Ионы, в котором он обращается с благодарением к Господу, вспоминая ту опасность, в которой он пребывал до того, как рыба проглотила его.

2:3

BHS	וַיֹּאמֶר קְרָאתִי מִצָּרָה לִי אֱלֹהֵי הַתְּהוֹמָה וַיַּעֲנֵנִי מִבֶּטֶן שָׂאוּל שְׁמַעְתָּ קוֹלִי:
Бел	У распачы Госпада паклікаў я – Ён не пакінуў мяне! З нетраў Шэолу я закрычаў – і Ты пачуў!

Данный стих содержит начальные слова благодарственной молитвы Ионы: За обращено к аудитории и является свидетельством пророка о пережитом опыте божественного избавления из беды. В 3б происходит изменение перспективы и Иона обращается уже непосредственно к Господу. Таким конвенциональным языком начинаются многие псалмы, которые

предлагают модели поведения людям, пребывающим в подобных тяжелых обстоятельствах.

Находясь в безопасности внутри рыбы, Иона вспоминает о том, что в своем стремлении «убежать от лица Господня» он достиг пределов творения – לִיָּצֵף , мира мертвых. Именно оттуда Иона возносит свою мольбу о спасении. Автор намеренно употребляет здесь метафору «чрево Шеола» интенсифицируя данный образ и противопоставляя его «чреву рыбы». Шеол выступает в качестве враждебной по отношению к пророку среды, в то время как рыба является местом безопасности, откуда он может воздать благодарение Господу. Кроме того, «чрево Шеола» может отсылать также к 1:5, где речь идет о внутренней части корабля (יִרְכָּה).

Перевод термина לִיָּצֵף можно отнести к типу культурных переводческих проблем. Этим словом евреи называли мир мертвых, в который попадали все люди, независимо от их нравственного состояния. В древнееврейском концептуальном мире отсутствовал дуализм «ада» и «рая», существующий в христианской богословской традиции. Перевод данного слова как «ад» будет еще одним проявлением «христианской колонизации», о которой мы говорили в разделе 4.2. Возможный перевод «свет памерлых» (рус. «мир мёртвых») избавлен от указанного недостатка, однако лишен мифологических коннотаций. В данной интерпретации теряется важное поэтическое средство, использованное автором – персонификация мира мертвых. Поскольку концепция нашего перевода предполагает сохранение художественных аспектов оригинала, мы передаем данное слово как «Шэол». Использование заглавной буквы и антропоморфной лексики позволяет создать образ живого существа, которое поглотило Иону. Такой перевод позволяет современному читателю почувствовать культурную инаковость книги.

Дискурсивный маркер וַיֹּאמֶר , который вводит прямую речь, мы заменяем двоеточием, которое является конвенциональным способом введения прямой речи в белорусском языке.

2:4

BHS	וַתִּשְׁלֹכֵנִי מִצִּוְלָהּ בְּלִבָּב יַמַּיִם וַיִּנְהַר יִסְבְּבֵנִי כָּל־מִשְׁבְּרֵיָּהּ וַיִּגְלִיף עָלַי עֲבָרוֹ:
Бел	Ты кінуў мяне ў бездань – апынуўся я ў сэрцы марскім! Патокі вады ахінулі мяне, хвалі Твае паглынулі мяне!

Этот стих возвращает нас к повествованию, прерванному в 1:15. Перед нами – описание событий, происходивших с Ионой после того, как он был брошен в воду и до того, как он был проглочен рыбой. Слово **וַיִּנְהַר** в прозаических текстах, как правило, обозначает поверхностные воды (реки, искусственные каналы), однако в поэтических текстах данное слово может относиться к подземным течениям (Иов 28:11). В поэзии это слово также может употребляться в отношении первозданных мифологических вод, которые невидимо от людей текут под землей.

Учитывая, что события происходят в «сердце моря», то, видимо, речь в данном стихе идет о глубинном водном течении. Местоименные суффиксы 2-го л. м.р.ед.ч. здесь указывают на генетив причины: так же, как Бог послал ненастный ветер на море (1:4) и рыбу (1:17), так и сейчас Господь, по мнению Ионы, ответственен за буйство водной стихии, в которой он оказался.

2:5

BHS	וְאָנֹכִי אֲמַרְתִּי נִגְרַשְׁתִּי מִנְּגֵד עֵינָיִךְ אֶף אֹסִיף לְהִכָּיֵט אֶל־הַיָּם כָּדָשְׁךָ:
Бел	Падумаў я: “Адкінуты далёка я ад Цябе... Аднак я яшчэ ўбачу Твой святы Храм!”

Глагол **אֹסִיף** в данном случае описывает внутреннюю речь Ионы, обращенную к самому себе⁴¹⁷. Фраза **נִגְרַשְׁתִּי מִנְּגֵד עֵינָיִךְ** является идиомой, характерной для древнееврейского языка, но звучащей несколько архаично в

⁴¹⁷Sasson, J. *Jonah*... P. 178.

современном белорусском языке, поэтому данную идиому можно заменить на более характерную для белорусского языка «адкінуты я ад Цябе».

В данном стихе мы встречаемся с первой серьезной текстуальной проблемой книги. В МТ употреблена частица ׀, которая функционирует в качестве утвердительного наречия «конечно, непременно», либо имеет противительное значение «тем не менее». В таком случае предполагается оптимистичное прочтение слов Ионы, которые выражают надежду и решимость вновь предстать пред Богом в Его святом храме. Однако в переводе Феодотиона мы встречаем $\pi\tilde{\omega}\varsigma$, что является переводом еврейского ׀. Тогда вторая часть данного стиха становится вопросом «как я увижу вновь Твой Храм святой?» и выражает тот опыт отчужденности, который испытывает Иона. Впрочем, следует отметить, что такое чтение не поддерживается ни одним другим древним переводом⁴¹⁸.

В своем переводе мы следуем за МТ, считая именно данное чтение наиболее убедительным⁴¹⁹. Иона повествует о своем нисхождении до пределов земли, он стал пленником моря, смерть казалась неминуемой. В этот момент пророк признает, что ему удалось осуществить то, к чему он стремился – убежать от Бога, скрыться от Него как можно дальше (1:3). Однако вряд ли Иона думал, что это стремление может привести его к такой беде. В 2:5а пророк признает, что причина его тяжелого положения – отдаленность от Бога. Однако в этом же псалме он рассказывает о своем спасении и «восхождении» из глубин моря. Данный стих становится поворотным моментом, поскольку именно здесь начинается постепенный подъем Ионы на поверхность, что, в свою очередь, свидетельствует об изменении общей направленности истории и о готовности пророка исполнить данное ему поручение. Этот подъем начинается с изменений внутри самого Ионы: если в первой главе мы видим стремление убежать от «лица Господа», от Его присутствия, то в данном стихе видно желание вновь увидеть Храм Господа, т.е. оказаться в месте Его присутствия.

⁴¹⁸ Подробнее данный вопрос обсуждается в *Sasson, J. Jonah...* P. 179-180.

⁴¹⁹ См. *Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness...* P. 108-109; *Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text.* P. 54-55; *Trible, Ph. Rhetorical Criticism...* P. 167.

Так заканчивается побег Ионы от Бога и начинается его возвращение. Как только изменяется внутренняя направленность пророка, Господь вмешивается в ситуацию непосредственно и избавляет Иону от беды. Поэтому мы переводим данную фразу как выражение твердого намерения: «Аднак я яшчэ ўбачу Твой святы Храм».

2:6-7a

BHS	אֶפְפוּנֵי מַיִם עַד-נֶפֶשׁ תְּהוֹם יִסְבְּגֵנִי סוּף חֲבוּשׁ לְרֹאשִׁי: לְקִצְבֵי הַיָּם יִרְדְּתִי הָאָרֶץ בְּרִחִיקָה בְּעֵנִי לְעוֹלָם וַתַּעַל מִשְׁחַת תִּנִּי יְהוָה אֱלֹהֵי:
Бел	6. Воды Хаосу ахапілі мяне, марской травой спавіты, так што ўжо і не дыхаю я! 7а. Да асноваў гор я спусціўся, навякі краіна мёртвых замкнула брамы свае за мной. 7б. ... Ты падымаеш мяне з Ямы, О, Госпадзе, Божа мой!

Ситуация становится предельно опасной, шансы на спасение минимальны, гибель пророка практически неизбежна. Глагол אֶפְפוּנֵי, который достаточно редко встречается в поэтических текстах, усиливает напряженность ситуации. Драматичность происходящего усиливает образ морских водорослей (רִיב), которые обвивают пророка и делают бессмысленными любые попытки выбраться из воды. Данное слово имеет ограниченное семантическое значение и в ветхозаветных текстах обычно относится к пресноводным растениям, произраставшим в египетских реках. В данном стихе רִיב могло быть выбрано по риторическим причинам: повтор гласного ו во фразе רִיב חֲבוּשׁ является примером ассонанса⁴²⁰. Ряд исследователей считает, что слово רִיב является

⁴²⁰Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text. P. 56.

реминисценцией на события, связанные с жизнью Моисея и исходом Израиля из Египта (ср. Исх 2:3, 15:4)⁴²¹.

Существительные תְּהוֹם, הַרִים, קַצְבֵי הָאָרֶץ, אֶרֶץ, שְׁחַת имеют космологические и мифологические коннотации. Переводческое задание требует от нас сохранения данной особенности оригинального текста. Так, существительное תְּהוֹם обозначает первичный хаос⁴²². Чтобы сохранить это мифологическое звучание, столь отчетливо присутствующее в тексте, мы передаем данное слово как «Хаос». Перевод как «бездна»/«пучина» будет маркером возвышенного, поэтического стиля, однако вряд ли вызовет у современного читателя ассоциации с ближневосточной мифологией и библейской космологией. В 2:7 используется космологический образ «оснований гор» (לְקַצְבֵי הָרִים)⁴²³, которые находятся на самой глубине морской бездны. Слово אֶרֶץ может означать не только «земля», «страна», но и «подземный мир», выступая в качестве синонима к слову שְׁאוֹל⁴²⁴. Образ ворот в Библии никогда не употребляется в отношении живых, но только в отношении земли мертвых: «врата Шеола» (Ис 38:10), «врата смерти» (Псс 9:14, 107:18; Иов 38:17). Поэтому, вероятнее всего, здесь слово אֶרֶץ тождественно «подземному миру» (אֶרֶץ תְּהוֹמוֹת, Иез. 32:18), «земле теней» (רַפְאִים אֶרֶץ, Ис 26:19)⁴²⁵. Таким образом, подземный мир здесь представлен в образе города, имеющего ворота и стены. Существительное בְּרִיקָה ассоциируется с воротами укрепленных городов⁴²⁶ и употребляется вместе с глаголами, обозначающими процесс закрытия. Отсутствие в данном месте ожидаемого глагола можно объяснить явлением эллипсиса. В переводе возможно появление подобного глагола.

В стт. 6 и 7 находится структурный и тематический центр псалма. Ст. 2:6 является продолжением ст. 2:4, в котором описывается отчаянная борьба Ионы

⁴²¹ Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 156; Niccacci, A. Syntactic analysis of Jonah. P. 28.

⁴²²ср. Быт 1:2, 7:11, 8:2; Притч 8:27-28

⁴²³ Ср. Сир 16:19, где это выражение является параллелью к «основаниям мира».

⁴²⁴Sasson, J. Jonah... P. 188-189. Иов 10:21, 22; Пс 139:15; Ис 44:23.

⁴²⁵Simon, U. Jonah: The Traditional Hebrew Text with the New JPS Translation / U. Simon, J. Schramm. – Philadelphia: Jewish Publication Society, 1999. – 52 p.

⁴²⁶Суд 16:3; 1 Цар 4:13; Неем 3:3; Пс 107:16; 147:13; Ис 45:1-2.

с водной стихией. Бездна полностью поглотила его, пророк оказывается ее пленником, будучи связанным, словно узами, морскими водорослями. Так он достигает пределов подземного мира, где находятся космологические основания земли. Иона становится узником подземного мира, который затворяет за ним свои врата. Путь назад оказывается закрытым навсегда (לְעוֹלָם). Но именно в этот отчаянный момент начинается изменение ситуации и начало спасения. Выше мы уже говорили о том, что хронологически более верным было бы вслед за 2:4 читать стт. 2:6-7, а затем ст. 2:5. Следствием произошедшего изменения внутри самого Ионы становится вмешательство Господа, избавление пророка от смерти и его восхождение.

Слово לַחַיִּים в 2:7b обозначает либо просто яму, либо могилу, реальность мертвых⁴²⁷, являясь в последнем случае еще одним синонимом к שָׁחַד.

2:8

BHS	בְּהִתְעַטֵּף עָלַי נַפְשִׁי אֶת־יְהוָה זָכַרְתִּי וּמָבֹא אֵלַיִךְ תִּפְלֵתִי אֶל־הַיָּבֵל קִדְשֶׁךָ:
Бел	Душа мая знясілела – і Госпада ўспомніў я. Дайшла малітва мая да Цябе, да Храма святога Твайго.

После краткого эмоционального комментария в 2:7б, который является реакцией на спасительные действия Господа, продолжается повествование об избавлении Ионы. В 2:8а описывается внутреннее состояние пророка, который, оказавшись в плену Шеола, пребывал в состоянии крайнего опустошения и полной безнадежности. Это опустошение является следствием его физической борьбы со стихией и внутренних душевных страданий. Глагол הָטָה может означать: 1) наступление смерти (Плач 2:12); 2) потеря чувств в суеде (Пс 107:5); 3) потеря надежды на спасение от беды (Псс 77:4; 142:4; 143:4). Признание безнадежности ситуации приводит к ее изменению: пророк вспоминает о Боге. Возможно, именно в этот момент Господь посылает

⁴²⁷Ср. Иез. 28:8.

большую рыбу, которая должна проглотить Иону и тем самым спасти его от гибели.

2:9-10

BHS	<p>מְשֻׁמְרִים הַבְּלִי־שָׁוָא חֲסֵדָם יַעֲזֹבוּ: וְאֲנִי בְקוֹל תּוֹדָה אֶזְבַּח־לְךָ אֲשֶׁר נִדְרַתִּי אֲשַׁלְּמָה וְשִׁעֲטָה לִיהוָה:</p>
Бел	<p>9. Тыя, хто нікчэмных ідалаў шануе, забыў пра вернасць сваю да Госпада. 10. А я, спяваючы песні хвалы, ахвяры Табе прынясу! Абяцанні свае здзяйсню. Збаўленне ад Госпада!</p>

Иона завершает свой благодарственный псалом поучением народу Божию, благодарением Господу и обещанием принести жертву.

Стих 2:9 является одним из самых загадочных мест книги. Скорее всего, перед нами – наставление Ионы, которое он, как переживший опыт смерти, преподает своей аудитории. Пророк призывает слушателей к постоянству и верности в отношениях с Господом. Кроме того, действия почитателей הַבְּלִי־שָׁוָא противопоставляются действиям самого Ионы в 2:10.

Существительное הַבְּלִי образно описывает несущественное, пустое, текущее. Часто это слово относится к идолам – воплощению ничтожности и бессмысленности. Существительное שָׁוָא описывает то, что является неэффективным, отсутствующую реальность и также используется в отношении идолов. Как видим, автор книги использует два синонимичных субстантива, что может указывать на отношения превосходной степени⁴²⁸.

Слово נִדְרָה является одним из ключевых богословских терминов Ветхого Завета и характеризует взаимоотношения как между Богом и людьми, так и внутри группы людей. Соответственно, этот термин может указывать на: 1) действия Бога по отношению к людям; 2) действия людей по отношению к

⁴²⁸Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text. P. 60.

Богу; 3) взаимоотношения между людьми. Термин אֱמֻנָה может переводиться близкими по своему значению словами: верность, постоянная любовь, милость, лояльность, доброта. Точное значение данного термина в 2:9 остается предметом дискуссий. Одно из возможных объяснений состоит в том, что данное слово является метонимией и обозначает самого Бога, либо один из Его атрибутов. Автор псалма проводит сравнение между тем, чему поклоняются люди и тем, что они предали или потеряли⁴²⁹. Альтернативный вариант предполагает, что מִשְׁמָרִים не сохранили אֱמֻנָה по отношению к Господу и тем самым проявили пренебрежение к завету с Господом⁴³⁰. В таком случае действия מִשְׁמָרִים противопоставляются действиям самого Ионы в 2:10, который решительно заявляет о готовности подтвердить верность договору с Господом. В отличие от почитателей пустоты, Иона, в случае своего спасения, обещает сделать все то, что является выражением верности Завету: вознести хвалу, принести жертвы и исполнить обеты (все это уже исполнили моряки в 1:17). В своем переводе мы придерживаемся последней интерпретации⁴³¹.

Выражение בְּקוֹל תִּזְדָּק в 2:10 является метонимией и указывает на содержание того, что производит голос. В этом стихе Иона, для указания своих намерений, употребляет когортативные формы глаголов, что не всегда легко передать. Будущее время, которое обычно употребляется в переводах, не вполне отражает твердое намерение Ионы исполнить то, о чем он говорит.

Фраза וְשִׁעָתָה לִיהוָה является тематической и эмоциональной кульминацией песни Ионы.

2:11

⁴²⁹ Ср. «оставили Милосердага своего» (СП); «лишились милости, что могли получить» (МБО).

⁴³⁰ «Тебя предают» (РБО), «верность свою забыл» (Десн.).

⁴³¹ В отличие от большинства экзегетов, которые видят в 2:9 призыв сохранить верность Господу, отказавшись от поклонения идолам, Натан Лав недавно предложил иную интерпретацию данного стиха. Исследователь считает, что Иона призывает аудиторию к тому, чтобы быть осторожными при принятии жизненно важных решений и не предпочитать ничего не стоящее тому, что единственно имеет подлинную ценность – самому Богу. Пророк основывается на своем собственном опыте, поскольку его отказ от исполнения слова Господнего привело его к смертельно опасной ситуации. Лав предлагает следующий перевод: «Those continuing to hold on to empty breaths forsake their Faithful Love». См. *Love, N.P. Translating Jonah 2.9: Looking for a Breath of Fresh Air / N.P. Love // The Bible Translator. – 2013. – Vol. 64:3. – P. 266-283.*

BHS	וַיֹּאמֶר יְהוָה לְדָג וַיִּקַּא אֶת־יֹנָה אֶל־הַיַּבֶּשֶׁה:
Бел	Сказаў Госпад рыбе і яна вырыгнула Ёну на сушу.

Этот стих возвращает нас к повествованию и говорит о реакции Господа на молитву пророка.

4.5.3. Эпизод III (3:1-10)

Действие данного эпизода происходит внутри города Ниневия. Главные действующие лица – пророк Иона, царь и жители Ниневии. Иона наконец-то выполняет поручение Господа: его проповедь приводит к покаянию жителей города и их царя. В ответ на это Бог проявляет Свою милость. Доминирующая коммуникативная функция эпизода – апеллятивная.

4.5.3.1. Сцена 1 (3:1-2)

3:1-2

BHS	וַיְהִי דְבַר־יְהוָה אֶל־יֹנָה שְׁנִית לְאֹמֶר: קוּם לךְ אֶל־נִינְוֶה הָעִיר הַגְּדוֹלָה וְקִרְא אֵלֶיהָ אֶת־הַקְּרִיאָה אֲשֶׁר אָנֹכִי דֹבֵר אֵלֶיךָ:
Бел	У другі раз Госпад загадаў Ёну: - Спяшайся да Ніневы, вялікага гораду! Абвясці ейным жыхарам тое, што Я скажу табе!

Третья глава книги Ионы открывается синтаксической конструкцией, практически идентичной той, что мы видели в начале первой главы. В 3:1 макросинтаксический маркер וַיְהִי показывает начало нового раздела, который является продолжением предшествующего повествования. В нашем переводе этот глагол может быть опущен, поскольку начало новых разделов в белорусском языке обозначается другими средствами: графически («красная строка» для выделения абзаца), металингвистически (обозначение «Глава 1», «Раздел 2» и т.п.). В нашем переводе мы маркируем начало нового раздела при помощи слов «Дзея 3». Кроме того, выражение «у другі раз», «зноў» также воспринимается как указание на начало нового повествования, которое логически связано с предшествующим текстом и отсылает читателей к 1:1.

Ст. 3:2 в основном дублирует 1:2. Одно из наиболее значительных отличий между двумя этими предложениями – изменение предлога с על на אל. Как уже было сказано, многие комментаторы видят в таком изменении не просто стремление к стилистическому разнообразию, но и важное семантическое различие, поскольку אל־לקרא имеет положительное значение, в отличие от על־לקרא.

В 3:2 мы встречаемся со словом קרא־ה, которое является *hapaxlegomenon* в Ветхом Завете и по мнению Сэссона имеет нейтральное значение («нечто высказанное, нечто сказанное») ⁴³². Таким образом, тональность пророческого послания меняется: Иона произносит уже не весть суда, а некое неуточненное послание от Бога.

4.5.3.2. Сцена 2(3:3-4)

3:3

BHS	וַיִּקְרָא יוֹנָה בְנֵלֹד אֶל־נִינְוָה כְּדַבֵּר יְהוָה וַנִּינְוָה הִיָּתָה עִיר־גְּדוֹלָה לְאֱלֹהִים מִהַלְדָּ שְׁלֹשֶׁת יָמִים:
Бел	Як і загадаў Госпад, Ёна пайшоў да Ніневы (горад гэты быў вялізарным у Бога: тры дні спатрэбілася б, каб абысці яго).

Экзегеты так и не пришли к единому мнению относительно смысла выражения וַנִּינְוָה הִיָּתָה עִיר־גְּדוֹלָה לְאֱלֹהִים. Было предложено несколько решений:

- Имя Бога в данном случае использовано для выражения превосходной степени прилагательного. В таком случае данную фразу следовало бы перевести как «Ниневия была чрезвычайно большим городом». Подобное использование мы обнаруживаем и в других местах Библии (напр. 1 Цар 14:15; Быт 23:6). Впрочем, Сэссон не согласен с подобной интерпретацией ⁴³³.
- Данная фраза говорит о принадлежности города Богу, а потому о его важности, значимости для Господа.

⁴³²Sasson, J. *Jonah*... P. 226.

⁴³³Ibid. P. 228.

- Кроме того, данное выражение можно понять и как «Ниневия была у/для богов большим городом». Впрочем, большинству экзегетов такое толкование не кажется убедительным.

В разных переводах отражены разные экзегетические решения⁴³⁴. Наиболее корректным нам представляется утверждение о принадлежности Ниневии Господу, т.е. этот город также является частью Божьих владений (вспомним вероисповедальную формулу Ионы, где Бог назван универсальным творцом «неба и суши»)⁴³⁵. Впрочем, далее следует выражение *וְנִינְוָה הָיְתָה ... מְהֵלָה* ... *שְׁלֹשֶׁת יָמִים*, которое указывает на огромные размеры Ниневии, а потому и предшествующую фразу можно понять именно таким образом: в первом высказывании делается утверждение, второе является комментарием или иллюстрацией к первому. Учитывая сложность толкования данной фразы, можно сохранить неоднозначность текста. Именно так поступает в своем переводе А.С. Десницкий: «А Ниневия была у Бога огромным городом, на три дня ходьбы!». Слово *גְּדוֹלָהּ* переведено не просто как «большой», но «огромный», что указывает на особую степень сравнения; однако сохранена и возможность понимать это выражение как «город, принадлежащий Богу» и даже как «огромный город – с точки зрения Бога».

Конструкция *waw-x-qatal* вводит фоновую информацию, необходимую для понимания предшествующего *wayyiqtol*. Т.е. здесь клауза *וְנִינְוָה הָיְתָה עִיר-גְּדוֹלָהּ* является комментарием. В переводе этот комментарий мы отразили традиционными для белорусского языка средствами, поместив данное высказывание в скобки.

3:4

BHS	<i>וְנִינְוָה הָיְתָה עִיר-גְּדוֹלָהּ יוֹם אֶחָד וַיִּקְרָא וַיֹּאמֶר עוֹד אַרְבָּעִים יוֹם וְנִינְוָה נִהְפָּכֶת:</i>
Бел	Варта было Ёну адзін дзень прайсціся горадам, абвяшчаючы: “Яшчэ сорок дзён і Нінева ўжо не будзе ранейшай” –

⁴³⁴ Ср. «Ниневия была у Бога большим городом» (РБО), «А Ниневия была у Бога огромным городом» (Десн); «Ниневия же была город великий у Бога» (СП). Ср. «Ниневия была огромным городом» (МБО).

⁴³⁵ Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text. P. 67-68.

Иона, наконец, исполняет волю Господа и возвещает ниневитянам послание Божие. Выражение $\text{לָקַח יוֹנָה הַלֵּל}$ можно понять либо как указание на пройденное расстояние⁴³⁶, либо как указание на быстрый ответ горожан на проповедь⁴³⁷. В своем переводе мы выбираем второй вариант. На наш взгляд, автор хочет показать еще раз, сколь быстро понимают знаки Божьи язычники (моряки и ниневитяне), но сколь медлителен и упрям Божий пророк. Здесь мы вновь встречаемся с авторской иронией, противопоставляющей непослушного пророка и язычников, которые сразу же принимают голос Божий.

Причастие לְקַחְתָּהּ (в породе *Niphal*) неоднозначно и может иметь как пассивное, так и возвратное значение⁴³⁸. Если перевести это причастие как пассивное, то это будет означать, что Ниневия будет разрушена, перевернута каким-то внешним действием или силой. Если же перевести это причастие как возвратное, то это будет означать, что город будет перевернут, опрокинут некоей силой внутри него самого, то есть произойдет внутренняя перемена. В породе *Qal* глагол פָּרַח используется для описания разрушения города вследствие суда⁴³⁹. В породе *Niphal* данный глагол используется для обозначения возвращения назад, радикального изменения, которое происходит с человеком, а также в смысле избавления⁴⁴⁰. Иногда в породе *Niphal* этот глагол сохраняет оттенок разрушения породы *Qal*. Таким образом, что грамматическая двусмысленность слова לְקַחְתָּהּ позволяет говорить о том, что Ниневия является как реципиентом, так и агентом действия.

Неоднозначность проповеди Ионы является ключевой для всего повествования и согласуется с иронической тональностью всей книги⁴⁴¹. В 1:2

⁴³⁶ И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день (СП); «И Иона начал ходить по городу, проходя столько, сколько можно было пройти за день» (МБО); «И вот Иона стал ходить по городу, сколько мог пройти за день» (Десн).

⁴³⁷ «Но достаточно было Ионе пройти один лишь день» (РБО).

⁴³⁸ Сэссон отмечает, что в отношении города форма *Niphal* данного глагола употреблена только здесь. *Sasson, J. Jonah*... P. 234-235.

⁴³⁹ Ср. повествование о полном разрушении Содома и Гоморры; Быт 19:21, 25, 29. Подобным же образом глагол используется в книге пророка Аггея 2:21-22, где сказано, что Бог опрокинет престолы и воинства земных царей.

⁴⁴⁰ *Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness*... P. 125. Ср. Исх 14:5; 1 Сам 10:6; Ис 60:5; 63:10; Иер 2:21; 31:13; Пс 66:6. В Ос 11:8 сердце Бога «перевернулось», «изменилось», «повернулось» (СП). Изменение в покаянии, как в случае с молодым Саулом 1 Цар 10:6.

⁴⁴¹ *Trible, Ph. Rhetorical Criticism*... P. 180.

городу была уготована незавидная участь. В 3:2 автор вполне мог использовать глагол ַפֶּן в породе *Qal* – тогда проповедь Ионы можно было бы однозначно понять как весть о приближающемся разрушении. Но, как кажется, повествователь вполне осознанно избирает породу *Niphal*, которая может нести в себе положительные коннотации изменения и покаяния. Что же хотел сказать Иона: предречь разрушение или открыть возможность для покаяния?

Большинство переводов не сохраняют этой двусмысленности проповеди Ионы, предпочитая негативный вариант. Требования нашего переводческого задания делают необходимым передать данную особенность оригинального текста. Как перевести это место?

- Идеальное решение – найти одно слово или фразу в языке перевода, которое бы отражало возможные значения оригинального слова и которое можно было бы употреблять в разных контекстах⁴⁴². Однако чаще всего такой эквивалент недоступен в силу неизбежных семантических различий между языками.
- Иногда возможно несколько усилить язык перевода и использовать слово, которое потенциально инкорпорирует подобный семантический контраст. Такой перевод, сохраняя двусмысленность оригинала, теряет его лаконичность. Например: «Через сорок дней, если Ниневия не покается, то Бог разрушит город»!
- Можно использовать две различные лексические единицы: одно слово использовать непосредственно в тексте перевода, а другое слово - в примечании⁴⁴³.

Мы выбираем второй вариант, стремясь сохранить двусмысленность оригинала.

4.5.3.4. Сцена 4 (3:5-9)

3:5

⁴⁴²Wendland, E.R. Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them. P. 325.

⁴⁴³Ibid. P. 326.

BHS	וַיֵּאמְרוּ אֲנֹשֵׁי נִינְוָה בְּאַלְהֵיִם וַיִּקְרְאוּ-צוֹם וַיִּלְבְּשׁוּ שָׂקִים מִגְדוּלָם וְעַד-קִטְטָם
Бел	як ніневійцы, паверыўшы Богу, ад мала да вяліка, на знак пакаяння абвясцілі пост і апрануліся ў зрэб’е.

Данный стих является кратким вводным описанием того, о чем подробнее повествуется в 3:6-9. Это пример известной древнееврейской повествовательной техники перехода от панорамного повествования к сценическому.

Глагол נאם с предлогом ב имеет значение «поверить в кого-либо», «верить в кого-либо». Однако в белорусском языке выражение «паверылі ў Бога» подразумевает, что до этого момента жители Ниневии не верили в Бога, то есть были неверующими, атеистами. Безусловно, автор книги Ионы говорил об ином: после проповеди Ионы горожане поверили словам пророка, той вести, которую он принес от Яхве и подобающим образом отреагировали на них. Поэтому лучше перевести данное выражение «паверылі Богу». В Ветхом Завете данная фраза употребляется в отношении Израиля, народа Божьего.

Пост и вретище (קט – одежда грубой выработки, которая изготавливалась, как правило, из козьей шерсти) в культуре оригинала были символами покаяния. Возможно, не все современные читатели могут понять данное символическое значение, а потому данную имплицитную культурную информацию необходимо эксплицировать. Причем, в соответствии с инструкциями, надо попытаться сделать это в тексте перевода. По этой причине мы вставляем в текст фразу «на знак пакаяння».

Фраза וְעַד-קִטְטָם מִגְדוּלָם является меризмом и относится ко всему населению, к мужчинам и женщинам, старым и молодым, богатым и бедным.

3:6

BHS	וַיֵּגַע הַדָּבָר אֶל-מֶלֶךְ נִינְוָה וַיִּקָּם מִכִּסְאוֹ וַיַּעֲבֵר אֶדְרָתוֹ מֵעֲלָיו וַיִּכֶס שָׂק וַיֵּשֶׁב עַל-הָאָפֶר:
Бел	Калі гэта данеслася да ўладара Ніневы, ён ўстаў з пасаду, скінуў з сябе шаты, пакрыўся зрэб’ем і сеў у попеле.

Царь Ниневии осуществляет те же действия, что и его подданные: снимает с себя знаки царского отличия, одевается во вретище и садится в пепел – т.е. показывает знаки смирения и покаяния.

Поскольку הַדְּבָרִים может быть понято и как «слово», и как «событие», то в контексте этого стиха оно может иметь три значения: 1) проповедь Ионы; 2) слово Божие, которое в данной книге обычно выглядит как דְּבַר־יְהוָה; 3) события, которые происходили в городе в результате проповеди Ионы. Экзегеты не отдают предпочтения ни одному из вариантов. Если бы автор говорил о проповеди Ионы, то мог бы употребить הַקְּרִיאָה как в 3:2. Видимо, автор намеренно использует такое неоднозначное слово. Но как передать эту потенциальную неоднозначность в переводе? Мы решили сохранить ее, переведя как «Калі гэта данеслася...».

Слово «шаты» в белорусском языке обозначает одежду, которую одевают в торжественных случаях и примерно соответствует русскому «облачение». Этот термин более соответствует той одежде, которую носил царь Ниневии, нежели более обычные «вопратка», «адзенне».

3:7

BHS	וַיִּזְעַק וַיֹּאמֶר בְּגִינֹה מִטַּעַם הַמֶּלֶךְ וַגְדֵלְיוֹ לֵאמֹר הָאֲדָם וְהַבְּהֵמָה הַבְּקָר וְהַצִּיָּאן אֶל־יְטַעְמוּ מֵאוֹמָה אֶל־יָרְעוּ וּמִים אֶל־שִׁתּוֹ:
Бел	Затым ён абвясціў наступнае: “Ніневе. Так пастанавіў уладар і вяльможы яго: Людзі і жывёлы (буйныя і дробныя) – хай нічога не ядуць, не пасвяцца і вады ня п’юць!

В данном стихе мы встречаемся с началом царского эдикта, который продолжается в последующих двух стихах. Поскольку первые семь слов 3:7 содержат две глагольные формы (וַיֹּאמֶר и לֵאמֹר), которые обычно вводят цитаты, то у экзегетов и переводчиков не существует согласия относительно того, где начинается собственно царское постановление. Сэссон предлагает вводить прямую речь после глагола וַיֹּאמֶר и тогда Ниневия становится первым адресатом

царского указа⁴⁴⁴. Впрочем, такое прочтение не является единственно возможным и каждый из экзегетов вправе выбирать тот вариант, который кажется ему наилучшим⁴⁴⁵. В своем переводе мы принимаем решение Сэссона.

Слово **דָּבַר** имеет значения «вкус, суд, рассуждение». Большинство переводов придают этому термину незафиксированное для него в Писании значение «декрет», «указ»⁴⁴⁶. В данном контексте более уместным кажется слово, которое будет отражать момент совещания, рассуждения царя и его вельмож, но которое бы при этом несло юридические коннотации. Запреты на совершение определенных действий, содержащиеся в декрете, являются знаками покаяния, обозначающими готовность изменить намерения и обратиться от своих злых дел.

Чтобы текст был понят как юридический документ, мы употребляем глагол «пастанавіць», который используется в белорусском языке в юриспруденции. Для создания дополнительных юридических коннотаций запреты расположены в виде списка.

3:8

BHS	וַיִּתְפְּסוּ שְׂקִים הָאֲדָמִים וְהַבְּהֵמָה וַיִּקְרְאוּ אֶל-אֱלֹהֵיהֶם בְּחִזְקָה וַיִּשְׁבוּ אֵישׁ מִדַּרְכּוֹ הַרְעָה וּמִן-הַחֲמָס אֲשֶׁר בְּכַפֵּיהֶם:
Бел	Людзі і жывёлы павінны накрыцца зрэб'ем і штосілы клікаць да Бога! Сыдзіце з дарогі зла! Пакіньце гвалт, які вы чыніце!

Глагол **שׁוּב** и существительное **חֲמָס** имеют богословское значение и обозначают отказ от прежнего образа жизни. В ст. 3:8 наконец-то раскрывается содержание того зла, которое и должен был обличить Иона: слово **חֲמָס** относится к физическому насилию, жестокости, притеснениям, царящим в

⁴⁴⁴Sasson, J. *Jonah*...P. 253-254.

⁴⁴⁵ Такер на основании расстановки акцентуальных знаков в МТ делает вывод, что **בְּיִנְיָהּ** относится к первой кватативной формуле, указывая тем самым пространство, в котором делается возвешение указа царя. Атнах под **לְאִמָּר** указывает на то, что первая часть стиха является введением в цитате, в то время как вторая часть стиха – собственно цитата. Тот же исследователь ссылается на исследование Миллера, который показал, что в репрезентации речи, там, где появляется два метапрагматических глагола первый – **אָמַר** и **לְאִמָּר** – цитата начинается с **לְאִמָּר** (Tucker, W. *Jonah: a handbook on the Hebrew text*. P. 75). Ср. также Быт 39:14-15; Исх 15:1; Числ 30:3-5; Ис Нав 9:22-23; Суд 16:18; 21:10-11.

⁴⁴⁶Sasson, J. *Jonah*...P. 253-254ю

городе. Таким образом, греховная деятельность ниневитян является не внешней агрессией, а внутренней проблемой жителей города. Ряд предписаний 3:8 переданы в переводе в виде императивов второго лица множественного числа, что усиливает апеллятивное значение текста.

3:9

BHS	מִי־יִדְעַע יָשׁוּב וְנִחַם הָאֱלֹהִים וְשָׁב מִחֲרוֹן אַפּוֹ וְלֹא נֹאכַד:
Бел	Ці ведае хто: можа Бог пераменіць сваё рашэнне? Можа ён злітуецца над намі, адмовіцца ад свайго гневу і мы не загінем?”

Вопрос царя напоминает подобный вопрос кормчего корабля в 1:6. Выражение *מִי־יִדְעַע* часто встречается в текстах, говорящих о «раскаянии» Господа, вслед за которым часто следует акт разрушения. Поэтому ответ, который ветхозаветные тексты дают на вопрос царя, очевиден: раскаяние Господа, если оно и произойдет, не является гарантией того, что ниневитяне смогут избежать наказания. Этот ответ усиливается выбором города, который в древности был знаменит постигшим его разрушением. Таким образом, автор использует библейские и небиблейские традиции, которые подчеркивали суверенную волю Бога.

4:5.3.5. Сцена 5 (3:10)

BHS	וַיֵּרָא הָאֱלֹהִים אֶת־מַעֲשֵׂיהֶם כִּי־שָׁבוּ מִדְרָכָם הָרַעָה וַיִּנְחַם הָאֱלֹהִים עַל־הָרַעָה אֲשֶׁר־דָּבַר לַעֲשׂוֹת־לָהֶם וְלֹא עָשָׂה:
Бел	Убачыўшы з учынкаў ніневійцаў, што сышлі яны з дарогі зла, Бог жжаліўся і не пакараў іх, як абяцаў раней.

Слова царя достигли своей цели: жители Ниневии покались. Бог, увидев произошедшее изменение, решил в данный момент не наказывать жителей города.

4.5.4. Эпизод IV (4:1-11)

Главными действующими лицами четвертого эпизода вновь становятся Господь и Иона. Эпизод можно разделить на две сцены: 4:1-4 и 4:5-11. В 4:1-4 мы видим молитву Ионы, а в 4:5-11 - богословский диалог между Господом и пророком. Основная коммуникативная функция первой сцены, в которой Иона выражает свое разочарование случившимся с Ниневией - экспрессивная. Во второй сцене Господь взывает к пророку, стремясь изменить его поведение, восприятие мира и образ мыслей, что соответствует аппелятивной функции⁴⁴⁷.

Как отмечает Болин, композиционные особенности диалога между Господом и пророком показывают, что книга Ионы является тщательно продуманным произведением, которому присуща стилистическая изящность⁴⁴⁸.

Схематически данный диалог можно представить следующим образом:

- Иона (стт. 2-3): 39 слов;
- Господь (ст. 4): 3 слова;
- Иона (ст. 8): 3 слова;
- Господь (ст. 9): 5 слов;
- Иона (ст. 9): 5 слов;
- Господь (стт. 10-11): 39 слов.

Из данной схемы можно увидеть, что между участниками диалога сохраняется паритет. Каждой из сторон дано одинаковое время и одинаковая возможность для изложения своей аргументации. Такое пристальное внимание к количественной составляющей диспута указывает на то, что автор не отдает однозначной победы ни одному из героев. В итоге проблема так и остается без однозначного решения. Последние реплики Бога в 4:10-11 не следует рассматривать как пример мягкой, но безапелляционной логики, которая вынуждает Иону, неспособного найти новые аргументы, умолкнуть в растерянности. В отличие от книги Иова, в данной книге нет указаний на однозначного победителя диспута.

⁴⁴⁷Chemorion, D. Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaot... P. 16.

⁴⁴⁸Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness... P. 149.

4.5.4.1. Сцена 1 (4:1-4)

4:1

BHS	וַיִּרַע אֶל־יִוְנָה רָעָה גְדוֹלָה נִסָּחַר לּוֹ:
Бел	Ёну ж грызла згрызота вялікая, усё палала ўнутры яго:

В данном стихе мы встречаемся с двумя безличными глаголами וַיִּרַע и נִסָּחַר, которые выражают чувства пророка. В первой части стиха мы видим реакцию Ионы, а во второй части – эффект. Глагол רָעָה и существительное רָעָה создают игру слов и перекликаются с эпизодом 3:8-10. Бог, увидев, что ниневитяне покаются в своем нравственном зле (רָעָה), сжалился над ними и не наслал на них беду (רָעָה). Для Ионы же все это было также רָעָה. Глагол קָרָה («гореть, пламенеть») употреблен метафорически и говорит о гневе Ионы (в 3:9 это слово относится к קָרוֹן). Таким образом, автор противопоставляет реакцию Бога и реакцию Ионы: в то время как Бог «охладевает» в своем гневе, Иона, наоборот, «возгорается» им.

Что именно привело Иону в такое состояние? Что является референтом глаголов וַיִּרַע и נִסָּחַר? Трайбл указывает пять возможных интерпретаций⁴⁴⁹:

- эти глаголы относятся ко всему, что произошло в 3:5-10;
- эти глаголы относятся к тому, что произошло в 3:10;
- эти глаголы относятся к самому Ионе;
- эти глаголы относятся к двум разным референтам: все, что произошло в 3:5-10 как референт первого глагола, а Иона является субъектом второго глагола;
- эти глаголы относятся к двум разным референтам: произошедшее в 3:10 как референт первого глагола, Иона – референт второго глагола.

Соответственно, могут быть разными и переводы:

- все это [случившееся в Ниневии] раздосадовало Иону и воспламенило его;

⁴⁴⁹Trible, Ph. Rhetorical Criticism P. 197.

- это [покаяние Бога] раздосадовало Иону и воспламенило его;
- Иона был раздосадован и воспылил гневом;
- все случившееся раздосадовало Иону и он воспылил гневом;
- это [покаяние Бога] раздосадовало Иону и он воспылил гневом.

Что же испытывает Иона: гнев, разочарование, досаду, возмущение, печаль? Что касается первой части стиха, то выражение $\text{נָרַע אֶל־יֹנָה רָעָה}$ мы решили передать как «грызла Ёну згрызота вялікая». Такой перевод мы позаимствовали у кс. Чернявского, который на наш взгляд удачно передает игру слов נָרַע и רָעָה . Кроме того, выражение «грызла згрызота» отражает то чувство досады, которое изнутри мучило пророка. От перевода глагола רָעָה будет зависеть тот образ пророка, который создается у читателя при чтении книги. Большинство переводов говорят о гневе Ионы, который в таком случае воспринимается как человек ограниченный, жесткий и националистически настроенный человек. Однако глагол רָעָה (в *Qal*) относится не только к гневу, но и к очень сильным, «горячим» чувствам, которые испытывает человек. Сэссон считает, что в данном стихе глагол скорее выражает досаду, печаль пророка, а не его гнев⁴⁵⁰. Мы решили отказаться от указания на конкретное чувство, которое испытывал Иона и перевели לִּוְיֹנָה как «усё палала ўнутры яго», сохранив безличную конструкцию.

Таким образом, причина внутреннего состояния пророка не уточняется в переводе. Безличная конструкция в 4:1а переведена активной (субъектом действия становится «згрызота»), а такая же конструкция в 4:1б сохранена.

4:2

BHS	וַיִּתְפַּלֵּל אֶל־יְהוָה וַיֹּאמֶר אֱנִי הִנֵּה הָלֹא־נָה דָבָרִי עַד־הַיּוֹתֵי עַל־אֲדָמָתִי עַל־כֵּן קָדַמְתִּי לְבָרֶס תְּרַשִּׁישָׁה כִּי יִדְעָתִי כִּי אַתָּה אֶל־סַנּוֹן וְרַחֲוִים אַרְבָּא אֶפְלִים וְרַב־חֶסֶד וְנָחַם עַל־הָרָעָה:
Бел	-О, Госпадзе! Хіба ж я не пра гэта казаў, як быў яшчэ на сваёй радзіме? Менавіта таму я і вырашыў уцячы ў Таршыш! Я ж ведаў, што

⁴⁵⁰Sasson, J. Jonah...P. 274, такжеBolin, T. Freedom Beyond Forgiveness... P. 150.

	ты – Бог літасцівы і спагадлівы, цярплівы і багаты на міласць, і не жадаеш людзям зла!
--	--

Иона наконец объясняет причину своего изначального нежелания идти в Ниневию: ведь он с самого начала знал, что Бог помилует ассирийскую столицу. При этом, обосновывая свою позицию, пророк использует известную вероисповедную формулу⁴⁵¹: אֱתָהּ אֶל-חַנּוּן וְרַחוּם אֲרֹךְ אַפַּיִם וְרַב-חֶסֶד וְנֶחֱם עַל-הָרָעָה. Автор создает намеренную интертекстуальную связь с другими библейскими текстами, прежде всего с Иоил 2:14 (ср. также Пс. 86:5,15; Исх 34:6-7; Втор 4:31; Неем 9:17). Сэссон считает, что не следует переводить данную фразу как цитату, аргументируя свою позицию тем, что союз וְ не вводит цитаты. Впрочем, в нашем переводе можно сохранить возможные интертекстуальные связи, выделив данные слова курсивом.

Слова Ионы начинаются с הָלוֹא, что указывает на риторический характер вопроса. Кроме того, каждая новая часть его речи (4:2-3) начинается с частиц (הֲאֵנָה, הֲלֹא, וְעַתָּה, הֲלוֹא, עַל-כֵּן, כִּי, אֵן, כִּי), которые упорядочивают структуру текста, расставляют акценты и усиливают эмоциональность высказывания. В данном стихе мы также видим целую серию слов, которые заканчиваются на слог הִי (הֲיִוִּתִי, הֲדַמְתִּי, אֲדַמְתִּי, הֲיִוִּתִי). Как полагает Сэссон, автор намеренно использует рифму, показывая стремление Ионы оправдать свои действия⁴⁵².

4:3

BHS	וְעַתָּה יְהוָה קח-חַגָּא אֶת-נַפְשִׁי מִמָּנִי כִּי טוֹב מוֹתִי מִחַיִּי:
Бел	Дык вось, Госпадзе! Лепей забі мяне! Ужо лепш памру – навошта мне жыць!

Как отмечает Сэссон⁴⁵³, начальное слово этого стиха וְעַתָּה указывает на безотлагательность просьбы Ионы и предполагает, что время для дискуссии истекло и остается лишь исполнить просимое. Просьба пророка очень похожа

⁴⁵¹ Ср. также Исх 34:6-7; Числ 14:18; Втор 4:31; Наум 1:3; Пс 86:5, 15; 103:8; 111:4; 112:4; Неем 9:17, 31; 2 Пар 30:9

⁴⁵² Sasson, J. *Jonah*...P. 277.

⁴⁵³ Ibid. P. 283.

на просьбу, высказанную Илией в 3 Цар 19:2-4. Только если причиной досады Илии является неудачность его проповеди, то Иона наоборот, желает умереть именно потому, что его краткая проповедь имела такой огромный успех среди язычников. Он использует древнюю покаянную формулу, но в его устах она приобретает иронический оттенок: Иона манипулирует богословием покаяния для своего оправдания⁴⁵⁴. Столь же иронично звучал из его уст благодарственный псалом. И в том, и в другом случае слова пророка звучат диссонансом с окружающим контекстом, зато псалом в гл. 2 и молитва в гл. 4 дополняют друг друга и рисуют портрет самодовольного человека, в центре которого стоит он сам. В своем переводе мы делим предложение на несколько коротких восклицаний, предающих эмоциональность речи Ионы и его разочарование.

4:4

BHS	וַיֹּאמֶר יְהוָה הֲהֵיטֵב תָּרָה לְךָ:
Бел	Госпад спытаў: - Няўжо ў цябе сапраўды так усё палае ўнутры?

Вопрос Господа относится к тому, насколько силен гнев Ионы, насколько глубоки его эмоции⁴⁵⁵. Инфинитив הֵיטֵב утратил свое первоначальное лексическое значение и функционирует адвербиально, указывая степень того чувства, которое испытывает пророк⁴⁵⁶. В переводе мы используем глагол «палаць» (рус. «пылать»), высокую степень эмоционального переживания Ионы. Частица «так» усиливает данное значение, указывая на глубину досады пророка. Благодаря такому переводу передает напряженности и даже гиперболизация всего происходящего, что и является задачей переводчика проекта НББ.

⁴⁵⁴ Ср. также Иер 20:14-18; Иов 6:9-14; 1 Цар 19:2-4; Исх 32:32; Числ 11:10-15.

⁴⁵⁵ *Sasson, J. Jonah...* P. 287. См. также *Kim, Y. The function of הֵיטֵב in Jonah 4 and Its Translation / Y. Kim // Biblica. – 2009. – Vol. 90. – P. 389-393.*

⁴⁵⁶ *Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness...* P. 151-152; *Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text.* P. 91. Ср. Втор 9:21; 13:15; 17:4; 19:18; 27:8; 1 Сам 16:17; 2 Цар 11:18; Притч 15:2; Ис 23:16; Иер 1:12; Иезек 33:32; Мих 7:3.

4.5.4.2. Сцена (4:5-6)

4:5

BHS	וַיֵּצֵא יוֹנָה מִן־הָעִיר וַיֵּשֶׁב מִקְדָּם לְעִיר וַיַּעַשׂ לּוֹ שֵׁם סֹפָה וַיֵּשֶׁב תְּחִלָּתָהּ בְּצֶלַע עֵד אֲשֶׁר־רָאָה מִה־יְהִיָּהּ בְּעִיר:
Бел	...Ёна выйшаў з гораду і сеў на ўсход ад яго. Зрабіўшы сабе шалаш, ён усеўся пад ім у ценю, чакаючы таго, што ж будзе адбывацца ўнутры горада.

Где был Иона вплоть до этого момента? Находился ли он все время в Ниневии? Был ли он свидетелем покаяния жителей города? Если да, что же он ожидал увидеть в 4:5? Такого рода вопросы приводили экзегетов к мысли, что здесь нарушена логика повествования. Одни исследователи считали 4:5 позднейшей вставкой, другие, пытаясь восстановить хронологию, ставили его сразу после 3:4. Трайбл считает такое необычное расположение стиха особенностями авторской стилистики – использованием техники «отложенной информации» (как в 1:10 и 4:2)⁴⁵⁷. По мнению Такера, *wayyiqtol* וַיֵּצֵא начинает новый раздел в повествовании⁴⁵⁸. В своем переводе мы следуем последней интерпретации.

Трехкратное употребление слова «город» (с тремя разными предлогами) в рамках одного стиха показывает, что все мысли Ионы сосредоточены на Ниневии. Чтобы избежать столь частого повторения данного слова в переводе, мы заменили первое слово «город» на «Ниневия».

Термин סֹפָה обычно относится к любому временному укрытию. Мы не знаем, из чего и как было сделано это укрытие, но из рассказа можно предположить, что сооружение могло быть сделано достаточно легко из подручного материала. Мы передаем это слово как «шалаш».

4:6

⁴⁵⁷Trible, Ph. Rhetorical Criticism. P. 206.

⁴⁵⁸Tucker, W. Jonah: a handbook on the Hebrew text. P. 92.

BHS	וַיִּמְן יְהוָה-אֱלֹהִים קִיקְיֹון נִעְעַל מֵעַל לַיּוֹנָה לְהַנּוֹת צַלְע־רֹאשׁוֹ לְהַצִּיל לוֹ מִרְעָתוֹ וַיִּשְׁמַח יוֹנָה עַל־הַקִּיקְיֹון שְׂמִחָה גְדוֹלָה:
Бел	Каб Ёну не было так балюча, Госпад Бог насадзіў расліну кікаён, якая вырасла і давала прароку ратавальны цень. Як жа усцешыўся Ёна!

Чтобы преподать Ионе урок, Бог использует растение קִיקְיֹון. При этом используется тот же самый глагол מנה, что и в повествовании о рыбе (2:1). Растение и рыба выполняют одинаковую функцию: убересть пророка от опасностей природы (палящих солнечных лучей и бушующего моря соответственно). Суффикс ין в слове קִיקְיֹון придает ему уменьшительный оттенок⁴⁵⁹. Скорость, с которой растеньице достигает таких размеров, что в его тени может укрыться человек, показывает, как и многие другие элементы, гиперболический эффект, говорит о нереальности происходящего.

Какое именно растение имеется в виду до сих пор остается экзегетической проблемой. Слово קִיקְיֹון является *hapaxlegomenon* в Ветхом Завете⁴⁶⁰. Споры о названии растения велись издавна, и точная его идентификация была проблематичной уже в древности. Иероним переводил название как *hedera* (плющ), отступая от традиции Септуагинты, в которой растение определяется как *κολόκυνθα* (тыква). Многие переводы пытаются соотнести его с одним из известных растений: клещевина, виноградная лоза, тыква. В некоторых случаях переводчики передают этот термин общим словом «растение», «деревце» (Десн.). Мы решили не переводить это слово, а транслитерировать его. С одной стороны, такое решение избавляет нас от необходимости отождествлять упомянутое растение с известными нам. Во-вторых, благодаря этому создается эффект «отчужденности», к которому мы и стремимся. Транслитерация «кікаён» привлекает внимание читателя и напоминает ему о том, что текст принадлежит к той культуре, о которой мы знаем не так уж и много. Такой перевод также помогает достичь определенного

⁴⁵⁹ IBHS 5.7.6

⁴⁶⁰ Подробно о том, как решалась эта экзегетическая проблема см. *Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness...* P. 154-156.

созвучия в именах пророка (Ёна) и растения (кікаён), что создает дополнительный художественный эффект.

Инфинитив породы *Hiphil*ִּלְפָּנָיו является элементом богословского лексикона и относится к спасительным действиям Бога, избавляющего людей от врагов, вины и смерти. Поскольку неодушевленные предметы не могут управлять данным глаголом⁴⁶¹, то субъектом «избавления» является сам Бог. Естественным выглядит следующий вопрос: от чего же Бог избавляет Иону? Для чего Господь использует растение, если у Ионы и так было укрытие, сделанное собственными руками? Желает ли Бог избавить его от непосредственной беды – жары? Или же он желает его избавить тех боли, которую ему причинили все предшествующие события? Тогда Бог всего лишь использует растение как средство преподавания урока. Что является референтом הַצֶּמַח в данном стихе? Следует ли его понимать ситуационно и тогда הַצֶּמַח указывает на палящие лучи солнца, от которых и скрывается Иона в тени קִיקִיּוֹן? Или הַצֶּמַח указывает на причину боли, раздражавшей сердце пророка в 4:1? А может в данном случае автор намеренно создает многозначность и тогда данное существительное может относиться к обоим референтам? РБО переводит самым общим словом «беда», предоставляя читателю самому догадаться, о какой беде идет речь. МБО предлагает более конкретный перевод «раздражение», который отсылает к 4:1; впрочем, раздражение отчасти может быть вызвано и горячим солнцем. Десн. переводит это слово как «злость»; причина злости также остается невыясненной. Юнц прямо указывает причину состояния Ионы в данном стихе – «лучи палящего солнца». Апт переводит как «недовольство», причины которого также могут быть разными. В своем переводе мы пытаемся сохранить указанную многозначность: в начале предложения речь идет о «боли», которую испытывает Иона (отсылка к предыдущим стихам), а далее также говорим о непосредственной функции растения – защита пророка от палящего солнца.

⁴⁶¹ *Sasson, J. Jonah...P. 292.*

Переводы Десницкого и Сэссона выносят вперед причину, по которой Бог посылает растение для избавления Ионы. Такое переструктурирование позволяет предложению звучать более естественно в языке перевода. С этой же целью мы также делаем в своем переводе определенное перераспределение материала.

Появление растения вызывает у Ионы особую радость, что в еврейском тексте выражается при помощи *figuraetymologica* (הַשְׂמֵחָה גְּדוּלְהַנְּשִׂימָה). В переводах эту высшую степень радости обычно передают при помощи наречия: «очень обрадовался» (МБО, Десн), «обрадовался донельзя» (Апт) (однако, СП и РБО не отражают данной особенности). Мы переводим данный элемент оригинального текста при помощи эмфатических частиц: «як жа...!», что намного лучше передают чувство, охватившее пророка.

4.5.4.3. Сцена 3 (4:7-8)

4:7

BHS	וַיִּמְן הָאֱלֹהִים תּוֹלַעַת בְּעֵלּוֹת הַשָּׂחַר לְמַחֲרַת וַתֵּד אֶת־הַקִּיקְיוֹן וַיִּבֹשׁ:
Бел	Наступнага дня, калі ледзве займаўся золак, Бог паслаў чарвяка, каб той знішчыў кікаён. І той зрабіў сваю справу – напаў на расліну і яна засохла.

Повествователь, описывая действия червяка, использует глагол נכח, который имеет широкий спектр значений: «атаковать», «ударять», «уничтожать», «поражать», «завоевывать», «покорять», «убивать». Этот же глагол в 4:8 будет употреблен в отношении солнца.

В белорусском языке обстоятельства времени, в принципе, могут находиться на любом месте в предложении. Однако чаще всего указание на время действия находится в начале предложения. Это побуждает нас клаузу *הַשָּׂחַר לְמַחֲרַת* перенести в начало данного стиха.

4:8

BHS	וַיְהִי כַּזָּרְחַם הַשֶּׁמֶשׁ וַיִּמְן אֱלֹהִים רוּחַ קָדִים קָרִישִׁית וַתֵּךְ הַשֶּׁמֶשׁ עַל־רֹאשׁ יוֹנָה וַיִּתְעַלֶּף וַיִּשָּׂא אֶת־נַפְשׁוֹ לְמוֹת וַיֵּאמֶר טוֹב מוֹתִי מִחַיִּי:
Бел	Калі ж пачало ўзыходзіць сонца, Бог наслаў гарачы гвалтоўны вецер. Распаленае свяціла вісела над галавой Ёны. Амаль знепрытомнеўшы, ён думаў толькі пра адно: “ужо лепш памерці, чым жыць...”.

Помимо червя, уничтожившего растение, Бог насыляет мощный ветер и палящее солнце: первый опрокидывает шалаш Ионы⁴⁶², от солнца же он получает солнечный удар (נכה).

Слово קָרִישִׁית единственный раз во всем Ветхом Завете встречается именно в этом месте. Скорее всего, оно обозначает сухой, знойный ветер. Экзегеты и переводчики предлагали разные варианты перевода: восточный, душный, горячий, разрушающий. Септуагинта предлагает вариант *πνεύματι καύσωνος συκαίουντι*: «ветер опаляющий, обжигающий». Сэссон предполагает, что автор мог выбрать данное слово в том числе благодаря наличию согласных κ и ψ , которые создают эффект ономотопеи, подражая звукам движения ветра⁴⁶³. Ветер должен был опрокинуть шалаш, в котором был Иона, тем самым оставив его без всякого укрытия. Для того, чтобы передать данный смысловой нюанс, мы к ставшему уже традиционным переводу «иссушающий», добавляем также слово «гвалтоўны», которое описывает силу ветра. Таким образом, в нашем переводе передается два потенциальных аспекта значения: как сила ветра, так и то, что он был горячим, засушливым, что усиливало страдания Ионы.

Глагол וַיִּתְעַלֶּף лучше всего понимать как следствие действий ветра и солнца, что по-белорусски лучше всего передается глаголом «знепрытомнець».

При переводе надо попытаться передать ощущение томного дневного солнца; все вокруг как будто застыло без движения и буквально расплавляется

⁴⁶² Сэссон приводит мнение иудейского экзегета XI в. Иосифа Кара, который считал, что ветер должен был опрокинуть הַזָּרְחַם – в таком случае у Ионы не остается совершенно никакого укрытия, которое бы смогло уберечь его от лучей палящего солнца (Sasson, J. Jonah...P. 304).

⁴⁶³ Sasson, J. Jonah...P.303-304.

от жары. Иона остался без какого-либо укрытия: растение уничтожил червь, шалаш опрокинул и разрушил ветер. Пророк остался один на один с палящим солнцем, которое выжигает все вокруг; воздух становится сухим, дышать практически невозможно; такое ощущение, что солнце буквально давит на голову, бьет по ней (וַתִּבֶּן). Движение минимально. Для того, чтобы передать эту картину, в белорусском переводе мы использовали выражение «распаленае свяціла», которое «навісла над галавой». Заменяя слово «сонца» на «свяціла», мы хотели подчеркнуть безжалостность солнца, его равнодушие по отношению к изнемогающему пророку. Многоточие в конце усиливает впечатление обессиленности Ионы, который едва ворочал языком.

4.5.4.4. Сцена 4 (4:9-10)

4:9

BHS	וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים אֶל־יוֹנָה הֲהֵיטֵב תִּקְרָה לָךְ עַל־הַקִּיקֹן וַיֹּאמֶר הֵיטֵב תִּקְרָה לִי עַד־מָוֶת:
Бел	Тады Бог спытаў яго: - Няўжо табе так балюча праз кікаён? Ёна адказаў: - Калі б Ты толькі ведаў! Я проста паміраю ад болю!

Фраза מָוֶת־עַד является идиоматическим выражением, означающим «в крайней степени», «предельно» и в такой функции она встречается в Ветхом Завете только тут. Таким образом, это выражение, передающее крайнюю напряженность чувств Ионы, следует понимать как гиперболу или как необычную суперлативную конструкцию. Того же самого эффекта в языке перевода можно достичь при помощи фразы «Калі бы толькі ведаў!», которая теряет в данном случае свое семантическое значение и приобретает статус эмоционального высказывания.

Выражение וַיֹּאמֶר הֵיטֵב תִּקְרָה לִי и הֲהֵיטֵב תִּקְרָה לָךְ, которое в 4:1 и 4:4 мы перефразируем как «усё палае ўнутры», в данном стихе передается при помощи выражений «испытывать боль», «помирать от боли». Мы посчитали это возможным, поскольку само выражение может быть передано разными

способами (см. комментарий к 4:1); в данном стихе оно передает не только (и не столько) досаду и раздражение Ионы, сколько ту боль, которую он испытывает от потери растения (душевная) и палящего солнца (физическая).

4:10-11

BHS	<p>וַיֹּאמֶר יְהוָה אֶתָּה חִסֵּף עַל־הַקִּיקָיוֹן אֲשֶׁר לֹא־עָמַלְתָּ בּוֹ וְלֹא גִדַּלְתָּו שָׁבוֹן־לִילָה הָיָה וּבּוֹן־לִילָה אָבָד. וְנֹאֲנִי לֹא אֶחֱוִים עַל־נִינְוָה הָעִיר הַגְּדוֹלָה אֲשֶׁר יִשְׁבֹּהָ הַרְבֵּה מְשֻׁשִׁים־עֶשְׂרֵה רַבּוֹ אֲזִם אֲשֶׁר לֹא־יָדַע בֵּין־יָמֵינוּ לְשִׁמְאֵלוֹ וּבְהִמָּה רָבָה:</p>
Бел	<p>Прамовіў Госпад: - Табе шкада расліны, над якой ты не працаваў і якую не вырошчваў, якая ў адну ноч з’явілася і ў адну ноч загінула? А Я не пашкадую Ніневы! У гэтым вялікім горадзе больш за сто дваццаць тысяч людзей і шмат жывёлы – а ён не можа адрозніць праўды ад крыўды!</p>

Заключительные стихи книги содержат последнюю реплику Господа и являются ключевыми для понимания всего произведения. Автор использует риторический прием, известный как доказательство *a fortiori* (в раввинистической традиции известен как *qalwahomer*): то, что верно относительно меньшего, будет верно и относительно большего. Основная проблема интерпретации данного места заключается в том, является ли 4:11 риторическим вопросом или утверждением? Традиционно данный стих понимается как риторический вопрос, ответ на который известен, но эксплицитно не озвучен и потому читатель приглашается самостоятельно ответить на него. Однако ряд исследователей полагает, что данный стих следует интерпретировать как утвердительное предложение. На возможность такого прочтения указывает, в частности, отсутствие маркеров риторического вопроса (хотя, по замечанию Бен Цви и Йенсона, их наличие не является обязательным условием для понимания высказывания в качестве риторического вопроса). Грамматический, синтаксический и семантический анализ не дает однозначного ответа на указанную проблему и окончательное решение зависит

от прагматических факторов. Это означает, что интерпретация 4:11 зависит от того, как мы понимаем главную тему всего произведения и то, какую функцию выполняла книга в первоначальной коммуникации.

Как уже отмечалось, обычно экзегеты и переводчики воспринимают данное место как риторический вопрос: если Иона так жалеет маленькое растение, то милостивый Бог не может не помиловать огромный город⁴⁶⁴. При переводе используются обычные средства обозначения риторических вопросов⁴⁶⁵ и тогда книга воспринимается как поучение о всеобъемлющей и неограниченной любви Бога к творению.

Однако не все экзегеты согласны с подобной интерпретацией. Так, Бен Цви считает отмечает, что риторические вопросы в сложноорганизованных текстах могут иметь несколько слоев значения и использоваться в том числе и как утверждения⁴⁶⁶. Наличие таких неоднозначных высказываний является обычной характеристикой пророческих книг. По мнению Бен Цви, автор книги Ионы намеренно заложил в текст возможность такого двойного прочтения заключительных стихов. В контексте всей книги 4:11 воспринимается как риторический вопрос, на что указывает логика повествования: Бог объясняет свой отказ разрушить Ниневию покаянием горожан и Своим милосердием. Такое прочтение соответствовало мировоззрению первых читателей книги Ионы, в котором важное место занимали понятия покаяния и ритуала. Однако следует помнить о прагматической функции текста и о том, что в пророческих книгах вопросы, заданные героям книги, на самом деле обращены к аудитории автора. Первые читатели книги Ионы прекрасно знали о том, что Ниневия все же была разрушена. Исходя из этого знания, последний стих прочитывался как утверждение, что было созвучно некоторым богословским концепциям,

⁴⁶⁴См., например *Jenson, P. Obadiah, Jonah, Micah: A theological commentary* / P. Jensen – New York-London: T&T Clark, 2008. P. 90-93; *Sasson, J. Jonah...* P. 307-315; *Simon, U. Jonah...* P. 45-48; *Trible, Ph. Rhetorical Criticism...* P. 215-223.

⁴⁶⁵Ср.: «А Мне-то как не пожалеть» (РБО), «Так Мне лине пожалеть» (МБО), «Так Я ли не пожалею» (Десн), «Так как же мне-то не пожалеть» (Апт).

⁴⁶⁶*Ben Zvi, E. Jonah 4:11 and the Metaphorical Character of the Book of Jonah* / E. Ben Zvi // *The Journal of Hebrew Scriptures*. – 2009. – Vol. 9. – Art. 5. – Mode of access: http://www.jhsonline.org/Articles/article_107.pdf. - Date of access: 22.07.2013. P. 4.

существовавших в дискурсе *literati* (неспособность людей предсказать намерения и действия Господа; несмотря на временную отсрочку, Бог всегда осуществляет Свои намерения). Вопросительное и декларативное прочтения 4:11 соответствуют метапророческому характеру книги, дополняют друг друга и должны рассматриваться вместе. Из сюжета произведения очевидно, что Ниневия помилована, но в исторической перспективе она все же оказалась разрушенной. Таким образом, Бен Цви признает возможность утвердительного прочтения 4:11, но оставляет его за пределами самого текста. В таком случае в тексте перевода следует 4:11 перевести как риторический вопрос, объяснив современному читателю во введении возможность декларативного прочтения.

Ряд экзегетов считает, отстаивают декларативное прочтение последних стихов и что интерпретация Бен Цви является ненужным усложнением. Из современных экзегетов первым такую интерпретацию последнего стиха предложил Алан Купер⁴⁶⁷. По его мнению, вопросительное прочтение основывается на экзегетическом *apriori* и представляет только один из возможных вариантов. Купер считает, что 4:11 следует перевести как утвердительное предложение и в таком случае данный стих может означать следующее: Бог заботиться о Ниневии не больше, чем о растении.

Данное толкование также отстаивается Томасом Болиным и Филиппом Гийомом. Болин утверждает, что в последних стихах Господь призывает Иону не терзаться от потери своего имущества (растения), поскольку пророк ничего не вложил в его появление и рост. Точно так и Господь не будет переживать о гибели города, обитатели которого неспособны к различению между «правой руки от левой»⁴⁶⁸. Автор книги преподает читателю ряд наставлений: все тварное хрупко и временно, а божественная власть больше, чем все человеческие представления о справедливости или логике⁴⁶⁹.

⁴⁶⁷Cooper, A. In Praise of Divine Caprice: the Significance of the Book of Jonah / A. Cooper // Among the Prophets: Language, Image and Structure in the Prophetic Writings / Ed. by Ph. Davies and D. Clines. – Sheffield: Sheffield Academic Press, 1993. – P. 144-163

⁴⁶⁸Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness... P. 159-164. См. также Bolin, T. "Should I Not Also Pity Nineveh?" Divine Freedom in the Book of Jonah / T. Bolin // Journal for the Study of the Old Testament. – 1995. - Vol. 67. P. 109–20.

⁴⁶⁹Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness... P. 177.

По мнению Ф. Гийома⁴⁷⁰, цель книги Ионы - перевернуть ожидания аудитории, призвать к размышлениям, а потому частью авторской стратегии было создание книги с «открытым концом». Лучше всего указанный эффект достигается благодаря утверждению. Все предшествующее повествование вело читателя (и самого Иону) к представлению о том, что Бог «милостивый и многомилостивый, благой и милосердный, и сожалеет о бедствии» (4:2). А потому утверждение о том, что Бог не помилует Ниневию, является достаточно неожиданной развязкой повествования, не соответствующей ожиданиям аудитории и потому ставящей много новых вопросов. Риторический вопрос в конце книги предполагает однозначный утвердительный ответ, в то время как утверждение оставляет возможность «открытого конца», предполагающего новые вопросы и новые ответы (которые, правда, остаются уже за пределами повествования). Свое мнение Ф. Гийом подтверждает отсылкой к древним переводам, в частности к Септуагинте (*ἐνὸς δὲ οὐ φείσομαι ὑπὲρ Νινευῆ*) и Вульгате (*et ego non parcam Nineve*), в которых засвидетельствовано декларативное чтение.

Гийом говорит о том, что книга Ионы – это философское размышление о свободе Бога и детерминизме, действующем в мире⁴⁷¹. Бог владеет всем творением. Природа, моряки, пророк – лишь орудия в руках Бога, которые используются для осуществления неизменных замыслов Господних. Иона был неправ, считая, что милостивый Бог не может разрушить Ниневию. Но никакие человеческие действия неспособны изменить судьбы городов и царств: их падение не зависит от нравственного состояния их жителей и происходит тогда, когда это предназначено Господом. Риторическое прочтение 4:11 является свидетельством «христианской колонизации книги Ионы», когда пророк воспринимался прообразом дарованного Христом прощения⁴⁷².

⁴⁷⁰См. *Guillaume, Ph.* The End of Jonah and the Beginning of Wisdom / Ph. Guillaume // *Biblica*. – 2006. - Vol. 87. – P. 243 – 250; *Guillaume, Ph.* Rhetorical Reading Redundant: A Response to Ehud Ben Zvi / Ph. Guillaume // *The Journal of Hebrew Scriptures*. – 2009. – Vol. 9. – Art. 6. – Mode of access: http://www.jhsonline.org/Articles/article_108.pdf Date of access: 22.07.2013.

⁴⁷¹*Guillaume, Ph.* Rhetorical Reading Redundant... P. 5.

⁴⁷²*Ibid.* P. 9.

В своем переводе мы передаем 4:11 как утверждение. Такая интерпретация создавала эффект дефамилиризации не только у первоначальной аудитории, но и у современных читателей, принадлежащих христианской культуре. Традиционно книга Ионы прочитывается как урок о божественно милости, что более понятно христианам, ибо проповедует о Боге любящем и сострадающем. Однако тема книги – природа пророчества, богословского знания и божественной свободы. Книга Ионы говорит о свободе и непредсказуемости Бога, а также неспособности человека предсказать Его действия.

В связи с этим реинтерпретации подвергаются и все остальные элементы стт. 10-11. Традиционно глагол סוּן переводился как «жалеть», «сожалеть». Такой перевод поддерживает интерпретацию книги как урока о божественном сострадании и милосердии: Иона жалеет растение – Бог жалеет город и его жителей. Однако глагол סוּן имеет более широкий спектр значений: 1) «быть обеспокоенным чем-то», 2) «смотреть с состраданием», 3) «показывать жалость, спасти [к-л. от смерти]»⁴⁷³. Очень часто в Ветхом Завете данный глагол описывает сильные эмоции - горе, печаль, скорбь,- связанные с потерей имущества (Быт 45:20) или смертью членов семьи (Втор 13:9). Иона не столько жалеет растение, сколько обеспокоен утратой его как части своего имущества⁴⁷⁴. Сэссон считает, что в 4:10 и 4:11 глагол следует переводить двумя разными словами. По мнению Болин, סוּן все же следует переводить одним словом, поскольку автор повествования выстраивает свою аргументацию *aminoriadmaius*. Чтобы сравнить две части аргумента, у них должно быть нечто общее и этим общим является глагол סוּן , который, соответственно, и переводить следует одинаково⁴⁷⁵.

Идиоматическое выражение $\text{לֹא־יָדַע בֵּין־יָמֵינוּ לְשִׂמְאוֹלוֹ}$ может относиться как к интеллектуальной слабости ниневитян, так и к их нравственному состоянию. Учитывая сформулированное выше понимания ст. 11, данное

⁴⁷³ HALOT 1:298; BDB 299.

⁴⁷⁴ Bolin, T. Freedom Beyond Forgiveness... P. 160.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 161.

выражение мы понимаем как указание на неспособность жителей Ниневии отличить добро и зло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование было ориентировано на переводческую практику. Поэтому наша цель состояла в том, чтобы показать перспективы использования функционалистского подхода к переводу Библии, разработав методологию создания нового перевода Библии на белорусский язык. При этом было показано, что ключевое значение для разработки методологии имеют прагматическая ситуация переводного текста и герменевтические предпосылки аудитории. Для достижения поставленной цели был проведен анализ теории библейского перевода в историческом контексте, раскрыты основные принципы функционализма и дана оценка перспективы его использования в качестве основного подхода в области библейского перевода, а также продемонстрирована практическая реализация принципов теории скопоса при создании нового перевода книги Ионы на белорусский язык.

В **первой главе** была рассмотрена история теории библейского перевода в контексте развития общей теории перевода, начиная от первых римских теоретиков перевода до настоящего момента. Мы отметили, что вплоть до середины XX в. отсутствовало систематическое изучение природы и принципов перевода. Переводоведение как самостоятельная дисциплина появляется лишь в 1970-е гг. и сегодня признана в качестве полноценной академической дисциплины, имеющей свой особый предмет исследования – перевод как вид человеческой деятельности. Основное внимание исследователей сосредоточено на социальных, культурных, идеологических и коммуникативных аспектах перевода, на отношениях переводческой деятельности и социокультурных факторов. Переводоведение имеет междисциплинарный характер и находится на пересечении лингвистики, антропологии, социологии, психологии, теории коммуникации, сравнительного литературоведения, культурологии и др. Одним из разделов переводоведения является теория библейского перевода, поэтому переводчики библейских текстов могут использовать в своей работе все достижения современного переводоведения.

На протяжении столетий дискуссии о переводе Библии велись в основном в рамках дихотомии, заложенной Цицероном («вольный» или «буквальный» перевод). С 1950-х гг. и вплоть до 1990-х гг. в теории перевода доминировали лингвистические подходы, которые представляли перевод как лингвистический процесс. В области теории библейского перевода этот период можно назвать эпохой Ю. Найды и его теории динамической/функциональной эквивалентности, которая по-прежнему занимает важное место в работе современных переводческих организаций. С конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. происходит постепенный переход от нормативных моделей к дескриптивным. Этот процесс был связан с прагматическим поворотом в лингвистике, разрушением барьеров между отдельными областями знания и установлением междисциплинарных связей между гуманитарными науками. В этот период также происходит формирование теории перевода в качестве самостоятельной дисциплины. Формирование переводоведения как самостоятельной дисциплины в этот период совпало с т.н. «культурным поворотом» в гуманитарных и социальных науках, который проявился в инкорпорировании социокультурной проблематики, возросшем интересе к истории и контексту различных явлений культуры. В теории перевода культурный поворот означал смещение интереса исследователей от лингвистических подходов (в центре которых стояло понятие эквивалентности) к тем, которые делают акцент на внетекстуальных факторах перевода и межкультурном взаимодействии. Перевод начинает рассматриваться как результат сложного взаимодействия, которое происходит в коммуникативном, социокультурном контексте. Культурный поворот в переводоведении привел к появлению ряда новых теоретических подходов, которые, развиваясь независимо, имели много общего: дескриптивная теория перевода, теория релевантности, функционалистский подход.

Во **второй главе** были подробно проанализированы основные принципы функционалистского подхода к переводу (теория скопоса). Представители данного теоретического направления рассматривают перевод как акт

межкультурной коммуникации и утверждают, что лингвистические характеристики переводного текста определяются не особенностями оригинального текста, а той целью, которую перевод выполняет в коммуникативной ситуации. Особое внимание уделяется контекстуальным факторам коммуникации и особенностям того мира, в котором возникает, существует и интерпретируется текст. Поскольку функция (цель, скопос) перевода является определяющим фактором всего переводческого процесса, то методология его создания также зависит от особенностей конкретной коммуникативной ситуации. Адекватным будет признан тот переводной текст, который соответствует коммуникативной цели, определенной в переводческом задании.

Произошедшая в переводоведении «смена парадигмы» не оказала сильного влияния на теорию и практику библейского перевода. По-прежнему во многих переводческих организациях господствует теория функционального эквивалента Ю. Найды, а многие переводчики библейских текстов продолжают работать в рамках прежних представлений о «буквальном» и «вольном» переводах. Причем в традиционной церковной среде преимущество отдается чаще всего буквальным переводам, которые, по мнению многих, лучше передают значение текста. На наш взгляд, именно функционалистский подход может быть теоретической основой деятельности библейских переводческих групп, открывая новые перспективы для переводчиков Библии:

1. **Ориентация на практику.** В отличие теорий, функционалистский подход возник в академической среде, готовившей будущих переводчиков, и потому ориентировался на реальную *практику* перевода. Основываясь на многолетнем практическом опыте, функционалисты стремились определить условия и средства достижения оптимального перевода.
2. **Признание необходимости разных переводов.** С точки зрения теории скопоса, множественность возможных типов перевода отражает разнообразные нужды целевых аудиторий. Сама практика показывает,

что даже в рамках одной читательской группы могут существовать запросы относительно разных переводов Библии: литургического, филологического, миссионерского и т.д.

3. **Формулирование критериев оценки переводов.** Теория скопоса позволяет более реально, нежели лингвистические подходы, подойти к оценке существующего многообразия переводов. Поскольку не существует универсальных коммуникативных ситуаций, то не существует и универсальных критериев оценки переводного текста. Адекватность перевода оценивается исходя из того, насколько выбранные стратегии помогают достичь поставленной цели и позволяют переводу полноценно функционировать в определенном контексте. Основой для критики переводных текстов являются эксплицитными критерии, установленные переводчиками на основе анализа коммуникативной ситуации. Так, если один перевод утверждает, что он стремится к столь возможно полной передаче лексических особенностей библейского текста, то он должен оцениваться именно с позиции близости к форме оригинала. И наоборот: если переводчики утверждают, что стремились к передаче художественных и стилистических аспектов оригинала, то неоправданной будет выглядеть критика перевода за то, что он формально далек от первоначального текста. Таким образом, вынося суждение о том или ином переводе, всегда следует помнить о его принадлежности определенной системе координат, которая может не совпадать с нашей системой.
4. **Активное участие общины в создании перевода.** Особое значение в переводческом процессе имеет формулирование переводческого задания (концепции перевода), которое задает базовые параметры коммуникативной ситуации. Главная роль при этом отводится инициатору перевода. В случае перевода Библии инициатором может быть религиозная община, которая также будет и адресатом перевода. В таком случае верующие получают возможность контроля над процессом

концептуализации проекта и определения критериев адекватности перевода. Такое активное участие целевой аудитории в переводческом процессе позволяет переводчику лучше понять т.н. субъективные теории (языковые и переводческие) конкретной общины.

5. **Анализ коммуникативной ситуации.** Перед началом собственно переводческой работы переводчику следует проанализировать особенности того социокультурного контекста, в котором будет функционировать переводной текст. Ключевым элементом коммуникативной ситуации является предполагаемая аудитория переводного текста и ее ожидания, ценности, нормы, допущения, опыт, перспективы, когнитивные рамки. Поэтому особое внимание при анализе следует уделить герменевтическим предпосылкам, на которых основывает свое прочтение читатель. Как правило, герменевтические и богословские предпосылки существуют в имплицитной форме, их экспликация позволит переводчику разработать последовательную стратегию создания перевода. К сожалению, этому аспекту переводческой деятельности не всегда уделялось должное внимание создателями библейских переводов. Изучение особенностей аудитории позволяет переводчикам Библии выбрать правильную стратегию перевода. Так, в Православной Церкви первичным контекстом использования Писания является литургический, в котором Библия воспринимается в «иконической» перспективе, что, в свою очередь, предполагает избегание эмоциональной лексики. Особенности коммуникативной ситуации «Новай Беларускай Бібліі» и ожидания аудитории перевода, наоборот, предполагают отражение эмоциональной насыщенности оригинального текста.
6. **Разработка методологии перевода.** Функция переводного текста определяет выбор переводческой методологии: не существует универсальной стратегии перевода библейских текстов, переводчик всегда вынужден выбирать из нескольких возможных способов. Главным

критерием выбора типа перевода («инструментальный» или «документальный») является коммуникативная функция (-ии) переводного текста. Часто переводчики считают, что «документальный» перевод является единственной возможной стратегией перевода Библии. Однако в некоторых случаях документальный перевод не будет считаться адекватным и может потребоваться инструментальный перевод. Даже внутри одной общины могут требоваться самые разные типы переводов для различных коммуникативных целей, для чего потребуется использование разных переводческих стратегий.

7. **Этические требования: принцип лояльности.** Во многом благодаря функционалистскому подходу в переводоведении стали говорить об этике перевода. Введенный К. Норд этический принцип лояльности требует от переводчиков учитывать интересы всех участников переводческой коммуникации. Это означает, что переводчик должен оправдывать ожидания целевой аудитории, не нарушая при этом интенций автора оригинального текста. Теория скопоса позволяет соблюсти баланс интересов всех участников переводческой коммуникации. Сохраняя верность интенциям авторов библейских текстов, переводчики Библии также должны с предельным вниманием отнестись к различным церковным традициям и особенностям восприятия библейского, поскольку иногда необходимо пожертвовать научным аспектом перевода в пользу варианта, более приемлемого в данной аудитории.
8. **Переводческая компетенция.** Благодаря функционализму новый статус приобрели переводчики, которые до того воспринимались лишь в качестве технических работников. Переводчик является одним из важнейших участников переводческой коммуникации, который рассматривается в качестве эксперта в переводческом процессе, владеющего навыками, необходимыми для создания функционального перевода. Функционалистский подход расширяет наши представления о

переводческой компетенции. От переводчика (который воспринимается не как простой передатчик информации, но как создатель нового текста в новой коммуникативной ситуации) требуются знания в области лингвистики, межкультурного взаимодействия, навыки анализа коммуникативной ситуации, определения функциональных элементов, а также владение методологией передачи этих элементов в новой коммуникативной ситуации. Во многих церковных структурах до сих пор существует представление, что переводом Библии может заниматься любой человек, который каким-то образом связан с исследованием библейского текста – это могут быть библеисты, специалисты в области древней филологии, богословы. Но, как правило, все эти люди, будучи профессионалами в своей сфере, могут не обладать необходимыми переводческими компетенциями. С другой стороны, и профессиональный переводчик может не обладать необходимыми знаниями в области библеистики. Именно поэтому переводом Библии должны заниматься переводческие команды, состоящие из специалистов разного профиля: профессиональных переводчиков, библеистов, филологов, культурологов, литераторов.

Для подтверждения нашего основного тезиса о том, что функционалистский подход должен стать основой современного библейского перевода и для того, чтобы показать перспективы использования функционалистского подхода при реализации конкретной переводческой задачи, был предложен новый перевод древнееврейской книги Ионы на белорусский язык. В **третьей главе** мы провели анализ коммуникативной ситуации перевода, на основании которого была разработана детальная концепция нового перевода, а также определен набор инструкций для переводческой команды. Анализ коммуникативной ситуации показал, что нам необходимо создать литературный перевод отчуждающего типа, который бы показывал принадлежность текста иной культуре и раскрывал бы

современному читателю имплицитную культурную информацию оригинала. Также был проведен переводческий анализ оригинального текста, который позволил выделить те аспекты, которые необходимо передать в нашем переводе. В четвертой главе был предложен сопровождающий комментарий к переводу, цель которого - продемонстрировать, как функция перевода и ожидания аудитории влияет на принятие переводческих решений. Основываясь на результатах анализа оригинального текста, мы выделили переводческие проблемы и показали способы их решения в данной коммуникативной ситуации.

Перевод осуществлялся в рамках работы над проектом «Новая беларуская Біблія», участником которого является автор данного диссертационного исследования. Предложенный текст является первым переводом ветхозаветной книги Ионы на белорусский язык, сделанным с древнееврейского языка. Наш вариант переводческой концепции и основанный на ней переводной текст был предложен как одно из возможных направлений, в котором мог бы развиваться новый проект. Мы надеемся, что данное исследование станет вкладом в теорию библейского перевода и поможет при реализации переводческих проектов.

Предложения для дальнейших исследований

Функционалистский подход открывает новые перспективы не только для практики перевода, но также для изучения и оценки уже существующих переводов Библии. Исследований в этой области еще очень мало, здесь можно лишь указать возможные области взаимодействия между теорией перевода и собственно библеистикой. Теория скопоса может помочь исследователям переводов отойти от исследований исключительно лингвистического характера, к исследованию более широкого проблемного поля - к вопросам функции перевода в культуре и обусловленности этим лингвистического выбора. Перспективными могут оказаться исследования идеологии переводчиков, которые определяли их переводческую методологию. Анализировать идеологические аспекты перевода можно, исходя из следующих основных

вопросов: кто переводит, что переводит, с какой целью, для кого и как? Таким образом, изучая функцию перевода в его уникальных культурных и исторических обстоятельствах, мы можем объяснить ту специфическую лингвистическую форму, которая свойственна данному переводу. Очевидно, что новые перспективы открываются и для исследователей древних переводов, таких как Септуагинта, Пешитта, Вульгата. Здесь может открыться поле для встречи и взаимодействия библеистов и теоретиков перевода. Можно сказать, что сколько-нибудь серьезная исследовательская работа в данном направлении еще и не начиналась. Поэтому для библеистов здесь открывается новое широкое поле для исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Переводы Библии

- Апт - перевод книги Ионы С.К. Апта
- Десн - перевод книги Ионы А.С. Десницкого
- МБО - Библия. Перевод Международного библейского общества, 2008.
- РБО - Перевод Российского библейского общества (Современный русский перевод), 2011.
- СП - Синодальный перевод
- LXX - Септуагинта
- NAB - *NewAmericanBible*
- NIV - *New International Version*
- NIVI - *New International Version Inclusive Language Edition*
- NLT - *New Living Translation*
- NRSV - *New Revised Standard Version*
- Sasson - перевод книги Ионы Дж. Сэссона
- TNIV - *Today'sNewInternationalVersion*
- Vulg - Вульгата
- Wilt - перевод книги Ионы Т. Уилта

Иные сокращения

- BDB - Brown, Driver, Briggs. *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament*
- BHS - *Biblia Hebraica Stuttgartensia*
- HALOT - Koehler, Baumgartner, Stamm. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*
- IBHS - Waltke and M. O'Connor. *An Introduction to Biblical Hebrew Syntax*
- MT - *Masoretic Text*
- SIL - *Summer Institute of Linguistics*
- UBS - *United Bible Societies*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аўдзеюк, А.* Спроба ўкладання бібліяграфіі перакладаў Бібліі на беларускую мову / А. Аўдзеюк / Режим доступа: <http://salavejka.blogspot.com/2011/12/blog-post.html>. - Дата доступа: 21.09.2013.
2. *Бикман, Дж.* “Не искажая слова Божия...”. Принципы перевода и семантического анализа Библии / Дж. Бикман, Дж. Кэллоу. – СПб.: Ноах, 1994. – 464 с.
3. *Гарбовский, Н.К.* Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – М.: МГУ, 2004. – 544 с.
4. *де Ваард, Я.* На новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах / Я. де Ваард, Ю. Найда – СПб: Российское библейское общество, 1998. – 272 с.
5. *Десницкий, А.С.* Перевод Библии как литературный перевод / А.С. Десницкий // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии / Под ред. М.Е. Алексеева и др. - М.: ИПБ, 2003. – С. 333 – 366.
6. *Десницкий А.С.* Современный библейский перевод: теория и методология / А.С. Десницкий. – М.: Издательство ПСТГУ, 2015. – 432 с.
7. *Иероним.* Письмо LVII к Паммахию о наилучшем способе переводаи/ Пер. Н. Холмогоровой под ред. М. Касьян и Т.Миллер // Патристика. Новые переводы, статьи. – Нижний Новгород: Издательство братства во имя св. кн. Александра Невского, 2001. - С. 98-112.
8. *Иларион (Алфеев), митр.* Переводы Библии: история и современность / митр. Иларион (Алфеев) // Доклад на международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Современная библеистика и Предание Церкви» (Москва, 26-28 ноября 2013). - Режим доступа: http://theolcom.ru/images/pdf/bible_papers/02_mitr.Hilarion.pdf. - Дата доступа: 18.03.2014

9. *Крэміс Я., кс.* Гісторыя перакладу тэкстаў Святога Пісання на беларускую мову, здзейсненых Секцыяй па перакладзе літургічных тэкстаў і афіцыйных дакументаў Касцёла пры ККББ / Я. Крэміс / Царква. Беларускі хрысціянскі партал. - Режим доступа: <http://churchby.info/rus/621>. - Дата доступа: 20.07.2012.
10. *Левый И.* Искусство перевода. / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 398 с.
11. *Лукашанец, А.А.* Беларуская мова ў пачатку ХХІ ст. / А.А. Лукашанец // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. - 2009. - №1 - С. 4-10.
12. *Мячкоўская, Н.Б.* Мова і культура Беларусі. Нарысы / Н.Б. Мячкоўская. – Мн.: Права і эканоміка, 2008. – 347 с.
13. *Найда, Ю.* На новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах / Ю. Найда, Я. де Ваард. – СПб.: Российское Библейское Общество, 1998. – 272 с.
14. *Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения* / под ред. К.Т. Гадилия, Т.О. Майской. - М.: Институт перевода Библии, 2010. - 382 с.
15. *Самков М., свящ.* Идеология и перевод Библии. Перевод Бубера и Розенцвейга / М. Самков // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования» - 2012. – №. 3. - С. 127-140.
16. *Сидоренко А., прот.* Вопросы перевода и интерпретации Священного Писания в переписке Блаженного Августина с Блаженным Иеронимом / А. Сидоренко // XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. - 2009. - Т. 1. - С. 176–188.
17. *Сдобников, В.В.* Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода / В.В. Сдобников // Вестник НГЛУ. Проблемы перевода и переводоведения. – 2011. - № 14. - С. 114-124.

18. *Сдобников, В.В.* Стратегия перевода: общее определение / В.В. Сдобников // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. - № 1:13. - С. 165-172.
19. *Станкевіч, Ст.* Русіфікацыя беларускае мовы ў БССР і супраціў русіфікацыйнаму працэсу / Ст. Станкевіч. – Менск: Навука і тэхніка, 1994. - 79 с.
20. *Ценгер, Э.* Книга Двенадцати пророков / Э. Ценгер // Введение в Ветхий Завет / Под ред. Э. Ценгера. – М.: Библейско-богословский институт им. св. апостола Андрея, 2008. – 802 с.
21. *Чарота, І.А.* Беларуская мова і Царква / І.А. Чарота. -- Мн.: Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, 2000. – 176 с.
22. *Эйделькинд, Я.* К интерпретации Ионы / Я. Эйделькинд // Библия: Литературные и лингвистические исследования – 1997. - №. 1. - С. 83-112.
23. *Якобсон, Р.* О лингвистических аспектах перевода / Р.О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под. ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Советский писатель, 1978. – С. 16-24.
24. *Alter, R.* The Art of Biblical Narrative / R. Alter. - New York: Basic Books, 1981. – 195 p.
25. *Apter, R.* Ezra Pound / R. Apter // Translation Theory and Practice: A Historical Reader / Ed. by D. Weissbort and A. Eysteinsson. - Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 274-275.
26. *Aveling, H.* “Mistakes” in Translation: A Functionalist Approach / H. Aveling // A paper presented at the Third Workshop on “The Art of Translation” (London, 19-20 September 2002). - Mode of access: <http://soas.ac.uk/Literatures/satranslations/Aveling.pdf>. – Date of access: 24.01.2012.
27. *Benjamin, W.* The Task of the Translator / Trans. by H. Zohn// The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. – London - New York: Routledge, 2000. – P. 15-23.

28. *Bar-Efrat, S.* – Narrative Art in the Bible / S. Bar-Efrat. - Sheffield: Almond Press, 1989. – 295 p.
29. *Bassnet, S.* Translation Studies / S. Bussnet. – London & New York: Routledge, 2002. – 176 p.
30. *Batnitzky, L.* Idolatry and Representantation: The Philosophy of Franz Rosenzweig Reconsidered / L. Batnitzky. - Princeton: Princeton University Press, 2000. – 281 p.
31. *Bell, D.* Theoretical Maturation and Bible Translation: A Critical Look at Translation Theory with Special Reference to Bible Translation / D. Bell / Mode of access: <http://www.markandlauraward.com/blog/wp-content/uploads/2008/12/belldavidtheoreticalmaturationandbibletranslation.pdf> . - Date of access: 05.07.2012.
32. *Ben Zvi, E.* Sings of Jonah. Reading and Rereading in Ancient Yehud / E. Ben Zvi. - Sheffield: Sheffield Academic Press, 2003. – 176 p.
33. *Ben Zvi, E.* Jonah 4:11 and the Metaphoric Character of the Book of Jonah / E. Ben Zvi // The Journal of Hebrew Scriptures. – 2009. – Vol. 9. – Art. 5. – Mode of access: http://www.jhsonline.org/Articles/article_107.pdf. - Date of access: 22.07.2013. – 13 p.
34. *Berlin, A.* Poetics and Interpretation of Biblical Narrative / A. Berlin. - Sheffield: Almond Press, 1983. – 180 p.
35. *Bergen, R.* Text as a Guide to Authorial Intention: An Introduction to Discourse Criticism / R. Bergen // Journal of Evangelical Theological Studies. – 1987. – Vol. 30:3. – P. 327-336.
36. *Blackburn, P.* The Code Model of Communication. A Powerful Metaphor in Linguistic Metatheory / L.P. Blackburn. - SIL International, 2007. – 256 p.
37. *Bolin, T.* “Should I Not Also Pity Nineveh?” Divine Freedom in the Book of Jonah / T. Bolin // Journal for the Study of the Old Testament. – 1995. - Vol. 67. P. 109–20.
38. *Bolin, T.* Freedom Beyond Forgiveness: The Book of Jonah Re-examined / T. Bolin. - Sheffield: Sheffield Academic Press, 1997. – 218 p.

39. *Catford, J.* A Linguistic Theory of Translation / J. Catford. - Oxford: Oxford University Press, 1965. – 110 p.
40. *Chemorion, D.* Translating of Jonah's Narration and Poetry into Sabaoth. Toward a Participatory Approach to Bible Translation (PABT): a dissertation... doctor of theology / A. Chemorion. – Stellenbosch, 2008. – 318 p.
41. *Chesterman, A.* Skopos theory: a retrospective assessment / A. Chesterman // Perspektiven auf Kommunikation. Festschrift für Liisa Tittula zum 60. Geburtstag / Ed. by W. Kallmeyer et al. - Berlin: SAXA Verlag, 2010. – P. 209-225.
42. *Cheung, A.* Functionalism and Foreignization: Applying Skopos Theory to Bible Translation: a thesis... doctor of philosophy / A. Cheung. – Birmingham, 2011. - 310 p.
43. *Chomsky, N.* Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky - Cambridge, MA: The MIT Press, 1965. – 310 p.
44. *Christensen, D.* Reading Jonah in Hebrew / D. Christensen / Mode of access: http://www.bibal.net/04/proso/psalms-ii/pdf/dlc_reading-jonah-b.pdf. - Date of access: 15.07.2012.
45. *Ciampa, R.* Approaching Paul's Use of Scripture in Light of Translation Studies / R. Ciampa / Mode of access: <http://www.westmont.edu/~fisk/paulandscripture/Ciampa%20Pauls%20Use%20of%20Scripture%20in%20light%20of%20Translation%20Studies.pdf>. – Date of access: 07.08.2011.
46. *Cooper, A.* In Praise of Divine Caprice: the Significance of the Book of Jonah / A. Cooper // Among the Prophets: Language, Image and Structure in the Prophetic Writings / Ed. by Ph. Davies and D. Clines. – Sheffield: Sheffield Academic Press, 1993. – P. 144-163.
47. *Copeland, R.* Rhetoric, Hermeneutics, and Translation in the Middle Ages. Academic Traditions and Vernacular Texts. Cambridge, 1995. – 295 p.

48. *Das Neue Testament und frühchristliche Schriften, neu übersetzt und kommentiert* / Ed. by K. Berger, C. Nord. - Frankfurt: Insel Verlag, 1999.
49. *de Leon, M. Skopos and Beyond. A Critical Study of Functionalism* / M. de Leon // *Target*. – 2008. – Vol. 20:1. – P. 1-28.
50. *de Waard, J. From One Language to Another: Functional Equivalence in Bible Translating* / J. de Waard, E. Nida - Nashville: Thomas Nelson, 1986. – 224 p.
51. *de Vries, L. Bible Translations: Forms and Functions* / L. de Vries // *The Bible Translator*. – 2001. – Vol. 52:3. - P. 306-319.
52. *de Vries, L. Biblical Scholars, Translators and Bible Translations* / L. de Vries // *Scripture and Interpretation*. – 2008. – Vol. 2:2. – P. 141-159.
53. *del Castillo, A. Tarshish in the Book of Jonah* / A. del Castillo // *Revue Biblique*. – 2007. – Vol. 114:4. – P. 481-498.
54. *Doty, S. The Paradigm Shift in Bible Translation in the Modern Era, With Special Focus on Thai: thesis... Doctor of Philosophy* / Doty Stephen. – Auckland, 2007. – 312 p.
55. *Downie, J. The End of an Era? Does Skopos Theory Spell the End of the «Free vs. Literal» Paradigm?* / J. Downie/ Mode of access: <http://www.pneumareview.com/the-end-of-an-era-does-skopos-theory-spell-the-end-of-the-free-vs-literal-paradogim-by-jonathan-downie>. – Date of access: 27.10.2011.
56. *Esala, N. Implementing Skopostheorie in Bible Translation* / N. Esala // *The Bible Translator*. – 2013. – Vol. 64:3. – P. 300-323.
57. *Even-Zohar, I. Polysystem Theory* / I. Even-Zohar // *Poetics Today*. – 1979. – Vol. 1. - P. 287–310.
58. *Fiske, J. Introduction to Communication Studies* / J. Fiske. – London: Routledge, 2002. – 224 p.
59. *Greenstein, E. Essays on Biblical Method and Translation* / E. Greenstein. - Atlanta: Scholars Press, 1989. – 147 p.

60. *Grilli, M.* Quale rapporto tra i due Testamenti? Riflessione critica sui modelli ermeneutica classici concernenti l'unità delle Scritture / M. Grilli. – Bologna, 2007. – 224 p.
61. *Grudem, W.* Are Only Some Words of Scripture Breathed Out by God? Why Plenary Inspiration Favors “Essentially Literal” Bible Translation / W. Grudem // *Translating Truth. The Case for Essentially Literal Bible Translation* / Ed. by J.I. Packer. - Wheaton: Crossway Books, 2005. – P. 19–56.
62. *Guillaume, Ph.* The End of Jonah and the Beginning of Wisdom / Ph. Guillaume // *Biblica*. – 2006. - Vol. 87. – P. 243 – 250.
63. *Guillaume, Ph.* Rhetorical Reading Redundant: A Response to Ehud Ben Zvi / Ph. Guillaume // *The Journal of Hebrew Scriptures*. – 2009. – Vol. 9. – Art. 6. – Mode of access: http://www.jhsonline.org/Articles/article_108.pdf
Date of access: 22.07.2013
64. *Gutt, E.A.* Translation and relevance: cognition and context / E.A. Gutt. – Oxford: Blackwell, 1991. – 267 p.
65. *Handy, L.* Jonah's World. Social Science and the Reading of Prophetic Story / L. Handy. – London/Oakville: Equinox, 2007. – 214 p.
66. *Hatim, B.* Discourse and the Translator / B. Hatim, I. Mason. - London: Longman, 1990. – 258 p.
67. *Hatim, B.* The Translator as Communicator / B. Hatim, I. Mason. – London: Routledge, 1997. – 217 p.
68. *Hermans, Th.* The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation / Th. Hermans. - London: Croom Helm, 1985. – 249 p.
69. *Hill, H.* Bible Translation Basics: Communicating Scripture in a Relevant Way / H. Hill, E. Gutt, M. Hill, Ch. Unger, R. Floyd. – Dallas: SIL International. 2011. – 291 p.
70. *Hönig, H.* Strategie der Übersetzung. Ein Lehr- und Arbeitsbuch / H. Hönig, P. Kussmaul - Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982. – 172 p.
71. *Hönig, H.G.* Positions, Power and Practice: Functionalist Approaches and Translation / H.G. Hönig // *Translation and Quality. Current Issues in*

Language and Society / Ed. by Ch. Schaffner. - Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 6-34.

72. *House, P.R.* The Unity of the Twelve / P.R. House. – Sheffield: Almond Press, 1990. – 262 p.

73. *House, J.* Quality / J. House // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge, 2009. – P. 222-225.

74. *Jakobson, R.* On Linguistic Aspects of Translation / R. Jakobson // On Translation / Ed. by R. Brower. – Cambridge, 1959. – P. 232–239.

75. *Jensen, P.* Obadiah, Jonah, Micah: A theological commentary / P. Jensen – New York-London: T&T Clark, 2008. – 240 p.

76. *Jobes, K.* Relevance Theory and the Translation of Scripture / K. Jobes // Journal of Evangelical Theological Society. – 2007. – Vol. 50:4. – P. 773–797.

77. *Kearns, J.* Strategies / J. Kearns // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge 2009. – p. 282-285.

78. *Kenny, D.* Equivalence / D. Kenny // Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge, 2009. – P. 96-99.

79. *Kim, Y.* The function of הַיְטָב in Jonah 4 and Its Translation / Y. Kim // Biblica. – 2009. – Vol. 90. - P. 389-393.

80. *Kim, P.* Jonah Read Intertextually / P. Kim // Journal of Biblical Literature. – 2007. – Vol. 126:3. – P. 497-528.

81. *Kuo-Wei, P.* Contemplating the Future of Chinese Bible Translation: A Functionalist Approach/ P. Kuo-Wei// The Bible Translator. – 2012. - Vol. 63:1. – P. 1-16.

82. *Levy, J.* Translation as a Decision Process / J. Levy // The Translation Studies Reader // Ed. by L. Venuti. – London/New York: Routledge, 2000. – P. 148–159.

83. *Love, N.P.* Translating Jonah 2.9: Looking for a Breath of Fresh Air / N.P. Love // *The Bible Translator*. – 2013. – Vol. 64:3. – P. 266-283.
84. *Magonet, J.* Form and Meaning: Studies in Literary Technique in the Book of Jonah / J. Magonet. - Sheffield: Almond, 1983. – 184 p.
85. *Maxey, J.* Performance Criticism and Its Implications for Bible Translation. Part I / J. Maxey // *The Bible Translator*. – 2009. – Vol. 60:1. – P. 37-49.
86. *Maxey, J.* Performance Criticism and Its Implications for Bible Translation. Part II / J. Maxey // *The Bible Translator*. – 2009. – Vol. 60:3. – P. 165 - 182.
87. *McElhanon, K. A.* From Word to Scenario: The influence of Linguistic Upon Models of Translation// *Journal of Translation*. – 2005. – Vol. 3. – P. 29-67.
88. *McElhanon, K. A.* From Simple Metaphors to Conceptual Blending: The Mapping of Analogical Concepts and the Praxis of Translation / K.A. McElhanon // *Journal of Translation*. -2006. – Vol. 2:1. - P. 31-81.
89. *Munday, J.* Introducing Translation Studies / J. Munday. - London: Routledge, 2001. – 222 p.
90. *Naudé, J.* Contemporary Translation Studies and Bible Translation: A South African Perspective / J. Naudé, Ch. van der Merwe. - Bloemfontein: University of the Free State, 2002. – 290 p.
91. *Newmark, P.* Approaches to Translation / P. Newmark. - Oxford: Pergamon Press, 1981. – 200 p.
92. *Niccacci, A.* Syntactic analysis of Jonah / A. Nicacci // *Linguistic Analysis* – 1996. – Vol. 46. – P. 9-32.
93. *Nida, E.A.* Bible Translating: An Analysis of Principles and Procedures, with Special Reference to Aboriginal Languages / E.A. Nida. -New York: American Bible Society, 1947. – 240 p.
94. *Nida, E.A.* A new methodology in biblical exegesis / E.A. Nida // *The Bible Translator*. – 1952. – Vol. 3:3. – P. 97-111.

95. *Nida, E.A.* Message and Mission: The Communication of the Christian Faith / E.A. Nida. - New York: Harper, 1960. – 253 p.
96. *Nida, E.A.* Bible translating and the science of linguistics / E.A. Nida // *Babel*. – 1963. – Vol.9. – P. 99-104.
97. *Nida E.A.* Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating / E.A. Nida. - Leiden: Brill, 1964. – 331 p.
98. *Nida E.A.* The Theory and Practice of Translation / E.A. Nida, Ch.R. Taber. - Leiden: Brill, 1969. - 220 p.
99. *Nixon, R.* The Message of Jonah: Presence in the Storm / R. Nixon. – Leicester: InterVarsity Press, 2003. – 220 p.
100. *Nogalski, J.* Reading and Hearing the Book of the Twelve / J. Nogalski, M. Sweeney. – Atlanta: Society of Biblical Literature, 2000. – 236 p.
101. *Nord, Ch.* Loyalität statt Treue. Vorschläge zu einer funktionalen Übersetzungstypologie / Ch. Nord // *Lebende Sprachen*. – 1989. – Vol. 34. – P. 100-105.
102. *Nord, Ch.* Translating as a Purposeful Activity. Functionalist Approaches Explained / C. Nord. - Manchester: St. Jerome, 1997. – 154 p.
103. *Nord, Ch.* Dealing with Purposes in Intercultural Communication: Some Methodological Considerations / Ch. Nord // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. – 2001. – Vol. 14. – P. 151-166.
104. *Nord, Ch.* Loyalty revisited: Bible Translation as a case in point / Ch. Nord // *The Translator*. – 2001. - Vol. 7:2. – P. 185-202.
105. *Nord, Ch.* Manipulation and Loyalty in Functional Translation / Ch. Nord // *Current Writing*. – 2002. - Vol. 14:2. – P. 32-44.
106. *Nord, Ch.* The One and Only Version for Salvation? Ideological Aspects of Bible Translation. P. 1 / Ch. Nord / Mode of access: http://translation.hau.gr/telamon/files/Christiane%20Nord%20%20Athens_talk_en.pdf. – Date of access: 23.01.2012.

107. *Nord, Ch.* Text Analysis in Translation. Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis / Ch. Nord. – Amsterdam: Rodopi, 2005. – 274 p.
108. *Nord, Ch.* Making Otherness Accessible. Functionality and Skopos in the Translation of New Testament Texts / Ch. Nord // *Meta: journal des traducteurs.* – 2005. – Vol. 50:3. – P. 868-880.
109. *Nord, Ch.* Loyalty and fidelity in specialized translation / Ch. Nord // *Confluencias - Revistas de Tradução Científica e Técnica.* – 2006. – Vol. 4. – P. 31 – 41.
110. Perspectives on the Formation of the Book of the Twelve: Methodological Foundations, Redactional Process, Historical Insights / Ed. by R. Albertz, J. Nogalski, J. Wöhrle. – Berlin: Walter de Gruyter, 2012. – 414 p.;
111. *Pym, A.* Pour Une Ethique de Traducteur / A. Pym. – Artois: Artois Presse Université, 1997. – 155 p.
112. *Pym, A.* The Moving Text: Localization, Translation, and Distribution / A. Pym. – Amsterdam: John Benjamins, 2004. – 244 p.
113. *Reiß, K.* Grundlegung einer allgemeinen Übersetzungstheorie / K. Reiß, H. Vermeer - Tübingen: Niemeyer, 1984. – 245 p.
114. Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker and G. Saldanha. – 2nd ed. – London: Routledge 2009. – 674 p.
115. *Schaffner, Ch.* From “Good” to “Functionally Appropriate”: Assessing Translation Quality in Translation and Quality / Ch. Schaffner // *Translation and Quality* / Ed. by Ch. Schaffner. - Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 1-5.
116. *Sasson, J.* Jonah: A New Translation with Introduction, Commentary, and Interpretation / J. Sasson. - New York: Doubleday, 1990. – 368 p.
117. *Scaiola, D.* Il Nuovo Testamento è nascosto nell’Antico e l’Antico è manifesto nel Nuovo. Considerazioni di carattere teologico sul tema dell’unità della S. Scrittura» / D. Scaiola // *Euntes Docete.* – 2011. – Vol. 64:2. – P. 11-27.

118. *Schjoldager, A.* Understanding Translation / A. Schjoldager, G. Henrik, I. Klitgård. - Aarhus/Copenhagen: Academica, 2008. – 312 p.
119. *Smith, K. G.* Bible Translation and Relevance Theory. The Translation of Titus: a thesis... doctor litterarum / K.G. Smith. – Stellenbosch, 2000. – 260 p.
120. *Simon, U.* Jonah: The Traditional Hebrew Text with the New JPS Translation / U. Simon, J. Schramm. – Philadelphia: Jewish Publication Society, 1999. – 52 p.
121. *Smith, K.G.* Translation as Secondary Communication. The Relevance Theory Perspective of Ernst-August Gutt / K.G. Smith // Acta Theologica Supplementum – 2002. – Vol. 2. – P. 107-117.
122. *Smith, K.G.* The Emergence of Relevance Theory as a Theoretical Framework for Bible Translation / K. G. Smith // Conspectus. – 2007. – Vol. 4. – P. 65-81.
123. *Smith, K.G.* Direct translation: Striving for Complete Resemblance / K. G. Smith // Conspectus. – 2008. – Vol. 5. – P. 169-184.
124. *Snell-Hornby, M.* Translation Studies: An Integrated Approach / M. Snell_Hornby. - Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – 163 p.
125. *Snell-Hornby, M.* The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints / M. Snell-Hornby –Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. – 205 p.
126. *Sollamo, R.* Translation Technique and Translation Studies: The Problem of Translation Universals / R. Sollamo / XIII Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies, Ljubljana, 2007// Ed. by K. H. Peters. - Atlanta: Society of Biblical Literature, 2008. - P. 339-351.
127. *Sperber D.* Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. - Oxford: Blackwell, 1986. – 279 p.
128. *Steiner, G.* After Babel. Aspects of Language and Translation / G. Steiner. - London: Oxford University Press, 1975. – 507 p.

129. *Sternberg, M.* The Poetics of Biblical Narrative. Ideological Literature and the Drama of Reading. Bloomington: Indiana University Press, 1985. – 580 p.
130. *Timmer, D.* The Intertextual Israelite Jonah Face à l'Empire: the Post-Colonial Significance of the Book's Contexts and Purported Neoassyrian Context / D. Timmer // The Journal of Hebrew Scriptures. – 2009. – Vol. 9. – Art. 9. – Mode of access: http://www.jhsonline.org/Articles/article_111.pdf. - Date of access: 22.07.2013.
131. *Toury, G.* Descriptive Translation Studies and Beyond / G. Toury. - Amsterdam: J. Benjamins, 1995. – 311 p.
132. *Trible, Ph.* Rhetorical Criticism: Context, Method, and the Book of Jonah, Guides to Biblical Scholarship / Ph. Tribble. - Minneapolis: Fortress, 1994. – 264 p.
133. *Trosborg, A.* Translation Studies: Some Recent Developments / A. Trosborg // Hermes. Journal of Linguistics. – 1994. – Vol. 12. – P. 9-26.
134. *Tucker, W.* Jonah: a handbook on the Hebrew text / W. Tucker. - Waco: Baylor University Press, 2006. – 117 p.
135. *Tymoczko, M.* Enlarging Translation, Empowering Translators / M. Tymoczko. - Manchester: St. Jerome Pub., 2007. – 353 p.
136. *Van der Louw, Th.* Approaches in Translation Studies and Their Use for the Study of the Septuagint / Th. Van der Louw // XII Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies / Ed. by K. H. - Leiden, 2004 / Ed, by Melvin K. H. Peters. - Brill: Leiden-Boston, 2006. - P. 17-28.
137. *Van der Merwe, Ch.* A Biblical Hebrew. Reference Grammar / Ch. van der Merwe, J. Naudé, J. Kroeze. – Sheffield: Sheffield Academic Press, 1999. – 404 p.
138. *Van der Merwe, Ch.* The Bible in Afrikaans: a Direct Translation – a New Type of Church Bible / Ch. van der Merwe // HTS Teologiese Studies-

Theological Studies 68:1. - Art. #1204, 8 pages. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.4102/hts.v68i1.1204>. – Date of access: 25.07.2013.

139. *Van der Merwe, Ch.* A New Translation of the Bible into Afrikaans: a Theoretical and Practical Orientation / Ch. Van der Merwe // Dutch Reformed Theological Journal. – 2003. – Vol. 44. – P. 550-567.

140. *Venuti, L.* The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference / L. Venuti. - London/New York: Routledge, 1998. – 210 p.

141. *Venuti, L.* The Translator's Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – London/New York: Routledge, 2008. – 319 p.

142. *Vermeer, H.* Ein Rahmen für eine allgemeine Translationstheorie / H. Vermeer // Lebende Sprachen. 1978. – Vol. 23. – P. 99–102.

143. *Vermeer, H.* Übersetzen als kultureller Transfer // Übersetzungswissenschaft – Eine Neuorientierung. Zur Integrierung von Theorie und Praxis. - Tübingen: Francke, 1986. – P. 30–53.

144. *Vermeer, H.* What does it mean to translate? / H. Vermeer // Indian Journal of Applied Linguistics. – 1987. – Vol. 13:2. – P. 25-33.

145. *Vermeer, H.* Scopos and commission in translational action / H. Vermeer // The Translation Studies Reader / Ed. by L. Venuti. – London and New York. – 2000. – P. 221-232.

146. *Vinay J.P.* Stylistique comparée du Français et de l'Anglais / J.P. Vinay, J. Darbelnet. - Paris, 1958. – 331 p.

147. *Voth, S.* Towards an Ethic of liberation for Bible Translation. Part 1: Ideology / S. Voth // Mode of access: <http://sbl-site.org/publications/article.aspx?articleId=754>. – Date of access: 23.01.2012.

148. *Weber, D. J.* A Tale of Two Translation Theories / D.J. Weber // Journal of Translation. – 2005. – Vol. 1:2. - P. 35-74.

149. *Wendland, E.R.* On the relevance of “relevance theory” for Bible translation / E.R. Wendland // The Bible Translator. – 1996. – Vol. 47. – P. 126-138.

150. *Wendland, E.R.* Text Analysis and the Genre of Jonah. Part 1 / E.R. Wendland // *Journal of Evangelical Theological Studies*. – 1996. – Vol. 39:2. – P. 191-206.
151. *Wendland, E.R.* Text Analysis and the Genre of Jonah. Part 2 / E.R. Wendland // *Journal of Evangelical Theological Studies*. – 1996. – Vol. 39:3. – P. 373-395.
152. *Wendland, E.R.* Recursion and Variation in the “Prophecy” of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 1 / E.R. Wendland // *Seminary Studies*. – 1997. - Vol. 35:1. – P. 67-98.
153. *Wendland, E.R.* Recursion and Variation in the “Prophecy” of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 2 / E.R. Wendland // *Seminary Studies*. – 1997. - Vol. 35:2. – P. 189-209.
154. *Wendland, E.R.* Recursion and Variation in the “Prophecy” of Jonah: On the Rhetorical Impact of Stylistic Technique in Hebrew Narrative Discourse, With Special Reference to Irony and Enigma. Part 3 / E.R. Wendland // *Seminary Studies*. – 1997. - Vol. 36:1. – P. 81-110.
155. *Wendland, E.R.* Five Key Aspects of Style in Jonah and How to Translate them / E.R. Wendland // *The Bible Translator*. – 1997. - Vol. 48:3. – P. 308-328.
156. *Wendland, E. R.* Towards a “Literary” Translation of the Scriptures: With Special Reference to a “Poetic” Rendition / E.R. Wendland // *Acta Theologica Supplementum*. – 2002. – Vol. 2. - P. 164-201.
157. *Wendland, E.R.* Translating the Literature of Scripture: A Literary-Rhetorical Approach to Bible Translation / E.R. Wendland. - Dallas: SIL, 2004. – 509 p.
158. *Wendland, E.* LiFE-Style Translating. A Workbook for Bible Translators / E. Wendland. – Dallas: SIL International, 2006. – 336 p.

159. *Wilson D.* An Outline of Relevance Theory / D. Wilson, D. Sperber// Notes on Linguistics. – 1987. – Vol. 39. – P. 5-24.
160. *Wilt, T.* Lexical Repetition in Jonah / T. Wilt // Journal of Translation and Textlinguistics. – 1992. – Vol. 5:3. - P 252-264.
161. *Wilt, T.* Bible Translation: Frames of Reference / Ed. by T. Wilt. - Manchester: St. Jerome, 2003. – 306 p.
162. *Wilt, T.* Pigeon: une traduction de *Yônâh* / T. Wilt // Le Sycomore. – 2003. – Vol. 13. - P. 5-17.
163. *Wilt, T.* Scripture Frames and Framing: A Workbook for Bible Translators / T. Wilt, E. Wendland. - Stellenbosch: Sun Press, 2008. – 366 p.
164. *Winckler, G.* Training tomorrow's Bible translators: some theoretical pointers / G. Winkler, Ch. van der Merwe // Journal of Northwest Semitic Languages – 1993. – Vol. 19. – P. 41-59.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Канцэпцыя новага перакладу «Новая Беларуская Біблія»

Біблія – адзін з самых запатрабаваных тэкстаў у гісторыі нашай цывілізацыі. Беларуская мова з’яўляецца адзінай дзяржаўнай мовай еўрапейскай краіны, якая дагэтуль ня мае свайго поўнага перакладу Бібліі з арыгінальных моваў. З гісторыі вядома, што пераклады Бібліі на еўрапейскія мовы паспрыялі духоўнаму развіцццю гэтых нацыяў і стварылі фундамент літаратурных моваў. Таму Беларусі абсалютна неабходны якасны акадэмічны пераклад Бібліі з арыгінальных моваў на сучасную беларускую літаратурную мову. Такі пераклад павінен стаць каталізатарам духоўнага, культурнага, сацыяльнага жыцця народу. Такі пераклад павінны паспрыяць звароту новых пакаленняў беларусаў да Бібліі, якая ёсць скарбніцай асноўных хрысціянскіх каштоўнасцяў.

Акрамя гэтага, Біблія з’яўляецца выбітным помнікам сусветнай літаратуры, невычэрпнай крыніцай натхнення для чалавецтва на працягу тысячагоддзяў. На жаль, мастацкія асаблівасці гэтага тэксту, яго паэтыка і стылістыка амаль не ўлічваліся папярэднімі беларускімі перакладчыкамі. Новы літаратурны пераклад павінны прыцягнуць да Бібліі аматараў прыгожага слова, стаць асновай для выкарыстання біблейнага тэксту ў свецкай культуры.

Акадэмічны пераклад не падмяняе сабою канфесійныя пераклады, але пакліканы дапоўніць іх. Ён прызначаны спрыяць больш глыбокаму і ўсебаковаму разуменню Бібліі беларускім чытачом, незалежна ад ступеню ягонага ўцаркаўлення.

Патрабаванні да перакладу:

- робіцца з арыгінальных моваў (гэбрайская, арамейская, грэцкая);

- робицца з тэксталагічных крыніц, прынятых большасцю сучасных біблістаў у якасці асновы (*BibliaHebraicaStuttgartensia*, *BibliaHebraicaQuinta*, 28-е выданьне Nestle-Aland);
- імкнецца да максімальна поўнай перадачы сэнсу арыгінальнага тэксту, з улікам дасягненняў сучаснай лінгвістыкі, гісторыі, культурнай антрапалогіі, літаратуразнаўства, перакладазнаўства ды інш.;
- імкнецца перадаць мастацкія вартасці біблейнага тэксту з улікам жанравых і стылістычных асаблівасцяў арыгіналу;
- робицца на сучасную літаратурную беларускую мову і пры гэтым абпіраецца на аўтарытэтныя меркаванні прадстаўнікоў беларускай інтэлектуальнай і творчай эліты;
- гэты пераклад ствараецца калегіяльна групай навукоўцаў, кампетэнтных у розных галінах біблістыкі (гебраістаў, філолагаў-класікаў, багасловаў розных канфесіяў, біблеістаў), а таксама беларускіх лінгвістаў і літаратараў.

Акадэмічны пераклад імкнецца задаволіць патрэбы розных канфесіяў, акадэмічнай і інтэлектуальнай супольнасці. Высокія літаратурныя і мастацкія якасці, да якіх імкнецца гэты пераклад, павінны прывабіць самае шырокае кола беларускіх чытачоў да той невычарпальнай крыніцы духоўных скарбаў, якою ёсць Біблія.

Концепция нового перевода Библии «Новая Беларуская Біблія»

(перевод на русский язык)

Библия – один из самых востребованных текстов в истории нашей цивилизации. Беларусский язык является единственным государственным языком европейской страны, который до настоящего времени не имеет своего полного перевода Библии с оригинальных языков. Из истории известно, что переводы Библии на европейские языки способствовали духовному развитию наций и создали фундамент литературных языков. Поэтому Беларуси абсолютно необходим качественный академический перевод Библии с оригинальных языков на современный беларусский литературный язык. Такой перевод должен стать катализатором духовной, культурной, социальной жизни народа и должен способствовать обращению новых поколений беларусов к Библии, сокровищнице основных христианских ценностей.

Кроме того, Библия является выдающимся памятником всемирной литературы, неисчерпаемым источником вдохновения для человечества на протяжении тысячелетий. К сожалению, художественные особенности этого текста, его поэтика и стилистика почти не учитывались предыдущими беларусскими переводчиками. Новый литературный перевод должен привлечь ценителей изящной словесности, стать основой для использования библейского текста в светской культуре.

Академический перевод не подменяет собой конфессиональные переводы, но призван дополнить их. Он должен способствовать более глубокому и всестороннему пониманию Библии беларусским читателем, вне зависимости от степени его воцерковленности.

Требования к переводу:

- осуществляется с оригинальных языков (еврейский, арамейский, греческий);

- делается на основе текстологических источников, принимаемых большинством современных библейских ученых за основу (*BibliaHebraicaStuttgartensia*, *BibliaHebraicaQuinta*, 28-е издание Nestle-Aland);
- стремится к максимально полной передаче смысла оригинального текста с учетом достижений современной лингвистики, истории, культурной антропологии, литературоведения, переводоведения и др.;
- стремится передать художественные качества библейского текста с учетом жанровых и стилистических особенностей оригинала;
- осуществляется на современный литературный белорусский язык и при этом опирается на авторитетные мнения представителей белорусской интеллектуальной и творческой элиты;
- этот перевод создается коллегиально группой учёных, компетентных в разных сферах библеистики (представителей новозаветной и ветхозаветной библеистики, габраистов, филологов-классиков, богословов разных конфессий), а также белорусских лингвистов и литераторов.

Новый перевод стремится удовлетворить нужды разных конфессий, академического и интеллектуального сообщества. Высокие литературные и художественные качества, к которым стремится этот перевод, должны привлечь самый широкий круг белорусских читателей к тому неисчерпаемому источнику духовных сокровищ, которым является Библия.

Новый перевод книги Ионы на белорусский язык

ЁНА

ДЗЕЯІ

... Госпад загадаў Ёну, сыну Амітаеву:

- Спяшайся да Ніневы, вялікага гораду! Абвясці прысуд ейным жыхарам, бо больш не магу цяпець іхніх злачынстваў!

І Ёна пайшоў... але ў процілеглы бок, у Таршыш, на самы край зямлі, каб уцячы ад Госпада. Сышоўшы да Яфо, ён сустрэў карабель, што якраз прыплыў з Таршышу. Аздаўшы належную плату, прарок спусціўся ў яго, каб выправіцца ў Таршыш, прэч ад Госпада.

Тады Госпад кінуў на мора шалёны вецер. Узнялася жудасная бура! Карабель ахапіў жах: яшчэ крыху – і ён растрэшчыцца... Спалоханыя маракі пачалі крычаць да сваіх багоў, выкідаючы тыя рэчы, што былі ў караблі, у Мора, каб супакоіць яго. А Ёна, тым часам, спусціўся ў спод карабля і заснуў глыбокім сном.

Да Ёны падб'яжаў стэрнавы і ўсклікнуў:

- Як ты можаш спаць?! Уставай! Звярніся да свайго боства - можа падбае яно пра нас і мы не загінем!

Тым часам маракі пачалі радзіцца паміж сабою:

- Давайце кінем лёсы і даведаемся, з якой прычыны гэтае няшчасце напаткала нас.

Лёсы ўпалі на Ёну...

- Скажы нам, - спыталі яго маракі, - хто вінны ў нашай бядзе? З якой мэтай ты тут? Адкуль ідзеш? З якой ты зямлі? Да якога належыш народу?

- Габрэй я! Пакланяюся Госпаду, Богу нябёсаў, творцу мора і сушы!
– такім быў адказ. ... Але я ўцякаю ад гэтага Бога, - працягнуў Ёна.

Неймаверны страх ахапіў тых людзей, калі пачулі яны такія словы:

- Што ж ты нарабіў! – усклікнулі маракі.

А Мора, тым часам, злавала ўсё больш...

- Што ж нам рабіць з табой, каб Мора суцішылася?! – спыталі маракі Ёну.

- Вазміце мяне і выкіньце ў Мора, - адказаў Ёна. – Тады яно сціхне.

Вызнаю, што менавіта я – прычына гэтай жудаснай буры.

Маракі пачалі адчайна веславаць да сушы, але нічога ў іх не атрымлівался, бо Мора злавала ўсё больш і больш... Тады яны ўзмаліліся:

- О, Госпадзе! Няхай мы не загінем з-за гэтага чалавека! Не спагані з нас крыві нявіннай! Таму што гэта – Твая воля!

І, падняшы Ёну, кінулі яго ў Мора - і яно ўтаймавала сваю ярасць. У трапятанні схілілі гэтыя людзі калены перад Госпадам, прыняслі ахвяру і зарокі.

ДЗЕЯ II

Тады Госпад зрабіў так, што Ёну праглынула вялікая рыба, ва ўлонні якой ён заставаўся тры дні і тры ночы. І тады Ёна пачаў маліцца:

У распачы Госпада паклікаў я –

Ён не пакінуў мяне!

З нетраў Шэолу я закрычаў –

і Ты пачуў!

Ты кінуў мяне ў бездань –

апынуўся я ў сэрцы марскім!

Патокі вады ахінулі мяне,

хвалі Твае паглынулі мяне!

Воды Хаосу ахапілі мяне,
марской травой спавіты,
так што ўжо і не дыхаю я!

Да асноваў гор я спусціўся,
навякі краіна мёртвых
замкнула брамы свае за мной.

Падумаў я:
“Адкінуты далёка я ад Цябе...
Аднак я яшчэ ўбачу Твой святы Храм!”

Душа мая знясілела –
і Госпада ўспомніў я.
Дайшла малітва мая да Цябе,
да Храма святога Твайго.

... Ты падымаеш мяне з Ямы,
О, Госпадзе, Божа мой!

Тыя, хто нікчэмных ідалаў шануе,
забылі пра вернасць сваю да Госпада.

А я, спяваючы песні хвалы,
ахвяры Табе прынясу!
Абяцанні свае здзяйсню.

Збаўленне ад Госпада!

Сказаў Госпад рыбе і яна вырыгнула Ёну на сушу.

ДЗЕЯ ІІІ

У другі раз Госпад загадаў Ёну:

- Спяшайся да Ніневы, вялікага гораду! Абвясці ейным жыхарам тое, што Я скажу табе!

Як і загадаў Госпад, Ёна пайшоў да Ніневы (горад гэты быў вялізарным у Бога: тры дні спатрэбілася б, каб абысці яго). Варта было Ёну адзін дзень прайсціся горадам, абвясчаючы: “Яшчэ сорок дзён і Нінева ўжо не будзе ранейшай” – як ніневійцы, паверыўшы Богу, ад мала да вяліка, на знак пакаяння абвясцілі пост і апрануліся ў зрэб’е. Калі гэта данеслася да ўладара Ніневы, ён ўстаў з пасаду, скінуў з сябе шаты, пакрыўся зрэб’ем і сеў у попеле. Затым ён абвясціў наступнае:

“Ніневе.

Так пастанавіў уладар і вяльможы яго:

- Людзі і жывёлы (буйныя і дробныя) – хай нічога не ядуць, не пасвяцца і вады ня п’юць!
- Людзі і жывёлы павінны накрыцца зрэб’ем і штосілы клікаць да Бога!
- Сыдзіце з дарогі зла! Пакіньце гвалт, які вы чыніце!

Ці ведае хто: можа Бог пераменіць сваё рашэнне? Можа ён злітуецца над намі, адмовіцца ад свайго гневу і мы не загінем?”

Убачыўшы з учынкаў ніневійцаў, што сышлі яны з дарогі зла, Бог зжаліўся і не пакараў іх, як абяцаў раней.

ДЗЕЯ ІV

Ёну ж грызла згрызота вялікая, усё палала ўнутры яго:

- О, Госпадзе! Хіба ж я не пра гэта казаў, як быў яшчэ на сваёй радзіме? Менавіта таму і вырашыў уцячы ў Таршыш! Я ж ведаў, што ты – Бог літасцівы і спагадлівы, цяплівы і багаты на міласць, і не жадаеш людзям зла! Дык вось, Госпадзе! Лепей забі мяне! Ужо лепш памру – навошта мне жыць!

Госпад спытаў:

- Няўжо ў цябе сапраўды так усё палае ўнутры?

...Ёна выйшаў з гораду і сеў на ўсход ад яго. Зрабіўшы сабе шалаш, ён усеўся пад ім у ценю, чакаючы таго, што ж будзе адбывацца ўнутры горада. Каб Ёну не было так балюча, Госпад Бог насадзіў расліну кікаён, якая вырасла і давала прароку ратавальны цень. Як жа усцешыўся Ёна!

Наступнага дня, калі ледзве займаўся золак, Бог паслаў чарвяка, каб той знішчыў кікаён. І той зрабіў сваю справу – напаў на расліну і яна засохла. Калі ж пачало ўзыходзіць сонца, Бог наслаў гарачы гвалтоўны вецер. Распаленае свяціла вісела над галавой Ёны. Амаль знепрытомнеўшы, ён думаў толькі пра адно: “ужо лепш памерці, чым жыць...”.

Тады Бог спытаў яго:

- Няўжо табе так балюча праз кікаён?

Ёна адказаў:

- Калі б Ты толькі ведаў! Я проста паміраю ад болю!

Прамовіў Госпад:

- Табе шкада расліны, над якой ты не працаваў і якую ты не вырошчваў, якая ў адну ноч з’явілася і ў адну ноч загінула? А Я не пашкадую Ніневы! У гэтым вялікім горадзе больш за сто дваццаць тысяч людзей і шмат жывёлы – а ён не можа адрозніць праўды ад крыўды!